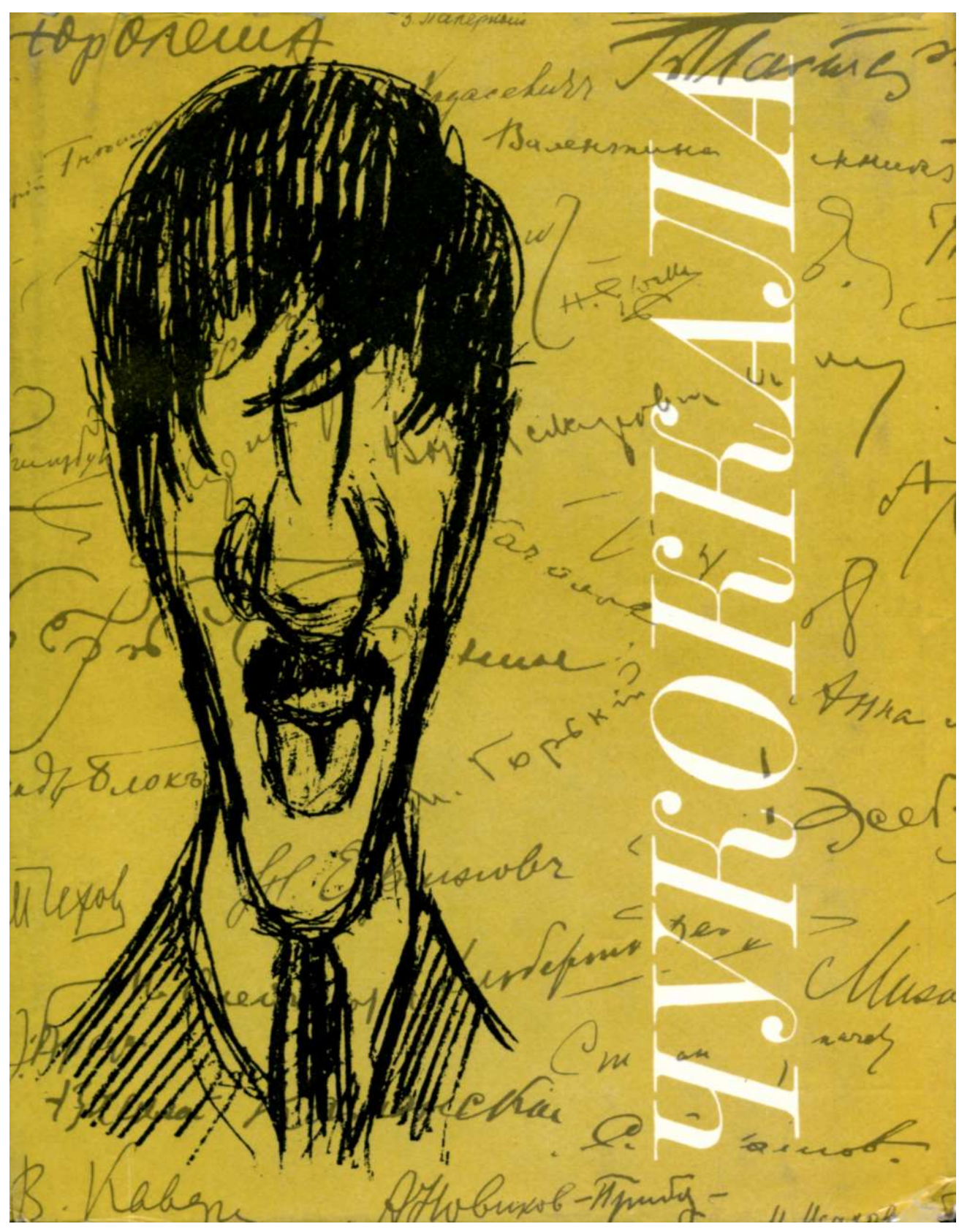

ЧУКОККАЛА

Москва
«Искусство»
1979

Рукописный альманах

Корнея Чуковского

ЧУКОВКА.ЛА

Предисловие
И. АНДРОНИКОВА

Оформление и макет
Е. СМЕРНОВА

*Книга представляет собой
факсимильное воспроизведение
страниц рукописного альманаха
Корнея Чуковского.
Комментарий к рисункам
и автографам написан
К. И. Чуковским.
Записи в альманахе собирались
с 1914 по 1969 год.*

Высочайшая степень признания и популярности — это когда фамилия не требует ни пояснений, ни даже имени перед ней. Но Корней Иванович Чуковский шагнул даже за эту не так уж часто достигаемую черту. Можно не произносить и фамилии, а просто сказать: «Корней Иванович». И, пожалуй, никто не спросит, о каком Корнее Ивановиче идет речь.

Корней Иванович — один, знакомый всем сызмальства по звонким стихам, по его замечательным сказкам, певучим, жизнерадостным, остроумным. Один — и очень любимый всеми без различия возрастов, потому что, и возмужав, читатель не расстанется с ним, а просто открывает другие его сочинения. Колоссальный талант Чуковского обращен ко всем сразу, писатель беседует со всеми одновременно. Спектр его творчества так разнообразен и ярок, столь неповторимо и небывало все им написанное, что чувства радости, благодарности, восхищения граничат всегда с удивлением перед этим творческим подвигом. И детский писатель. И глубокий исследователь детского творчества и психологии детской. Тонкий, острый и дальновидный критик. Историк русской литературы, неутомимый собиратель рукописного наследия Некрасова, лучший истолкователь его поэзии, его биограф, комментатор, редактор. Текстолог блистательный. Остроумнейший публицист. Вдохновенный защитник русского языка от всех, кто небрежен в обращении со словом, кто лишает нашу речь ее гибкости, силы и красоты. Замечательный переводчик, под пером которого Марк Твен, О'Генри, Уолт Уитмен, Редьярд Киплинг изъясняются на таком живом языке, словно всю жизнь писали только по-русски. Он автор великолепного исследования — «Высокое искусство» — о том, какими свойствами должен обладать творческий перевод. Корней Иванович — мемуарист увлекательный. В его мемуарных книгах слова ложатся, словно краски на полотно, и вдруг портрет оживает, начинает двигаться, говорить...

Хотя заслуги Корнея Ивановича признаны и оценены — он был облачен в мантию доктора Оксфордского университета, удостоен за свой труд о Некрасове Ленинской премии, — мы еще не все сказали о нем, о всей широте и мощи его таланта, о неповторимых свойствах его искусства, его мастерства.

Почти семь десятилетий работал Корней Иванович в литературе: печататься он начал в 1901 году. Почти семь десятилетий писал. Не часто бывает такое.

Но дело не в стаже, а в том, что семь десятилетий подряд читатель читает его. Что творческое его восхождение свершалось без перерывов и спадов. Что с каждым годом все большее число людей его любит. Любовь к Корнею Ивановичу в нашей стране имеет во многих случаях характер потомственный: современные деды и сами

читали его и завещали эту любовь детям и внукам, передавая по наследству растрепанные, но дорогие их сердцу книжки или стараясь достать те же самые в новых изданиях. Сколько прошло за эти десятилетия знаменитых писателей, которыми тоже когда-то зачитывались, о которых спорили жарко... Увы! Многие имена известны теперь только специалистам.

Столько эпох пережить. И писать, не старея, а, наоборот, набирая все большую высоту, — как хотите, но, кажется, это едва ли не единственный случай!

Кто может владеть вниманием читателя на протяжении столь долгого времени? Тот лишь, кто внес в литературу нечто принципиально новое, расширившее сферу ее влияния, что раздвинуло пределы литературы, выразило важные черты своего времени, удовлетворило непреходящие эстетические потребности общества. Что же внес в литературу Корней Иванович Чуковский?

Давайте подумаем.

Когда и где историко-литературная работа, книга о мастерстве поэта могла превратиться из монографии, доступной узкому кругу специалистов-филологов, в труд всенародного значения и в излюбленное чтение сотен тысяч людей?

Ответить нетрудно: в наше время в нашей стране это стало не только возможным, но и естественным. Но первый-то, первый кто? Сблизивший филологическую науку с литературой?

Корней Иванович Чуковский.

Это не популяризация чужих и даже не своих собственных достижений. Это сама филологическая наука, ставшая достоянием всеобщим. В своей книге Чуковский обращается и к ученому и к любознательному читателю. Он разговаривает с ними на одном языке, ибо верит в читателя, уважает его ум и талант.

Кто первый превратил комментарий к поэтическим текстам из сухих академических справок в живой разговор о поэзии и о работе поэта?

Корней Иванович Чуковский—в комментариях к одному томику Сочинений Некрасова, которые похвалил Владимир Ильич Ленин.

Кто сделал проблему художественного перевода интересной не только для переводчиков, но и для огромной массы читателей? Кто стал собирать у нас детский фольклор и создал необыкновенную книгу «От двух до пяти»—не для одних педагогов, психологов и лингвистов, но для родителей и даже детей? Точно так же и воспоминания Чуковского—это не мемуары в обычном понимании слова. Это—большая литература, воссоздающая эпоху, характеры, разговоры, стиль времени, стиль человека.

Чуковский раздвинул границы литературы, расширил самое понятие «литература». Вот что он сделал! Мы знаем замечательных романистов, поэтов, критиков, работающих в существующих жанрах и раздвигающих своим творчеством жанровые границы. Чуковский создал новые жанры. Написанное им не похоже ни на что, бывшее прежде. И объясняется это не только силой таланта, но и его особыми свойствами: талант Корнея Ивановича заключает в себе много талантов. Если хорошенько подумать, книгу о Некрасове создал не только историк литературы К. И. Чуковский, но и поэт К. И. Чуковский, и прозаик К. И. Чуковский, и критик К. И. Чуковский, и публицист К. И. Чуковский. Слитые вместе, эти таланты образовали соединение нерасторжимое и, конечно, неповторимое.

Объясняется это еще и тем, что Корней Иванович мог писать о самых трудных вещах и каждому был понятен. Всегда естествен, доступен и прост. Обладал какой-то непостижимой силой интимного контакта с читателем, непринужденного общения с ним. Что бы он ни печатал—это всегда был он сам, Корней Иванович

Чуковский, во всем его неповторимом своеобразии. Не знаю другого писателя, который с такой полнотой сумел бы передать на бумаге свой характер, свое искусство вести доверительную беседу, интонации голоса своего — молодого, высокого, звонкого, манеру свою говорить — живую, полную юмора и какого-то юношественного задора. Все, что написано Корнеем Ивановичем, празднично, артистично, как, впрочем, и все, что он говорил, и то, как он держался. А держался он необыкновенно свободно, был пластичен в каждом движении. Идет — высокий, легкий, стройный... Куда там девятый десяток — в тридцать пять так не ходят! Смотришь — радостно глазу!

Куда бы он ни пришел — мгновенно завладевал вниманием каждого и каждой аудитории. Вся жизнь его прошла в людском окружении. Где Корней Иванович — там люди, там хорошо, талантливо, там атмосфера доброжелательства, умные и острые шутки. И все оживало вокруг него, все наслаждалось общением с ним. Веселое у него перетекало в серьезное, серьезное разрешалось шуткой, речь была полна красок, отливала оттенками, в каждом слове — творчество и щедрость души!

Ставшее классическим выражение, что стиль — это сам человек, неповторимые свойства человеческой личности и таланта, к Корнею Ивановичу подходит, как мало к кому. Он оставался самим собой при всех обстоятельствах. И в то же время всегда находил новое отношение в разговоре с каждым из своих собеседников, а собеседников тысячи — и будь то Алексей Николаевич Толстой, Фадеев или Леонов, Пастернак, Федин или Кассиль, ученый, педагог, редактор, водитель машины, взрослый, ребенок, — разговору с каждым он придавал всегда особый оттенок. И поэтому разговор получался всегда «музыкальным» по своей внутренней сущности и всегда «гармоничным», даже в тех случаях, когда Корней Иванович не соглашался и спорил, отстаивая свое отношение, свой взгляд.

Особый аспект его отношений — это Корней Иванович с детьми. Мгновенно перевоплощаясь, он видел мир как бы и за себя и за них. И с ними ему, кажется, было не менее интересно, чем в его обществе им. Я видел его часто в кругу детей, выступал с ним... Как прекрасен он был и как восхищал всех! И было у него еще одно свойство — умение не только познакомить людей, но и сдружить. Встретившись в кабинете Чуковского с человеком вам незнакомым, вы потом подходили к нему с открытой душой: «Познакомились у Корнея Ивановича!» Стало быть, узнали друг друга с лучших сторон.

Последние тридцать лет Корней Иванович жил круглый год в Переделкине — в писательском городке под Москвой. Вставал на рассвете. Когда другие только еще начинали свой день, Корней Иванович, уже наработавшись без помех в тишине, делал первый антракт. Трудился он до пяти часов дня. В свободное время вы могли встретить у него ученых, писателей, журналистов — наших и зарубежных. Спросите — и каждый вам скажет, что выходил из его кабинета помолодевшим.

Сорок лет знал я Корнея Ивановича, сорок лет он был таким. Вчерашний день не уходил от него в прошлое. Все, кого ни встречал он, — словно всегда оставались возле него. Ясность и яркость памяти — ассоциативной, зрительной, слуховой — были у него поразительны. Умение запомнить в человеке самое интересное казалось нам просто чудом. То, что у нас всех улетучивается из памяти в ту же минуту, Корней Иванович видел и слышал долгие годы. Он умел остановить мгновение, возвратить время. И в этом ему помогала «Чукоккала» — еще одно создание его таланта, памятник небывалый в истории русской литературы. Других таких нет!

Более полувека назад, а точнее — летом 1914 года, живя рядом с Репиным на даче под Петербургом, в Куоккале, Корней Иванович завел тетрадь для автографов. Ей

было дано шутливое прозвище. Кто только не брал в руки «Чукоккалу»! Кто не рисовал в ней, не писал в ней шуток, стихов! Тут великолепнейшие рисунки Ильи Репина, выполненные с помощью чернил и окурка, шаржи, рисованные Владимиром Маяковским, стихи Блока, экспромты и записи Горького, Леонида Андреева, Бунина, Куприна, Алексея Толстого... Тут Римский-Корсаков, Лядов, Шалаяпин, Оскар Уайльд, Герберт Уэллс, Конан Дойль. Тут Луначарский, художники Юрий Анненков, Добужинский, Александр Бенуа, Петров-Водкин, Григорьев, Фешин... Тут вся литература и все ее связи от Кони и Аркадия Аверченко до Берестова и Дудина—Шкловский, Мейерхольд, Собинов, Зощенко, Маршак, Ахматова, Паустовский, Пастернак, Паоло Яшвили, Бабель, Катаев, Тихонов, Михаил Кольцов, Алигер, Щипачев, Каверин, Евгений Шварц, Казакевич... Такого количества выдающихся авторов не имел ни один журнал в мире!

Читаешь эти шутливые записи с восхищением. Необыкновенная культура стиха! Великолепнейшее искусство экспромта, который и возникнуть-то может только в таком альбоме, блещет в нем всеми красками, а напечатанный в «полных собраниях» — отдельно — тускнеет, теряя без контекста свою остроту.

Тут записи вяжутся между собой, одна шутка порождает другую. Поэты и художники соревнуются. Слышны интонации разговора и смех. Великие мастера не смотрят на нас с пьедесталов, а шутят за чайным столом, в кабинете, в редакциях — всюду, где слышится звонкий голос Корнея Ивановича, предлагающего своим собеседникам чистый листок, который он потом клеит в «Чукоккалу».

Это стихи и рисунки, которые никогда не явились бы свету, если бы их не вызвал к жизни Чуковский. Здесь все рисовано, вписано в светлые минуты, в присутствии Корнея Ивановича — умно, жизнерадостно, тонко!

Вы скажете, что для прошлого века, и особенно для русского общества, характерна высокая культура альбома — коллекций посвящений в стихах или просто автографов известных людей. Скажете, что на альбомных страницах возникли такие шедевры Пушкина, как «Черноокая Россети в самовластной красоте...», или лермонтовский экспромт «Любил и я в былые годы...», вписанный в альбом Софьи Карамзиной...

Все верно! У «Чукоккалы» были неплохие предшественники. Но Корней Иванович не только продолжил традицию. Он превратил альбом в соревнование талантов. И отличительная особенность «Чукоккалы» не только в том, кто писал, но и кому писали. И вот личность самого составителя, его талант литературный и человеческий, его выдающееся положение в литературе XX века в сочетании с этим множеством великолепных имен — авторов и художников, создававших «Чукоккалу», — делают ее уникальной. Решительно альбомов других, подобных «Чукоккале», нет! Столь богатых по именам и по множеству дарований альбомов, таких необыкновенно разнообразных, иллюстрированных, долголетних — шутка сказать, полстолетия, — нет, таких просто не существует!

Наконец-то Корней Иванович решает ее издать. Но...

Кроме великих людей, которых все знают, тут люди, чьи имена уже не вызовут сегодня никаких представлений. Притом это записи, возникавшие каждый раз по случайному поводу, сделанные в разное время. Как много говорит каждая самому Корнею Ивановичу, как интересно это специалисту! Но чтоб было понятно всем, Чуковский пересматривает «Чукоккалу» и приписывает к каждой шутке, экспромту, рисунку великолепные пояснения. Как бы перелистывая вместе с вами страницы, заполнявшиеся пятьдесят с лишним лет, он ведет вас сквозь литературу двадцатого века, рассказывая о друзьях и знакомых. Получается необыкновенный рассказ, и

весьма неожиданный. Веселый, остроумный, шутливый, он оказывается бесконечно богатым и очень серьезным по содержанию, очень значительным. Смотришь — диву даешься! Ведь это же биография Корнея Ивановича, да какая еще! Писанная друзьями.

Это история каждого знакомства, каждой дружбы его.

Это и биография времени.

Это история жизни литературной! Те черты, каких не найдешь ни в собраниях сочинений, ни в письмах. Но именно по ним можно судить о литературной атмосфере, окружавшей Корнея Ивановича, об отношениях литераторов, художников между собой, об их творческих связях, о характере каждого...

Что же это такое? Альбом?

Да, альбом.

Или история?

Конечно, история.

Автобиография Корнея Ивановича?

Вне сомнений.

Может быть, мемуары?

И мемуары.

Здесь все. И в этом тоже неоценимая прелесть «Чукоккалы»: она не похожа ни на одну книгу. И совершенно неповторима. Это просто великое дело, которое, начавшись с шутки, превратилось в творение, полное ума и таланта. И снова тут проявилась удивительная черта Корнея Ивановича: в «Чукоккале» — все современники. Даже и те, что принадлежат к разным эпохам и никогда друг друга не видели. Корней Иванович всех спаял, всех сдружил потому, что это его друзья, его жизнь — настоящее и прошлое вместе. И книга получилась увлекательная, блестящая, как Корней Иванович сам, как весь его необыкновенный, богатырский талант — новаторский, светлый, не похожий ни на кого в целом мире!

Ираклий Андроников

ЧТО ТАКОЕ ЧУКОККАЛА?

Слово это составлено из начального слога моей фамилии — ЧУК и последних слогов финского слова КУОККАЛА — так назывался поселок, в котором я тогда жил.

Слово «Чукоккала» придумано Репиным. Художник деятельно участвовал в моем альманахе и под первым же своим рисунком (от 20 июля 1914 года) сделал подпись: «И.Репин. Чукоккала».

К этой дате — к самому началу первой мировой войны — и относится зарождение Чукоккалы.

Что такое Чукоккала, сказать нелегко. Иногда это рукописный альманах, откликающийся на злободневные темы, иногда же — просто самый обыкновенный альбом для автографов.

Вначале Чукоккала была тощей тетрадкой, наскоро сшитой из нескольких случайных листков, теперь это — объемистый том в 789 страниц с четырьмя филиалами, относящимися к позднему времени.

Таким образом, в 1964 году исполнилось ровно полвека со времени ее появления на свет. Перечень ее сотрудников огромен. Среди них Леонид Андреев, Анна Ахматова, Андрей Белый, Ал. Блок, Ив. Бунин, Макс. Волошин, Сергей Городецкий, Горький, Гумилев, Добужинский, Вас. Немирович-Данченко, Евреинов, Зощенко, Аркадий Аверченко, Александр Амфитеатров, Юрий Анненков, Ал. Бенуа, Вячеслав Иванов, А. Кони, А. Куприн, Осип Мандельштам, Федор Сологуб и другие. А также более молодое поколение — Маргарита Алигер, Ираклий Андроников, А. Архангельский, Е. Евтушенко, Валентин Катаев, Лебедев-Кумач, Каверин, Михаил Кольцов, Э. Казакевич, Леонид Леонов, Мейерхольд, В. Маяковский, С. Маршак, С. Михалков, Николай Олейников, М. Пришвин, Мих. Слонимский, К. Паустовский, Ал. Толстой, К. Федин, С. Щипачев, Вячеслав Шишков, Виктор Шкловский и другие.

В настоящее время Чукоккала имеет непрезентабельный вид. Она изодрана, измята, замусолена, так как за свою долгую жизнь пережила немало катастроф.

Последняя катастрофа была наиболее тяжелой. В 1941 году я жил (как и теперь) под Москвой — в Переделкине. На Москву надвигались фашисты. Среди тысяч неотложных забот я забыл и думать про Чукоккалу. Лишь за десять минут до отъезда, поспешно вытащив ее из комода, в котором она сохранялась, я обернул ее несколькими клочками клеенки и решил закопать под знакомой березой в лесу. Сил у меня было мало, земля была мерзлая, лопата плохая, и я мог выкопать лишь неглубокую ямку. Уложил туда Чукоккалу, засыпал ее комьями глины и, даже не успев притоптать их как следует, был вынужден мчаться без оглядки в Москву. Но эвакуация была отложена на день, и я решил снова побывать в Переделкине, чтобы захватить кое-какие книги и рукописи. Добраться туда было трудно, и я лишь к вечеру очутился в покинутом доме. Тоскливо постояв у полок с книгами, с которыми мне не суждено было свидеться снова, я решил попрощаться с соседским сторожем и с его годовалым сынишкой Колькой. Колька был, как всегда, прелестен, я уходил от него с размягченной душой — и вдруг на лавке, на которой обычно стояло ведро, увидел мою Чукоккалу.

Оказывается, сторож, подсмотрев, как я закапываю под березой какой-то увесистый сверток, решил, что там червонцы или драгоценные камни, и тотчас же после моего отъезда поспешил завладеть ими. В поисках брильянтов (или денег) он оторвал от Чукоккалы переплет и раскрыл ее всю.

Можно представить себе, с какой бешеной яростью он шваркнул ее об пол, когда убедился, что в ней нет ничего, кроме каких-то стихов и рисунков (хотя стихи эти написаны Блоком, Буниным, Мандельштамом, Маяковским, а рисунки сделаны Репиным, Добужинским, Анненковым).

Конечно, через день или два он выбросил бы весь том на помойку, вытащив из него предварительно несколько листочков папиросной бумаги, которые были вклеены туда для прокладки между рисунками.

Я взял Чукоккалу и вышел из комнаты. Чукоккала была так исковеркана, что, несмотря на все мои попытки снова склеить и сшить ее, она так и осталась истерзанной...

Теперь, готовя ее к печати, я перелистал ее вновь и увидел, что у нее есть большой недостаток, который необходимо исправить: рисунки и тексты вследствие моей безалаберности расположены не подряд, не в хронологическом порядке, а вразброд, вперемешку, вразбивку. За стихами, написанными, скажем, в 1914 году, следуют стихи 1941 года, потом 1925 года, потом 1919-го. Это нарушение хронологического порядка произошло оттого, что я не был достаточно строг и разрешал моим друзьям писать и рисовать где им вздумается, в конце или в начале альманаха.

Чтобы устранить эту путаницу, я счел необходимым перетасовать все страницы в хронологической последовательности: 1914, 1915, 1916 год и т.д. и т.д.

Главная особенность Чукоккалы — юмор. Люди писали и рисовали в Чукоккале чаще всего в такие минуты, когда они были расположены к смеху, в веселой компании, во время краткого отдыха, зачастую после тяжелых трудов. Поэтому на этих страницах так много улыбок и шуток — порой, казалось бы, чересчур легкомысленных.

И еще особенность Чукоккалы. Ее участники во многих случаях являются нам не в своем обычном амплуа и выступают в той роли, которая, казалось бы, совершенно несвойственна им.

Шалапин здесь не поет, а рисует, Собинов пишет стихи. Трагический лирик Блок пишет шутивную комедию. Песнопевец Михаил Исаковский предстает перед нами как мастер смешного бурлеска. Прозаик Куприн становится здесь стихотворцем.

Конечно, есть в Чукоккале и вещи другой тональности, другого — несколько не комического — стиля. Это прежде всего автографы стихотворений Анны Ахматовой, Ивана Бунина, Осипа Мандельштама, Валентина Катаева, Михаила Кузмина и других.

У англичан есть прекрасное слово «хобби». Оно означает любимое занятие человека, не связанное с его основной профессией. Таким хобби была для меня Чукоккала. Она всегда оставалась на периферии моих личных и литературных интересов. Столь же периферийной была она и для большинства ее участников. Почти никогда не записывали они на ее страницах того, что составляло самую суть их духовной биографии, их творчества.

Вот почему эта книга не стала зеркалом тех грозных времен, когда ей довелось существовать. Лишь мелкими и случайными отблесками отразились в ней две мировые войны. И можно ли искать в ней отражения величавых Октябрьских дней? Дикой и бессмысленной была бы попытка запечатлеть на ее зачастую легкомысленных и шутивных страницах планетарно грандиозные события, потрясшие собой всю вселенную.

Наиболее серьезны в Чукоккале краткие этюды о личности и поэзии Некрасова, написанные по моей просьбе Горьким, Блоком, Маяковским, Тихоновым, Максимилианом Волошиным, Федором Сологубом, Вячеславом Ивановым и другими в виде ответов на составленную мною анкету. Готовясь к изучению жизни и творчества любимого моего поэта, я, естественно, счел нужным обратиться к своим современникам, чтобы выяснить, как воспринимают поэзию Некрасова внуки и правнуки того поколения, к которому было обращено его творчество.

Все эти отзывы написаны всерьез, без улыбки. Впрочем, нет, и сюда вторгся юмор. Я говорю об ответах В. Маяковского, написанных озорно и насмешливо. Насмешка направлена против анкеты, чего, к сожалению, не поняли критики, обрушившиеся на Маяковского за непочтительное отношение к Некрасову.

Хотя Чукоккала основана, как уже сказано, в 1914 году, но теперь, печатая ее, я (правда, очень редко) приобщал к ней такие рисунки и тексты, которые относятся к более раннему времени. Это записи Лядова и Римского-Корсакова, карикатура Троянского, стихотворение Потемкина, дошедшие до меня уже после создания Чукоккалы.

Большинство рисунков и записей, входящих в Чукоккалу, сделаны у меня за столом в моем доме. Если же в гостях или на каком-нибудь собрании случалось мне встретиться с таким человеком, участие которого в альманахе казалось мне ценным, я предлагал ему первый попавшийся случайный листок и, воротившись домой, вклеивал этот листок в альманах. Так было, например, с рисунками Шаляпина, которого я неожиданно встретил у Горького; с рисунками М. В. Добужинского, Н. Э. Радлова, В. А. Милашевского, исполненными в 1921 году в Холмоках, где мы спасались от петроградского голода. Александр Блок сам принес мне стихотворение «Нет, клянусь, довольно Роза...», сочиненное им по дороге домой из «Всемирной литературы»; Мих. Исаковский прислал свои стихотворения по почте. Материалы, относящиеся ко Второму Всесоюзному съезду писателей, я собрал в небольшой тетрадке, которая стала, так сказать, первым филиалом Чукоккалы.

Таких филиалов, как я уже говорил, несколько. Здесь всевозможные письма, рисунки, фотоснимки, не входящие в мой альманах, но тесно примыкающие к нему, связанные с ним родственной связью. В Чукоккале их нет, но в тех случаях, когда мне казалось, что они служат хорошей иллюстрацией к какой-нибудь записи и существенно дополняют ее, я считал нужным приобщить их к каноническим текстам Чукоккалы.

Таковы, например, рисунки Юрия Анненкова, заимствованные из его замечательной книги «Портреты» (1922), а также фотоснимки, сделанные фотографом-художником М. С. Наппельбаумом, автором книги «От ремесла к искусству», где собраны наиболее ценные из его талантливых работ. Оригиналы некоторых исполненных им портретов (Анны Ахматовой, Мих. Слонимского, Евг. Петрова, Мих. Зощенко и других) сохранились у его дочери О. М. Грудцовой, которая любезно предоставила их для Чукоккалы, за что я спешу выразить ей свою благодарность. Евгений Борисович Пастернак передал мне малоизвестный портрет своего отца. Я очень признателен и ему и

другим моим друзьям, благодаря которым в Чукоккале могли появиться портреты Исаковского, Маршака, Николая Олейникова, Евг. Шварца, Паоло Яшвили и других.

В 1965 году я подарил Чукоккалу моей внучке Елене Чуковской, которая проделала большую работу по подготовке альманаха к печати. Работа была трудная и сложная. Нужно было сконцентрировать рисунки и тексты вокруг той или иной определенной темы («Всемирная литература», Дом искусств, Первый съезд писателей и др.) и, главное, записать мои комментарии чуть ли не к каждой странице Чукоккалы.

В тех случаях, когда ту или иную страницу Чукоккалы можно было прокомментировать при помощи кратких отрывков из моих мемуаров, читателю предлагаются эти отрывки в несколько измененном виде.

Маршак в одном из своих стихотворений метко назвал Чукоккалу музеем. Заканчивая краткую быль о Чукоккале, я приглашаю читателей познакомиться с экспонатами этого музея.

Корней Чуковский

Апрель, 1966

По Финскому заливу ко мне спешат корабли и везут живописцев, поэтов, прозаиков для участия в моем альманахе.

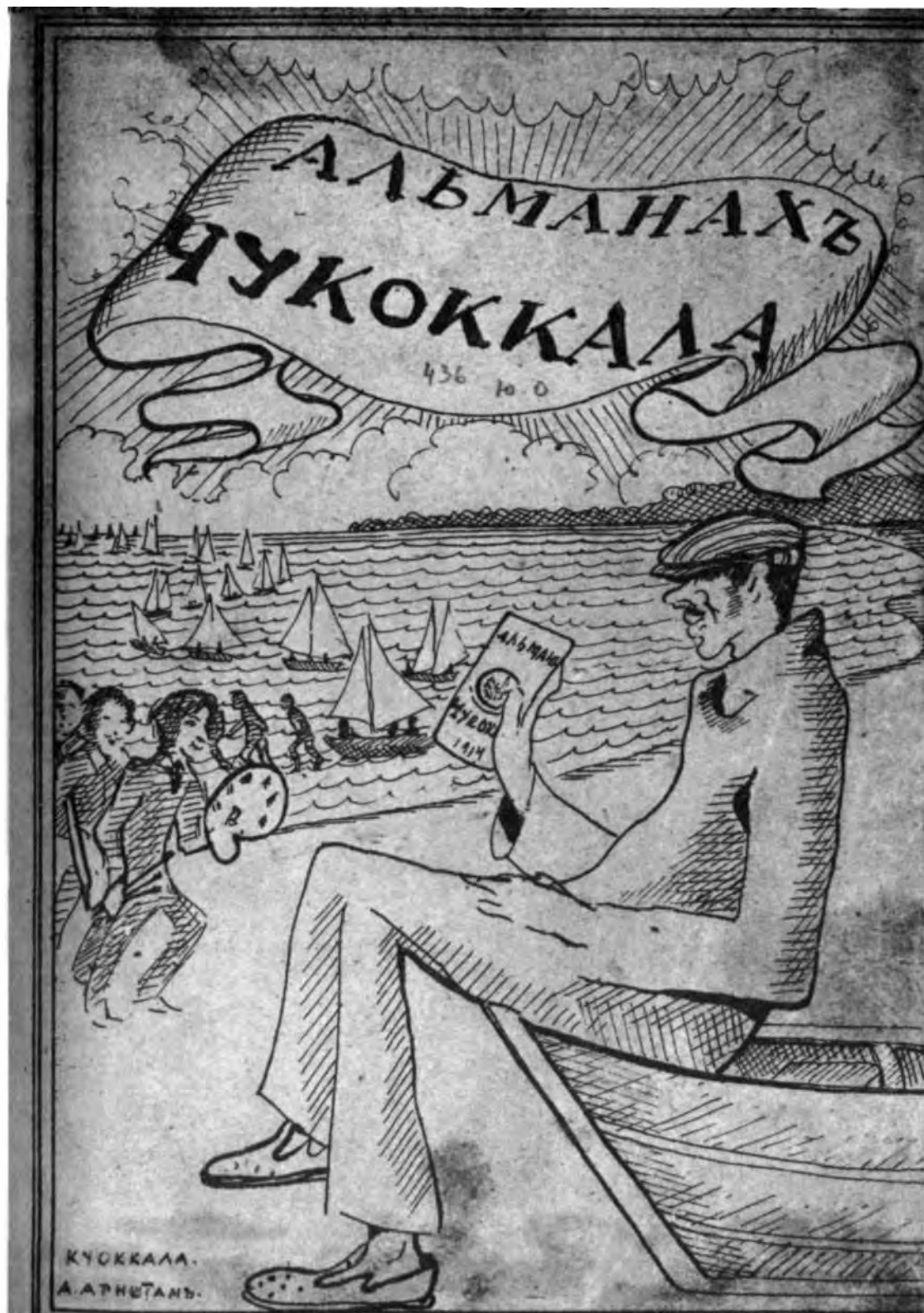
Это самая ранняя обложка Чукоккалы. Изготовлена графиком А. Арнштамом, с которым я близко сошелся, когда он сотрудничал в моем журнале «Сигнал» (1905).

Двустилишие над рисунком:

*Наследник и сомышленник Шевченки,
Сюда с искусства ты снимаешь пенки, —*

написано поэтом Борисом Садовским.

Дата стихов и рисунка — 1914 год, месяца за два до начала войны.

ЧУКОККАЛА.
А. АРНЕТАНЪ.

Самое слово «Чукоккала» привлекало многих стихотворцев своим необычайным звучанием, и они нередко поддавались соблазну подыскивать к этому слову возможно больше эксцентрических рифм.

На дальнейших страницах приводятся те стихи, в которых эти попытки увенчались наибольшим успехом. И раньше всего — стихи Маяковского.

Как-то я читал в Доме искусств лекцию «Две России» (об Анне Ахматовой и Маяковском). Маяковский, который как раз в это время приехал из Москвы в Петроград и остановился в Доме искусств, выразил желание откликнуться на эту лекцию в Чукоккале. Он сочинил стихи мимоходом, среди разговора, сначала четыре строки, а через день остальные.

Чтобы записать эти стихи, Маяковский попросил оставить ему Чукоккалу до следующего утра. Я в шутку ответил ему, что это опасно: если я оставлю Чукоккалу на ночь, ее могут украсть у него и продать на Сенном рынке. Об этом он и говорит во второй строфе своей сатиры.

*Что ж ты в лекциях поешь,
Будто бы громила я,
Отношение мое ж
Самое премилое.*

*Не пори, мой милый, чушь,
Крыл не режь ты соколу,
На Сенной не волочу ж
Я твою «Чукоккалу».*

*Скрыть сего нельзя уже:
Я мово Корнея
Третий год люблю (в душе)
Аль того раннее.*

Дальше приписано карандашом:

Обязательное
постановление

Всем в пояснение говорю.
Для шутки лишь Чуक्रоста.
Чуковский милый, не горюй —
Смотри на вещи просто!

Влад. Маяковский

10/XII-20 г.

обязательное
постановление
Всем в пояснение говорю.
Для шутки лишь Чуक्रоста.
Чуковский милый не горюй —
Смотри на вещи просто!
Влад. Маяковский
10/XII 20г.

В 1920 году известный лингвист Роман Якобсон построил почти все свое стихотворение на созвучиях к слову «Чукоккала».

Не с Корнеем Чуковским
в контакте ли
Я решил испытать нынче
дактили.
Если б мы здесь бутылку
раскокали,
Я писал и писал бы в Чукоккале,
Воспарил бы я дерзостней
сокола,
Написал бы строк двести иль
около,
Запестрела б стихами
Чукоккала.
Но могу без целебного сока ли
Приложиться достойно
к Чукоккале.

Роман Якобсон

Не с Корнеем Чуковским в контакте ли
Я решил испытать нынче дактили.
Если б мы здесь бутылку раскокали
Я писал и писал бы в Чукоккале,
Воспарил бы я дерзостней сокола,
Написал бы строк двести иль около,
Запестрела б стихами Чукоккала.
Но могу без целебного сока ли
Приложиться достойно к Чукоккале
Роман Якобсон

Свежие рифмы к слову «Чукоккала» встречаются в четверостишии литературоведа Валентины Александровны Дынник:

После посещения Чукоккалы,
Подкова Пегаса здесь весело цокала,
А то и взлетал он до уровня сокола,
И критика череп ему не раскокала,
О, сказочный остров, о чудо-Чукоккала!

Валентина Дынник

Мой друг Абрам Эфрос, известный искусствовед, автор книг «Профили», «Рисунки Пушкина» и других, нашел еще одну рифму к слову «Чукоккала»:

На фронте иль на цоколе,
Все равно мне, ей-же-ей, —
Лишь бы был в гавани Чукоккалы,
Чудодейственный Корней!

1 января 1937 года
2 часа ночи.
Москва, Дом Писателей

Абрам Эфрос

После посещения
Чукоккалы

Подкова Пегаса здесь весело
цокала,
А то и взлетал он до уровня
сокола,
И критика череп ему не
раскокала.
О, сказочный остров, о чудо-
Чукоккала!

Валентина Дынник

На фронте иль на цоколе,
Все равно мне, ей-же-ей, —
Лишь бы быть в твоей
«Чукоколе»,
Чудодейственный Корней!

Абрам Эфрос

1 января 1937 года
2 часа ночи
Москва, Дом Писателей

С таким же доброжелательством отнесся к Чукоккале и беллетрист Юрий Самойлович Волин еще в самом начале ее бытия.

В Чукоккало

Здесь мило все, и нет банальности,
И, если часто здесь бывать,
Не ниже средней гениальности
Поэтом может всякий стать.

И вот, мне данный срок удвоив,
И я, прозаик, что-то спел...

А. Эфрос.
Рис. Ю. Анненкова. 1921

Б. Пастернак. 1933

Мораль: война родит героев,
Родит певцов Корнея стол.

Ю. Волин

8 декабря 1914 г.

Слово «Чукоккала» встречается и в экспромте Бориса Пастернака, обращенном ко мне.

Юлил вокруг да около,
Теперь не отвертеться,
И вот мой вклад в Чукоккалу
Родительский и детский.

Их, верно, надо б выделить,
А впрочем, все едино:
Отца ли восхитителю
Или любимцу сына.

Питомице невянущей
Финляндских побережий,
Звезде Корней Ивановича
От встречного невежи.

Задору речи ритменной
Невыдуманно свежей
За Колю¹ и за Whitman'a²
Мой комплимент медвежий.

Б. Пастернак

25.II.32 г.

Участники Чукоккалы писали о ней не только в стихах, но и в прозе. Привожу некоторые из этих отзывов.

Виктор Жирмунский, историк русского и западноевропейского романтизма, ныне избранный в Академию наук СССР, приветствовал Чукоккалу в терминах высокой романтики:

Как летописец прошлого с благоговением вступаю в ограду храма сего. Приветствую милые сердцу тени и новые звезды незнакомого неба.

Ж. Жирмунский

Гаспра, 1936, 24.IX

Как летописец прошлого с благоговением вступаю
в ограду храма сего. Приветствую милые сердцу
тени и новые звезды незнакомого неба

Заспра, 1936. 24. IX

В. Жирмунский

¹ Коля — мой сын Николай Чуковский, писатель.

² Whitman — Уитмен — американский поэт, стихи которого я в то время переводил.

Мне не
Копил тобою
Мне как
Копил тобою
Мне как
Копил тобою
Мне как

Мне вояду за около
Меня не от вертеть
И вот мой вил в зюкском
Горателский и гайский

Их верто наго в вилит
В вилит все дуно
Отда на вилит
Меня и вилит

Питание не вилит
Горателский вилит
Звезда Копил Иван
От вилит не вилит

За вилит вилит
Копил ^{не вилит} вилит
За Копил и за Whitman's
Меня копил не вилит.

25-11-32.
12. ноя

Масляков

Самый лестный отзыв принадлежит Юрию Карловичу Олеше; 9 февраля 1930 года он написал в альманахе:

Теперь главное: Самым решительным образом в этой знаменательной книге утверждаю: беллетристика обречена на гибель. Стыдно сочинять. Мы, тридцатилетние интеллигенты, должны писать только о себе. Нужно писать исповеди, а не романы.

Важней всех романов — самым высоким литературным произведением тридцатых годов этого столетия будет «Чукоккала».

1930

Юр. Олеша
9/II

Исповедь писателя: Самым решительным образом в этой знаменательной книге утверждаю: беллетристика обречена на гибель. Стыдно сочинять. Мы, тридцатилетние интеллигенты, должны писать только о себе. Нужно писать исповеди, а не романы.

Важней всех романов — самым высоким литературным произведением тридцатых годов этого столетия будет «Чукоккала».

1930 9/II *Ю. Олеша*

Литературовед Зиновий Самойлович Паперный, в то же время — поэт, пародист, сочинитель сатирических песенок, придя как-то ко мне в Переделкино и перелистав Чукоккалу, написал шуточный акrostих о моем альманахе. Акrostихом называется стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют какое-нибудь слово, а иногда несколько слов. Нужно ли говорить, что в акrostихе Паперного чувствуется привкус иронии?

Дорогому Корнею Ивановичу

Акrostих

Чей славный труд всегда любезен
Музе?

У чьих страниц — и блеск ума
и пыл?

Кто завязал десятилетия в узел?

О, кто времен мозаику сложил?

Кем собраны сокровища такие,
Которыми гордится вся

Россия, —

Атлетов мысли, гениев простых
Листки, стихи, шедевры

озорные?

Ах, вы не знаете?

Скажи им, акrostих!

14 февраля 1966

З. Паперный

Дорогому Корнею Ивановичу

Акrostих

Чей славный труд всегда любезен музе?
У чьих страниц — и блеск ума и пыл?
Кто завязал десятилетия в узел?
О, кто времен мозаику сложил?
Кем собраны сокровища такие,
Которыми гордится вся Россия —
Атлетов мысли, гениев простых
Писем, стихов, шедевры озорные?
Ах, вы не знаете?
Скажи им, акrostих!

14 февраля 1966

З. Паперный

Многие, даже известные писатели выражали свое шуточное смущение, когда я приглашал их участвовать в альманахе. Вот, например, что написала в Чукоккале Лидия Николаевна Сейфуллина:

Моя пятилетняя племянница гово-
рила матери: «Я уйду из комна-
ты все большие: я стеснилась»
И я, посмотрев сбоку робким гла-
зом эту книжку, тоже «стесни-
лась» Здесь все очень большие, слова
у них все же и кетайи. Поэтому
я сканю похвалу: спасибо за прина-
мление в такой высокий круг и
подписусь
Л. Сейфуллина 1944
19-го апреля
Москва

Моя пятилетняя племянница говорила матери: «Я уйду из комнаты. Тут все большие: я стеснилась». И я, посмотрев сбоку робким глазом эту книжку, тоже «стеснилась». Здесь все очень большие, слова у них веские и кстати. Поэтому я скажу только: спасибо за приглашение в такой высокий круг и подпишусь

Л. Сейфуллина

1924 г. 19-го апреля, Москва

Паоло Яшвили

То же чувство смущения выразил знаменитый грузинский поэт Паоло Яшвили. Внимательно перелистав мою Чукоккалу, он мгновенно, с удивившей меня быстротой, написал в нее стихотворный экспромт по-грузински. Однажды, увидев, что я с тоской всматриваюсь в непонятные строки, Паоло тотчас же перевел их — стихами! — на русский язык:

ბატონ ბატონობა ბატონი ჰიერონი
ბატონი, ბატონი და ბატონობა
ბატონობა ღია ღია მართალი,
და ბატონი ბატონი ბატონი,
ბატონობა... ყველა ბატონი ბატონი
ბატონი ბატონი, ბატონი ბატონი,
ბატონი ბატონი ბატონი, ბატონი ბატონი
ბატონი ბატონი ბატონი ბატონი.

ბატონი ბატონი.

ბატონი ბატონი ბატონი.

Какое чудное соседство:
Здесь Белый, Блок и Пастернак.
Я рядом занимаю место,
Как очарованный простак.

Перевожу вам эти строчки
На несравненный русский лад,
Поэт моей любимой дочки,
А для меня — весь Ленинград.

Паоло Яшвили

19 августа 1934, Москва

Борис Пильняк.
Рис. Ю. Анненкова (?)

1 окт. н. ст. 1922 г., в Петербурге, у Анненкова, в заполдни: Юрий Павлович доделывал мой портрет, пришли: Никитин, Марья Алексеевна (жена моя). — Корней Иванович читал Чукоккалу и рассказывал, было по-петербургски, уютно и нежно (по-мальчишески нежно как всегда при Чуковском). — Анненков показывал свои рисунки. — В Чукоккале смешались — и Англия, и Война, и Революция, и будни и дела, — в этой спутанности наш стиль, Куоккала спутана с Георгом VII, — а день сегодня петербургский, sereneкий, — вечером будет поезд и там Москва, — а вчера были Вера, Надежда, Любовь.

18 сент. ст. стилия, в Петербурге, у Анненкова, в заполдни (Анненков правит обложки).

Бор. Пильняк

И вот что написал в моей Чукоккале Борис Андреевич Пильняк:

1 окт. н. ст. 1922 г., в Петербурге, у Анненкова, в заполдни: Юрий Павлович доделывал мой портрет, пришли: Никитин, Марья Алексеевна (жена моя). — Корней Иванович читал Чукоккалу и рассказывал, было по петербургски, уютно и нежно (по-мальчишески нежно, как всегда при Чуковском). — Анненков показывал свои рисунки. — В Чукоккале смешались — и Англия, и Война, и Революция, — в этой спутанности наш стиль, Куоккала спутана с Георгом VII, — а день сегодня петербургский, sereneкий, — вечером будет поезд и там Москва, — а вчера были Вера, Надежда, Любовь.

19 сент. н. ст. стилия, в Петербурге, у Анненкова, в заполдни (Анненков правит обложки).

Бор. Пильняк

Из сохранившегося у меня иллюстративного материала, изображающего Чукоккалу, наиболее выразительна прелестная карикатура Ю. П. Анненкова, запечатлевшая наше обычное времяпрепровождение на террасе моей дачи. Здесь изображена Чукоккала, среди страниц которой зажат И. Е. Репин, охотно сотрудничавший в этом альманахе. Посередине рисунка изображен я, с восхищением глядящий на Николая Николаевича Евреинова, который, совмещая в себе ученого-историка, музыканта, режиссера и драматурга, особенно гордился своим искусством жонглера. В данном случае он демонстрирует это искусство, подбрасывая одну из рюмок с моего стола. В левом углу рисунка еле заметен автопортрет Юрия Анненкова, к сожалению, сильно пострадавший от времени.

Терраса эта памятна тем, что именно здесь Маяковский читал отрывки своей поэмы «Облако в штанах» по мере написания новых строф.

Это единственный рисунок, на котором Чукоккала изображена в своем первоначальном переплете.

HEBCKIM

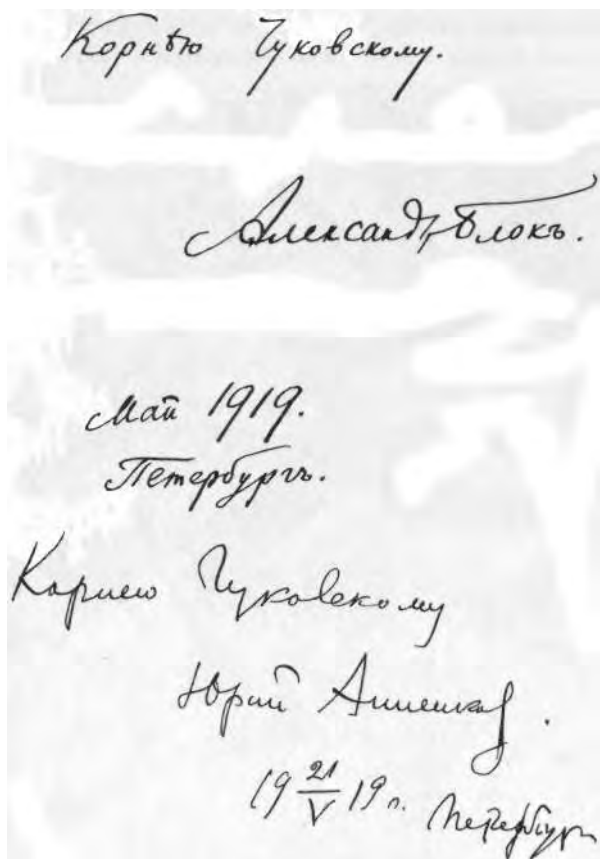
1

Чукоккале с самого начала повезло — из-за одного, казалось бы, мелкого случая. В 1908 или 1909 году, не имея пристанища в городе, я со всей семьей переехал в Финляндию и за малую плату снял обширную дачу у очень симпатичного бородатого дачевладельца Павла Семеновича Анненкова.

Впоследствии я узнал, что Павел Семенович был в юности народовольцем, извечал тюрьму и Сибирь, был другом Веры Фигнер и Николая Морозова, а ныне служит в каком-то частном, неказенном учреждении. В первый же день нашего знакомства он сказал мне, что у него есть сынишка, студент, но «кто знает» — может быть, из него выйдет поэт, а быть может, художник? Звали этого сына Юра, и в то время он был на распутье: то исписывал горы бумагами стихами, то — если не ел и не спал — рисовал. Рисовал ненасытно и жадно все, что попадало ему на глаза, — деревья, будки на морском берегу, собак, лошадей, людей. Как-то незаметно у меня на глазах вырос и окреп его

Ю. Анненков.
Автопортрет. 1920

Дарственные надписи Ал. Блока и Ю. Анненкова на первом издании книги «Двенадцать»:

Корнею Чуковскому.
Александр Блок.

Май 1919
Петербург

Корнею Чуковскому.
Юрий Анненков.

21. V 1919 г.
Петербург

талант. Он съездил ненадолго в Париж и вернулся оттуда мастером нескольких жанров: и портретист, и пейзажист, и рисовальщик, и график. Человек легкого, бодрого нрава, очень подвижной и общительный, он свободно вошел в избранный круг художников, поэтов, артистов.

Прославился он в 1918 году своими иллюстрациями к поэме Блока «Двенадцать».

Увидев эскизы Анненкова, Блок был поражен, что такой, казалось бы, посторонний ему человек, человек другого поколения, угадал самую суть его «Двенадцати».

Тогда же, под первым впечатлением, он написал Анненкову такое письмо:

«Рисунков к «Двенадцати» я страшно боялся и даже говорить с Вами боялся. Сейчас, посмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мысли — мне невыразимо близки и дороги, а общее — более чем приемлемо, — то есть просто я ничего подобного не ждал, почти Вас не зная...

«Катька» — великолепный рисунок сам по себе, наименее оригинальный вообще, думаю, что и наиболее «не ваш». Это — не Катька вовсе. Катька — здоровая, толстомордая,

страстная, курносая русская девка; свежая, простая, добрая — здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется...» (письмо от 12 августа 1918 года).

После этого письма Анненков долго по всей Москве искал подходящую Катю. Он нарисовал около двенадцати Катек, но чувствовал, что каждая — не то. Наконец нашел настоящую, ту, которая теперь напечатана в книге, и эту Катю Блок полюбил еще больше других иллюстраций. Ему нравилось, что в ней каждая косточка русская, что Анненков уловил ее ритм.

Когда в 1921 году я написал «Мойдодыра», я обратился к Юрию Павловичу с просьбой проиллюстрировать мое сочинение. Он сделал иллюстрации в несколько дней с обычной своей творческой энергией. Рисунки были в полной гармонии с текстом, и потому первые двадцать изданий «Мойдодыра» выходили с этими рисунками.

Незаметно, как будто шутя, Анненков создал фундаментальную книгу «Портреты», которая для новых поколений навсегда останется памятником того переломного времени. Некоторые портреты из этой книги мы воспроизводим на страницах Чукоккалы.

Н. Евреинов.
Рис. Ю. Анненкова. 1920

Но вряд ли где-нибудь, кроме Чукоккалы, сохранились произведения Юрия Анненкова, относящиеся к ранним годам его творчества. Думаю, он и сам позабыл о тех рисунках, которыми он так охотно украшал страницы моего альманаха.

Все, кто знал Николая Николаевича Евреинова, согласятся со мной, что для него самый подходящий эпитет — блистательный. Это был человек разнообразных и ярких талантов. Приходя в гости, он охотно брал на себя роль развлекателя. Для этой роли он был вооружен превосходно: фокусы, куплеты, каламбуры, анекдоты, шарады, музыкальные трюки так и сыпались из него без конца. Он всегда чувствовал себя на эстраде. Стоило ему появиться у меня на пороге, и я мог спокойно отойти в дальний угол и стать посторонним зрителем его бесконечных причуд.

«Шампанское моих пиров!» — назвал я его в одном из стихотворных посланий к нему.

Образование у него было тоже блистательное: он знал два или три языка, окончил с медалью Училище правоведения, одновременно учился в Консерватории по классу композиции у Римского-Корсакова. Перечень написанных им комедий, водевилей, гротесков, исторических трактатов, научных исследований обширен и поражает пестротой.

Определить специальность Евреинова не так-то легко: и драматург, и историк, и композитор, и теоретик искусства. И кроме того, режиссер в Театре Комиссаржевской, в «Кривом зеркале» и др. В каждой его постановке явственно чувствуется его эксцентрический и мажорный талант.

Мне он вспоминается главным образом как житель Куоккалы (1914—1916). Здесь его застигла война. И уже через две-три недели он поставил здесь одну буффонаду, чрезвычайно характерную для его любви к мистификациям. Дело в том, что неподалеку от нас жил тогда в нарядной и богатой усадьбе некий потрясающе глупый старик, уверявший всех, что немцы не сегодня-завтра появятся здесь, в нашей финской глуши, откуда и пойдут на Петербург.

— Я буду приветствовать их как джентльменов, — заявлял он нам при каждой встрече. — Ведь они — цивилизованная нация, воспитанный, культурный народ. Чуть только они появятся здесь, такие корректные, такие любезные, — я распахну для них все свои двери и охотно предоставлю им свой винный подвал: «Пейте на здоровье сколько вздумается, но не троньте остальных моих бутылок». И вы увидите, что они так и поступят!

Чтобы проучить простосердечного старца, Евреинов разыграл пантомиму: нарядил человека десять куоккальских жителей в фантастические театральные мундиры, которые

можно было принять в темноте за немецкие, и каждому выдал блестящую медную каску, раздобытую у театраль-ных пожарных. И ввел свой отряд среди ночи к этому старцу во двор и хриплым прусским фельдфебельским голосом произнес немецкую команду:

— Ахтунг! Линкс-ум! Хальт!

Старик вышел на крыльцо в одном белье — весь дрожа-щий, испуганный до смерти. В руке у него был ключ необыкновенных размеров, очевидно от винного погреба.

Жалким и беспомощным жестом он совал этот ключ воображаемым немцам и при этом шамкал что-то плаксиво-заискивающе.

Не знаю, чем кончился бы этот «театр для себя», если бы в отряде Евреинова не оказался один в высшей степени смешливый солдат — приказчик из магазина «Меркурий». Чуть только он увидел испуганную физиономию вчерашнего любителя немцев, он начал визгливо смеяться. Стараясь подавить свой почти истерический смех, затыкая себе рот

кулаком, он ринулся к ближайшим кустам, но старый германофил узнал его сразу по голосу и по долговязой фигуре, потом узнал и Евреинова и, вместо того чтобы превратить все происшествие в шутку и пригласить режиссера со всей его труппой в подвал (на что они крепко рассчитывали), жестоко обиделся и долгое время при встрече с Евреиновым — в поезде, на улице, в лавке — упорно не глядел в его сторону и надувал свои глупые щеки...

Вообще без игры Евреинов не мог прожить ни единого дня. Едва только возникла Чукоккала, он решил разыграть из себя ее ярого врага и конкурента. Основал свой собственный рукописный журнал — Подкукелка, на страницах которого стал для потехи яростно полемизировать с Чукоккалой, обвиняя ее — и меня — во всех смертных грехах. Эту полемику, как и всякую другую игру, он вел совершенно всерьез, с увлечением.

Сохранилась ли Подкукелка, не знаю. В ней было много забавных страниц. Нужно ли говорить, что все это время мы оставались добрыми друзьями? Отбиваясь от буйных наскоков Евреинова, я считал себя вынужденным платить ему той же монетой.

Отсюда такие стишки, написанные мною в Чукоккале, когда вышел в свет первый выпуск еврейновского журнала:

*Уже стали появляться подделки
Под эту драгоценную тетрадь,
Но, конечно, никакой «Подкукелке»
«Чукоккалы» моей не догнать.*

Подкукелкой называют у финнов особые сани в виде креслица на длинных стальных полозьях. Отсюда и моя злорадная запись:

*Скоро кончатся зимние стужы —
И «Подкукелка» окажется в луже.*

Иногда в полемике с журналом Евреинова я пародировал патетический стиль:

*Евреинов! Над чем ты зубоскалешь!
О чем гогочете, лихие подкукельцы!
Иль вам смешно, что немцы взяли Калиш
И что разрушены родные наши Кельцы!¹*

Он отвечал с наигранным цинизмом:

*Ну довольно «охов»!
Взят, так взяли Ченстохов!*

¹ К этим моим стишкам Юрий Анненков, когда мы ехали с ним в поезде из Куоккалы в Питер, сделал превосходную виньетку: нарисовал с натуры мои ноги и правую руку.

22 сент. 1914

Зимов 1914 года Н. Еврешинов,
заведущий усадьбы "Укоккалы",
попытался завести андруса
Подхуккелю. Подхуккелю
финской прислал с палатками,
род сапей.

Рисов.

Еврейков! как тебе не зусосалиши!
О чем говорить, анди подхуккелю.
Иль валил андруса, гро келюль брал
И что разрушил ^{поднее} ~~свое~~ ^{Калит} ~~наши~~ ^{Келюль}

По поводу появления
журнала "Подхуккелю"

Уже стали появляться.
Подхуккелю
Подхуккелю эту драгоцѣнную тетрадь
Но, конечно, никакой
"Подхуккелю"
"Укоккалы" мой не догадыв
К.З.

Скоро кончатся зимние стужи,
И "Подхуккелю" оканчивается.
К.З.

Привет от
портретов своих покойников
В.И. Ленин

Полемика с Чукоккалой не мешала ему быть ее усердным сотрудником. Он ввел в число наших вечерних развлечений игру в буриме. В качестве рифм он предложил нам однажды модные в то время слова: десант, канонада, заслон и др., постоянно мелькавшие в тогдашней прессе. Причем поставил неременное условие, чтобы по своему содержанию стихи были далеки от батальных сюжетов и чтобы рифмой к «заслону» была фамилия одного из наших гостей — Беленсон. И тотчас же вписал в Чукоккалу самодельные вирши, начинающиеся такими словами:

*Лишь кончился гостей десант
К Чуковским, канонада
Войны забылась у Белграда.
И всяк, схватив, как аксельбант,
Свой карандаш, как трубы,
Куря [табак] и стиснув зубы,
Стал [рифмовать] «десант», «заслон»,
«Белграда», «зубы», «Беленсон».*

Беленсон, миниатюрный, франтоватый молодой человек с розовыми щечками, с ангельским личиком, был, кажется, вполне безобиден, но Евреинов, опять-таки в порядке игры, сделал его мишенью своих эпиграмм. Поэтому последние строки в буриме Беленсона звучат такой горькой обидой:

*И всяк острит, как слон.
Заслон у всех один — я, Беленсон.*

К первой из этих строк Евреинов сделал примечание: «Всяк» заимствовано у меня-с!» — и тем самым обвинил Беленсона в плагиате. В том и заключался главный козырь его игры: он свирепо преследовал Беленсона за мнимое плагиаторство, для чего прибегал иногда к явным фальшивкам. Беленсон, например, написал в Чукоккале 3 июля 1914 года (стр. 55):

Экспромт

*Передо мною сиг
И вишни.
Но в этот миг
Я — лишний.*

Евреинов снабдил заглавие вопросительным знаком и, найдя свободное местечко на одной из предыдущих страниц, написал:

*Передо мною вишни
И сиг.
Нет, я не лишний
В сей миг, —*

и поставил фальшивую дату: 12 июля 1913 года (хотя на самом-то деле стихи были написаны 18 июля 1914 года) и приписал: «Просят остерегаться подделок». Этот коварный поступок вызвал гневную запись поэта Бенедикта Лившица:

*В чукоккуокальском притоне,
О, справедливость, ты в загоне.*

Но Евреинов стоял на своем и написал в конце страницы: «Люблю подражателей».

В Чукоккале сохранилось мое буриме, написанное на те же, заданные Евреиновым рифмы. Буриме обращено к Наталии Толстой, впоследствии артистке Театра Мейерхольда:

*Я в сердце у тебя уж высадил десант.
Там скоро зазвучит такая канонада,
Какой не видано под стенами Белграда.
Но получу ли я за подвиг аксельбант?
И затрубят ли мне победным маршем трубы?
Иль, бледный и немой, уныло стиснув зубы,
Я, уходя, лишь выставлю заслон,—
Уж больше не боец, а только — Беленсон.*

Около этого времени в Куоккале появился молодой певец и композитор Григорий Фабианович Гнесин, принадлежавший к известной музыкальной династии Гнесиных. Большой поклонник таланта Евреинова, он хранил в памяти все его произведения вплоть до самых мелких брошюр. Названия этих произведений он остроумно использовал для «Оды Н. Н. Евреинову».

Ода Н. Н. Евреинову
(с рис. М. А. Вербова)

*«Красивый деспот», наглый властелин
Малюток-мотыльков, огнем плененных
И в пламени твоём испепеленных!..
И плавкий, и густой, как пластилин,
Ты мягко стелешься, чтоб жестким стать потом!..
«Фундамент счастья» твоего, конечно, в том,
Что где бы ни был ты — твой гений умащает
«Такая женщина», что все тебе прощает...
«Счастливей гробовщик» любви живой,
Вся жизнь твоя — «театр как таковой»!..
И, если б ты «pro scena sua» мог
Все рассказать, что знает только бог,
То еще «бабушка» бы надвое сказала,
Кого б в тебе нашли: божка или нахала...
Но у тебя есть «tête» — всех Тэт'ов драгоценней...
И ты умеешь быть со всеми и ни с кем!..*

К. Чуковский

*И мысль твоя, как «нагота на сцене»,
Развратней и живей — эротики поэм!..
Мой стих есть, собственно, «введение
в монодраму»*

*(Считая ею — драму одного)..
Ведь всеми шутит бес... И вот однажды даму
Такую встретишь ты, что сердца твоего
Коснется меч... Пойдет «война»..
Но мощь твоя — мечом поражена —
Окажется и призрачна и тленна..
И не поможет «неизменная измена»!..
И в жизнь твою (в тетрадку «Ропс» взгляните-ка!)
Войдет «веселая смерть» — «Mors Syphilitica»!*

Григорий Гнесин

*1915 г. 2 февраля
Куоккала*

Здесь названы следующие произведения Евреинова, которые я перечисляю в хронологическом порядке:

Пьесы:

*«Фундамент счастья» (1902)
«Такая женщина» (1906)
«Война» (1906)
«Красивый деспот» (1906)
«Бабушка» (1907)
«Веселая смерть» (1909)
«Неизменная измена» (1910)
«Счастливый гробовщик» (1912)*

Лекция:

«Введение в монодраму» (1909)

Книги:

*«Ропс» (1911)
«Нагота на сцене» (1911)
«Театр как таковой» (1913)
«Pro scena sua» (1913)*

Я читал далеко не все эти вещи Евреинова, но в памяти у меня сохранились также не упомянутые здесь его лекции «Театрализация жизни», «Театр для себя» (впоследствии изданные отдельными книжками); из его исторических исследований я помню «Азazel и Дионис» и «Крепостные актеры» (написанные позже, в двадцатых годах).

Ю. Анненков, оставивший нам великолепный портрет Евреинова в своей книге «Портреты», часто изображал его и в Чуоккале (стр. 35) и в Подкукелке.

На одном из рисунков он очень верно уловил театральные жесты Евреинова. Рисунок изображает драматурга, который во время постановки своей пьесы «Неизменная измена» дирижирует невидимым оркестром (стр. 42). Му-

Ода Н. Н. Евремову. (с рис. М. А. Вербова)

«Красивый десерт», каменный впадение
 «Малютка» - «молитва», «молитва» и «молитва»
 и в «молитве» и «молитве» и «молитва»
 и «молитва» и «молитва» и «молитва»
 Там много «молитва» и «молитва» и «молитва»!

«Фундамент» «молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«Такая «молитва», что всё «молитва» и «молитва»...

«Молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

И, если «молитва» и «молитва» и «молитва»
 Всё «молитва» и «молитва» и «молитва»

Но «молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

Но «молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

И «молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

«молитва» и «молитва» и «молитва»
 «молитва» и «молитва» и «молитва»

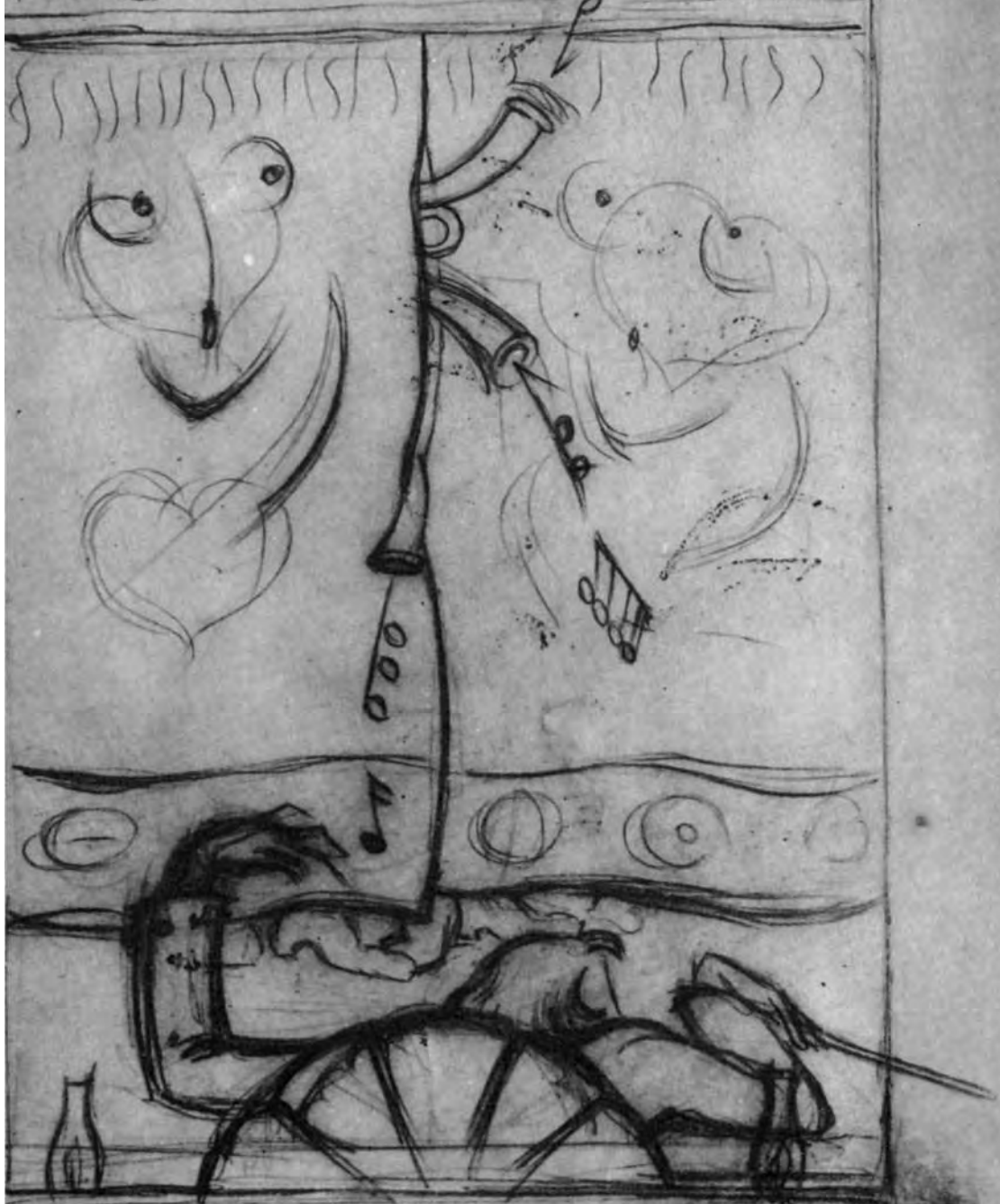
Н. Н. Евремов

Тригорин Тригорин

1915. 2 февраля

Курган

МѢННАЯ ИЗМѢ

Зависит от нас

зыка к «Неизменной измене» была написана Н. Н. Евреиновым.

Иной читатель, пожалуй, подумает, будто во время войны мы только и делали, что забавлялись альбомными виршами. Такое заключение было бы крайне ошибочно. Из участников Чукоккалы и Бенедикт Лившиц и Гумилев ушли на фронт добровольцами, Репин с утра до ночи работал над своими полотнами, Евреинов писал свою трехтомную книгу «Театр для себя», так что Чукоккала была для нас отдыхом, отдушиной, своего рода «пиром во время чумы»...

Мне уже случалось описывать те обстоятельства, при которых мы, куоккальцы — в том числе Репин, — узнали о нападении Германии на Россию.

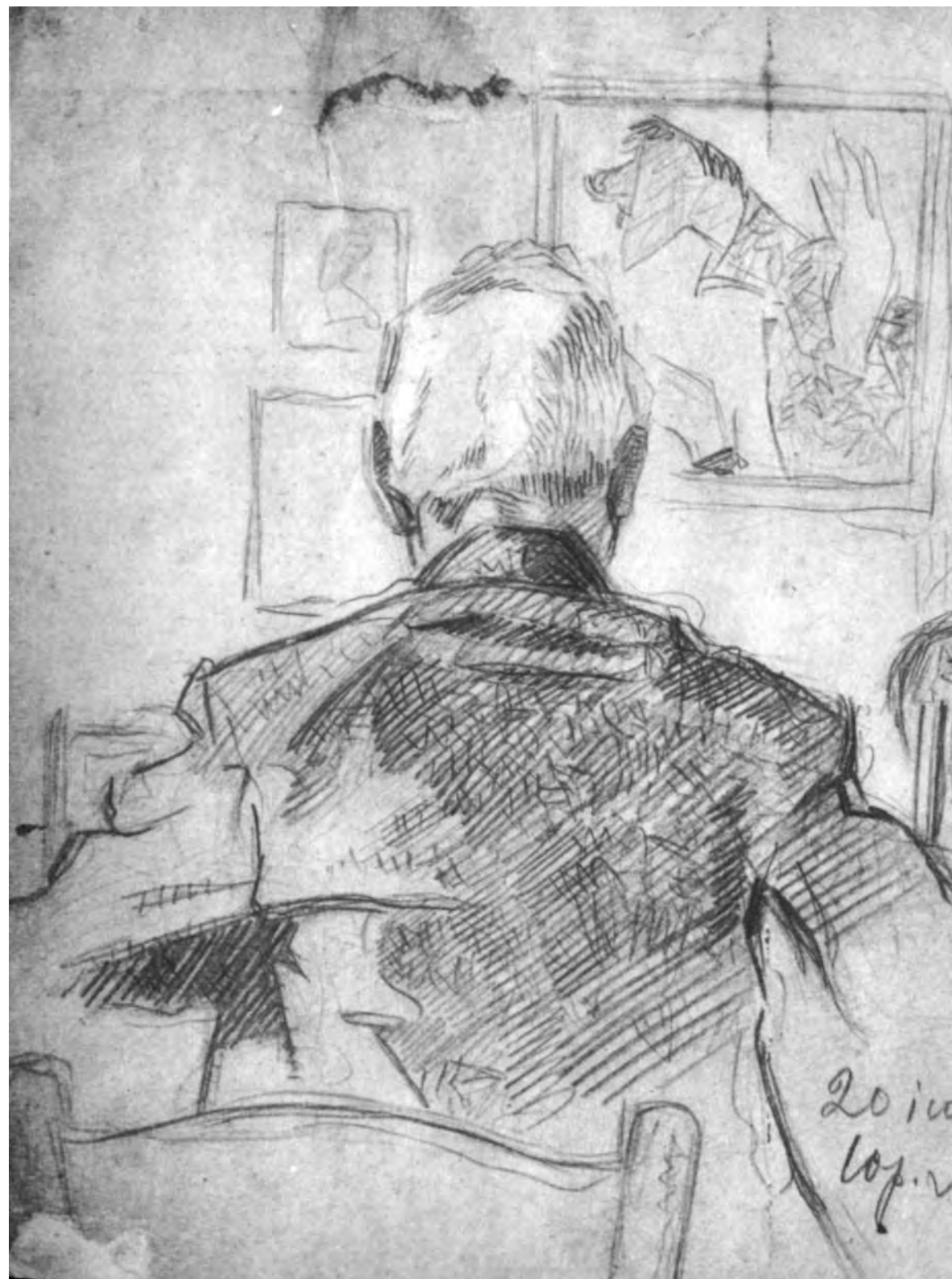
Рисунок помечен 20 июля 1914 года. В этот день были именины Ильи Ефимовича. Он праздновал одновременно с именинами и день рождения. В тот год ему исполнилось семьдесят лет. Заранее было известно, что предстоит грандиозное чествование. Академия художеств, Академия наук и десятки других учреждений собирались прислать к нему в Пенаты делегации с поздравительными адресами, с цветами, с подарками. Решив уклониться от предстоящих торжеств, Репин спозаранку пришел к нам, на приморскую дачу, погулял с моими детьми по саду и по берегу моря. Потом, когда пришли несколько близких друзей — Анненков, Евреинов, Волин, — Илья Ефимович попросил меня «ради праздника» почитать ему Пушкина. Все это время он был убежден, что в Пенатах, возле его мастерской, толпятся десятки делегаций с поздравительными адресами, с подарками. Тайком от него я несколько раз посылал в Пенаты детей, и они возвращались со странным известием, что там нет ни одного человека. Как потом оказалось, все поезда были заняты воинскими частями и связь с городом на время прервалась. Обо всем этом мы узнали потом, а пока Репин с самым праздничным видом, благодушно и радостно слушал чтение любимых стихов. Во время чтения он взял четвертушку бумаги и стал рисовать моих гостей, случайно собравшихся в комнате.

На рисунке он изобразил меня за чтением Пушкина и рядом со мной писателя Юрия Волина (стр. 44).

Рисунок исполнен папиросным окурком. Репин макал этот окурочек в чернильницу и пользовался им, словно кистью. Потом кое-где (очень скупой) присоединил к этим пятнам штрихи, сделанные тонким пером. Пером нарисована на этом рисунке сидящая в отдалении женщина, жена писателя Иерусалимского.

Замечательно, что, указывая местность, где сделан рисунок, Репин назвал Чукоккалу, потому что, по его убеждению, Чукоккалой надлежало называть не только мою книгу, но и дом, где я жил.

Когда И. Е. Репин делал этот набросок, художник Юрий Анненков, примостившись сзади, нарисовал его со спины (стр. 45).

События этого дня запечатлены на страницах Чукоккалы. Запись сделана моей рукой под диктовку собравшихся:

20-го июля 1914, в день св. пророка Ильи, в первый день Великой Европейской Войны, в 70-летнюю годовщину И. Е. Репина, мы, праздновавшие с дорогим именинником этот день, собрались у Чуковских и читали «Пир во время чумы». Н. И. Кульбина потребовали немедленно в Главный штаб. За Арнишамом прислали артельщика для немедленного отъезда из Куоккала. Е. П. Кульбина пришла с опозданием, но без вечерней газеты и сообщила о взятии немцами какого-то Люксембурга, о котором мы все спрашиваем, где он? Все обсуждали, что делать, и оказалось, что твердо решили остаться в Куоккала и не поддаваться общей панике, за исключением Арнишамов, которые ушли укладывать вещи.

Подписи: А. Беленсон, К. Чуковский, Н. Евреинов, Молчанова, Н. Толстая, Г. Кудрявцев, Ю. Анненков, А. Иерусалимский, И. Репин, М. Иерусалимская, Ю. Волин, Волина, И. Василевский.

21-е июля. Протестую против своего бегства. Артельщиков задержал. Сам на посту в Куоккале.

А. Арнишам

11 час. 30 м.

Все же уехал! 24 июля 1914 г.

К. Ч[уковский]

Через несколько дней после начала войны я предложил моим гостям написать мне в Чукоккалу, чего они ждут от войны и когда она может кончиться.

Н. Евреинов написал: *К рождеству. Жду разгрома тевтонов.* Тогда я, для того чтобы его строки показались плагиатом (обычная наша игра), написал над его строкой вариант его записи: *Уверен, что окончится 25 декабря. Жду полного разгрома швабов.* И приписал, подражая Евреינוву: *Остерегаться подделок.*

Е. Молчанова, секретарь Н. Евреинова, написала: *Месяца через три. Жду прекращения германского милитаризма.* Кто-то (не могу вспомнить кто) написал: *Не знаю.*

А Репин, наперекор всем, написал: *Чем скорее, тем лучше — жду федеративной германской республики.*

Когда же спросили у него объяснений, он придвинул к себе чернильницу и тут же нарисовал небольшую картинку: победоносный германский рабочий вывозит связанного Вильгельма II на тачке (стр. 48).

Отклик Юрия Анненкова:

Когда кончится война — не знаю и ничего от войны не жду, но я жду, чтобы скорее ожили ноги моего отца, которые отекли во время его бегства из Берлина.

Юр. Анненков

Два следующих репинских рисунка в Чукоккале тоже связаны с войной.

Моим гостем в тот день был адвокат с закрученными вверх усами (я забыл его фамилию). Он угодил на страницы Чукоккалы лишь потому, что показался Репину похожим на кайзера Вильгельма II (стр. 50).

7 сентября 1914 года к нам пришла старшая сестра художника Ивана Альбертовича Пуни — Джульетта, она же Юленька. Она добровольно отправлялась на фронт в качестве сестры милосердия. Узнав об этом, Репин захотел во что бы то ни стало нарисовать ее, но, так как ни перьев, ни карандашей у него поблизости не было, он взял спичку и, макая ее в полусохшую тушь, которую нашел на подоконнике, все же нарисовал эту смеющуюся миловидную девушку. Она сидит подбоченившись, в той залихватской, мальчишеской позе, которая тогда была свойственна людям, добровольно уходившим на фронт (стр. 51).

В Куоккале жил тогда популярный артист театра «Кривое зеркало» Константин Эдуардович Гибшман, друг и театральный соратник Евреинова. В Чукоккале сохранился красочный портрет Гибшмана, сделанный Юрием Анненковым (стр. 53).

Историк эстрады Евгений Кузнецов очень верно характеризовал Гибшмана в своем исследовании об эстрадном искусстве:

«Невысокого роста, невзрачный, он обладал карикатурной внешностью — круглой, как шар, головой, окаймленной огромной кудлатой шевелюрой, небольшими выпуклыми глазами и испуганно вздернутыми бровями.

В «Кривом зеркале» Гибшман создал тип робкого, растерянного конферансье-новичка, впервые встречающегося с публикой, и притом новичка-неудачника, подавленно-го выпавшей на него обязанностью стать конферансье.

Виртуозно разработав в комическом плане такой человеческий характер и линию его поведения в различных обстоятельствах, Гибшман нашел оригинальную маску комика»¹.

Так как в связи с войной у обывателей возникла подозрительность по отношению к каждому немцу, прожи-

¹ Евг. Кузнецов, Из прошлого русской эстрады, М., «Искусство», 1958, стр. 297.

вавшему в то время в России, Евреинов в шутку стал уверять, будто Гибшман — немецкий барон и будто на самом деле его фамилия фон Гибшман.

Борис Садовской подтверждал эту легенду в стихах:

К портрету Гибшмана

(Диалог)

Поэт

Он призван — прапорщик запаса, —
Таков судьбы военный путь,
Одела медная кираса
Могучую героя грудь.
Вино, актрис веселых ласки,
Аплодисменты — все прошло.
Как грозно смотрит из-под каски
Его огромное чело!
Воинственный пропляшет танец
Под ним немецкий буцефал...

Гибшман

(с отчаянием)

Я русский воин! Не германец!

Поэт

Благодарю, не ожидал!

Б. Садовской

27 авг. 1914

Внизу страницы — запись Евреинова. Под этой записью он, шутки ради, подписался именем поэта Василия Каменского.

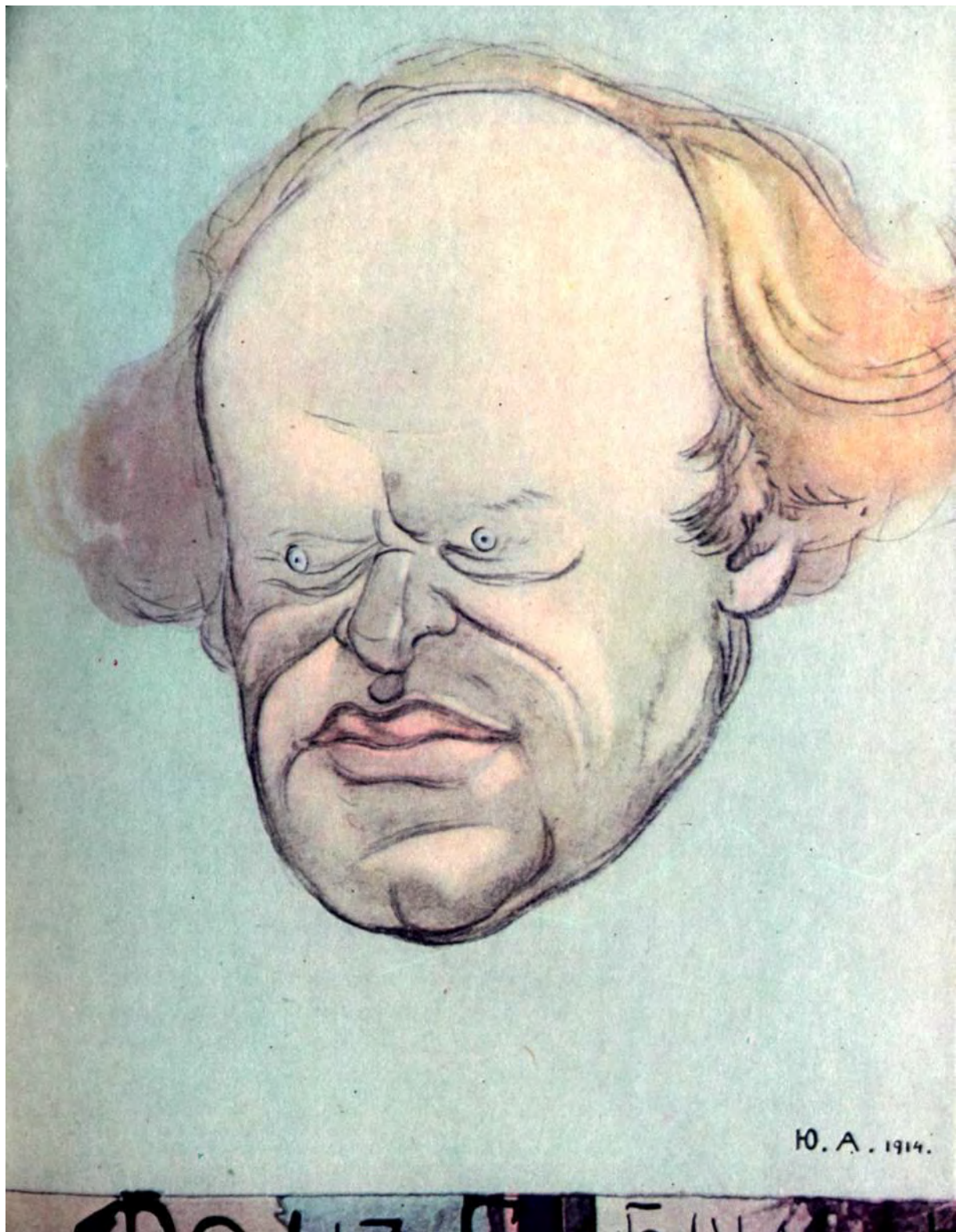
В газетах печатают о нейтралитете Лихтенштейна. Никто в Куоккале не слышал о таком государстве. Повторение истории с Люксембургом.

В. Каменский

Следующая запись принадлежит Василию Каменскому.

Никто в государстве Лихтенштейн не слышал о Куоккале, однако эта оказия не помешала Н. Евреинову подписаться именем — тоже не знающим географию — В. Каменский.

В. Каменский

Ю. А. 1914.

Бенедикт Лившиц, одно время принадлежавший к группе футуристов и подписывавший их манифесты, на самом деле тяготел к классическому стилю, о чем свидетельствует даже это шуточное стихотворение, в котором он воспекает Куоккалу, прощаясь с ней перед отправлением в Действующую армию.

*Версификационные упражнения
в стиле А. Пушкина*

*Петропольских пегасов стойло,
Надолго ли обречена,
Куоккала, твоя волна
Парнасским скакунам на пойло?*

*Зачем к тебе их гонит рок
Из Мустомяк и Терриок!*

*Куоккала, давно ль на пляже
Твоем златом я возлежал,
Где тучей стрел и роем жал
Музоводитель поражал
Мне грудь и рамена и даже
Поднесь невинный афедрон —
Любитель девства Аполлон?..*

*Давно ли музыку гулов,
Рождающихся вдалеке,
Я упоялся на песке —
Твоею «ламбдою»¹, Якулов!²
И мне дышалось так легко
Меж дам в трико и без трико?.. **

Бенедикт Лившиц

13.VII.14 — накануне мобилизации

** Се начертал я для Чуко.*

¹ Ламбда — по Якулову, женственная стихия, воплощающая нежность и ласку.

² Георгий Якулов — художник-футурист, приятель Бенедикта Лившица.

Г. Б. Якулов был участником группы «Мир искусства». Затем работал главным образом над театральными постановками в Московском Камерном театре и в театре Дягилева в Париже.

Интересно, что подпись Якулова стоит на профсоюзном билете Маяковского, удостоверяющем его принадлежность к Союзу художников-живописцев Москвы.

Романовский Логос, —
и уродлив, на него —
Милосердие, и Логос! —
И что гомосексуальность? —
Меня же в том и в том?!!

Александр Милосердие

13, 14, — и в том и в том

*) С парижской и в том и в том.

Искренность?

Передо мной есть
и в том и в том.

Но в этом мире
и — мимик.

Александр Милосердие

Почти все мемуаристы изображают Осипа Мандельштама щедедушным и хилым. Впалая грудь, изможденные щеки. Таким и был он в последние годы. Но мне вспоминается другой Мандельштам — сильный, красивый и стройный. Его молодая привычка выпячивать грудь и гордо вскидывать кудрявую голову подбородком вперед делала его похожим на драчливую птицу, готовую в любую минуту ринуться в бой на врага.

Помню, в предосеннюю пору мы вышли с ним и с другими друзьями на пустынный куоккальский пляж.

День был мрачный и ветреный, купальщиков не было. И вдруг Осип Эмильевич молча сбросил с себя легкую одежду, и не успели мы удивиться, как он оказался в воде и быстро поплыл по направлению к Кронштадту. Плыл он саженьками, его сильные руки, казавшиеся белыми на тусклом фоне свинцового моря, ритмически взлетали над водой против ветра.

Не помню, кто был тогда с нами, — кажется, Борис Григорьев, Николай Кульбин, Юрий Анненков. Мы подошли к Мандельштаму, едва только он воротился. Я хотел принести полотенце и теплую куртку (дом был недалеко, в двух шагах), но Мандельштам, не сказав ни слова, стал бегать по холодному пляжу так быстро, что нельзя было не залюбоваться его здоровьем и молодостью. Бегал он долго — без усталости. И оделся лишь после того, как обсушил и согрел свое крепкое тело. Мы поспешили на станцию.

В ту пору он был отличный ходок. Прошагать из Коктебеля в Феодосию и обратно не составляло для него никакого труда.

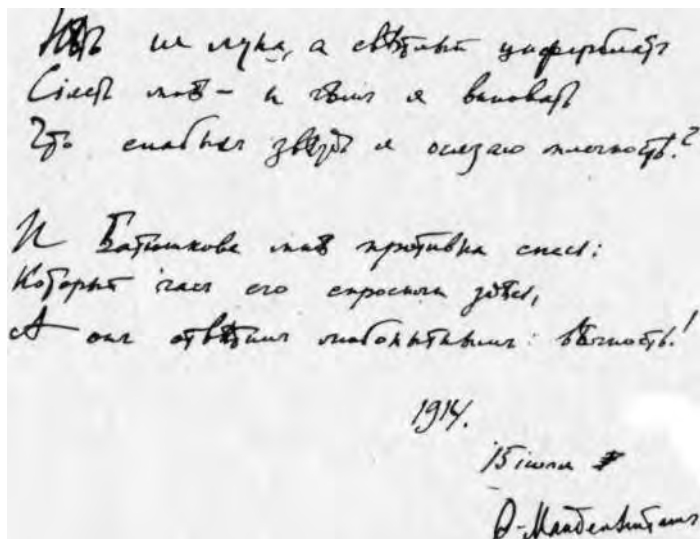
Летом 1914 года он написал мне в Чукоккалу такие стихи:

Нет, не луна, а светлый
циферблат
Сияет мне — и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю
мечность?

И Батюшкова мне противна
спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным:
вечность!

О. Мандельштам

1914. 15 июля

Нет, не луна, а светлый
циферблат
Сияет мне — и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю
мечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!

1914.
О. Мандельштам

Кажется, Анна Ахматова (которую он читал и любил) нашла во всем его облике сходство с задорным щеглом — по крайней мере я впервые услышал это сравнение от нее.

Впоследствии, через много лет, он прислал мне из Воронежа стихи, в которых изображался щегол:

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаешь ли — до чего щегол ты,
До чего ты щеголовит!

Смолоду Осип Эмильевич был и сам довольно «щеголовит». Птичий хохолок надо лбом, закинутая назад голова на верткой щеглиной шее и, словно перья на щеках, бакенбарды (молодые и потому привлекательные). И модный, щеголеватый, хотя немного потертый костюм.

Сохранился фотоснимок, относящийся к тому давнему времени, к 1914 году, к самому началу войны. На этом снимке мы четверо сняты рядом на длинной скамье: Мандельштам, я, Бенедикт Лившиц и Юрий Анненков. На снимке запечатлен Мандельштам первых лет своей писательской славы, бодро и беззаботно глядящий вперед.

Странное дело: в то время я так часто видел его бурно веселым, смеющимся, что таким он сейчас и встает в моей

памяти: эпиграммист, остроумец, сочинитель смешных каламбуров, счастливiec (не только по судьбе, но и по принципу, так как исповедуемый им акмеизм предписывал ему жизнелюбие и счастье). Помню, я был очень удивлен, когда узнал от него, что он хочет назвать свою вторую книгу «Tristia» (то есть, по Овидию, «Скорбные песни»).

После первой же книги стихов Мандельштам стал знаменитостью в литературных кругах Петербурга. Мы полюбили твердить наизусть его классически четкие строки «Над желтизной правительственных зданий...», «Я не слышал рассказов Оссиана...», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «Летают Валькирии, поют смычки...».

Наряду со стихами торжественными в книге было немало стихов, посвященных тривиальной повседневности, образы которой были близки и милы ему. И когда он писал, например:

В спокойных пригородах снег
Сгребают дворники лопатами,

чувствовалось, что ему весело видеть и этот снег, и эти лопаты, и эти «спокойные пригороды».

С такой же приветливостью писал он о долгожданном мороженщике, прибывшем в пригород летней порой:

Подруга шарманки, появится вдруг
Бродячего ледника пестрая крышка —
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.
И боги не ведают — что он возьмет...

Видеть «предметы предметного мира», птиц, животных, горы, моря и дома, было для него истинным счастьем:

Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полет!..

Если эти «я люблю», «я доволен» не всегда были сказаны вслух, все же они чувствовались в той ласковой и веселой манере, с которой поэт рисовал свои образы. Светлое приятие мира — лирический подтекст его ранних стихов.

Да, жизнь часто бывает трагична, тяжела и бессмысленна, но все же какое это счастье — быть живым: Пусть я живу лишь мгновение, но в этом мгновении — вечность:

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?..

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло...

Пушай мгновения стекает муть,—
Узора милого не зачеркнуть.

Это одно из самых оптимистических стихотворений русской поэзии. Оптимизм выстраданный, прошедший сквозь отчаяние, слезы и смерть. Но да будут благословенны все мгновенные приманки и очарования жизни:

Поедем в Царское Село...

Над Курюю есть духаны,
Где вино и милый плов...

Но я люблю на дюнах казино
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой;
Люблю следить за чайкою крылатой!

Но больше всех чаек и ласточек, больше духанов и царскосельских аллей любил он — до умиления, до страсти — музыкальную стихию русской речи, и эта стихия влекла его к себе как магнитом. Какая-то новая — горьковатая — сладость зазвучала в его лучших стихах, где было с особой нежностью облечено каждое слово. Именно облечено какой-то благоговейной нежностью.

Этим благоговением заражал он и нас — и я помню, какой драгоценностью ощущали мы каждое слово в его знаменитых стихах: «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Я изучил науку расставанья...», «Золотистого меда струя...», «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», «Где милая Троя, где царский, где девичий дом?..».

Чувствовалось, что мастер был счастлив работать над таким податливым и гибким материалом, как русский язык.

«Радость тихая дышать и жить» долго не покидала его. Она виделась мне и в его искрящихся, веселых глазах и в стремительной, почти мальчишеской походке.

Чаще всего я встречал его в то время у Анны Ахматовой. Уже по тому, как сильно он дергал у дверей колокольчик, она узнавала: Осип. Сразу же в маленькой комнатке начиналось целое пиршество смеха. Было похоже, что он пришел сюда специально затем, чтобы нахохотаться на весь месяц вперед. Оба они очень затейливо и тонко злословили, сочиняли едкие стихи о друзьях и знакомых. Если здесь же присутствовал их общий приятель поэт Михаил Лозинский (впоследствии переводчик Шекспира и Данте), смех допоздна не умолкал ни на миг. Шутки были сплошь литературные — шаржи, псевдоцитаты, пародии, и, хотя все трое были наделены изощренным чувством сарказма и юмора, первая скрипка в этом своеобразном оркестре всегда принадлежала Мандельштаму.

— Мне ни с кем так хорошо не смеялось, как с ним! — вспоминала Анна Андреевна.

Смешные экспромты Осип Мандельштам чаще всего сочинял в античном, ложноклассическом стиле, придавая им форму пентаметра — того самого, которым Овидий писал свои «Tristia». Из них мне запомнилось такое двустишие:

Делия, где ты была? — Я лежала в объятьях Морфея.
Женщина, ты солгала, — в них я покоем сам.

Тот же древний классический стиль соблюден Мандельштамом в стихах, посвященных ассирологу Владимиру Казимировичу Шилейке. Шилейко был человек феноменальной начитанности, полиглот, первоклассный ученый, но жил очень бедно и неприкаянно, особенно тогда, когда стал мужем Анны Ахматовой. И вдруг ему посчастливилось на короткое время поселиться в комфортабельной квартире (может быть, я ошибаюсь, но мне смутно помнится, что то была квартира его близких друзей, которые уехали куда-то на юг). Видеть этого неприветливого бедняка в обстановке, столь несоответствующей его обиходу, было очень странно и дико. Отсюда прелестные стихи Мандельштама:

Путник, откуда идешь? — Был я в гостях у Шилейки.
Дивно живет человек; смотришь — не веришь очам.
В бархатном кресле сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется рукой — сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской люди.
Милый прохожий, скажи, кто же живет на Шестой?

Думаю, сам Козьма Прутков был бы не прочь подписаться под этим шедевром, написанным в духе тех эпиграмм, в которых ядовитый Козьма так беспощадно высмеивал поэта-эллиниста Николая Щербину.

Очень хороша в этих стихах о Шилейке наигранная наивность их автора, притворившегося, будто он твердо уверен, что на нумерованных Рождественских (ныне Советских) улицах жители распределены в самой строгой зависимости от той цифры, которой обозначена каждая: на Шестой Рождественской они живут роскошнее, чем на Четвертой, а на Десятой — роскошнее, чем на Шестой. И такое дикарское изумление перед электрической лампочкой, которой автор якобы никогда не видал до тех пор.

Еще запомнилась мне одна очень несправедливая эпиграмма, где Мандельштам уличает своего редкостно радушного и щедрого друга Михаила Лозинского — в скупости:

Сын Леонида был скуп. Говорил он, гостей принимая:
«Скифам любезно вино, мне же любезны друзья».

Словом, в те давние годы было никак невозможно назвать Мандельштама сумрачным или печальным поэтом. «Радость тихая дышать и жить» чувствовалась во всем его творчестве. У него был особый дар ласково, благодарно, улыбочиво живописать окружающий мир.

Именно так, с сердечной и нежной любовью, приветствовал он Невский проспект в одном стихотворении, написанном им после «Tristia».

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома.

Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима.

Каждому образу в этих стихах он говорит свое «здравствуй». Уютными, добрыми, милыми встают перед ним эти дома и смотрят на него с той же доверчивой радостью, с какой он смотрит на них.

Незадолго до 1917 года в витринах продовольственных лавок на Невском завертелись в качестве приманок большие колеса кофейных электрических мельниц. Даже эти мельницы воспринимал Мандельштам как источник уюта и радости.

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой,
Электрической мельницей смолот мокко золотой.

Теперь уже мало кто помнит, что осенью в Питер с далекого севера приезжала в те годы флотилия лодок с глиняными горшками и мисками и, причалив к берегу Невы, предлагала их столичным покупателям.

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар.
Продавал с гранитной лесенки добросовестный товар.

Товар — «добросовестный», зима — «несуровая», мокко — «золотой», — нет, этот человек и в самом деле смотрел на жизнь светло и приветливо.

И светлая кульминация этих счастливых стихов:

Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

И кто из нас, поселившись в его любимом Крыму и глядя на сбегающие с холмов виноградники, не повторял вслед за ним его удивительно точных — и опять-таки светлых стихов:

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки — идешь, никого не заметишь —
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни:
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь...

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке,
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена —
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

Поэт нигде не говорит, как счастлив он видеть сторожей и собак и как милы ему «золотых десятин благородные ржавые грядки», но каждая строка этих классически спокойных анапестов насыщена светлым счастьем художнического восхищения.

Алексей Михайлович Ремизов — очень живописная фигура того времени — археолог, фольклорист, автор нескольких повестей и романов. Многие свои произведения стилизовал на старорусский лад. Был большим знатоком русских рукописей XVI—XVII веков и артистически имитировал их почерк и стиль. Здесь приводится его стилизованная записка о войне.

Воску ярого свеча затеп-ли-лася... — так от Казани до Львова-города горит через века напев в сердце народном — тут и молитва, тут и гроза, все упование наше и крепость, и костры «последней Руси» и пожар московский, Россия, се дебрь глубокая, Россия наша.

Алексей Ремизов

Петербург
2 сент. 1914

1 октября 1914 года Илья Ефимович нарисовал «пилота-авиатора» Василия Каменского.

В те времена слово «летчик» еще не вошло в обиход. Летчиков звали «авиаторами», а самолеты — «аэропланами», и, так как при несовершенстве тогдашних моторов авиация была делом опасным, на «авиаторов» смотрели как на отчаянно смелых людей, обрекавших себя на верную гибель. Когда в Куоккале появился голубоглазый летчик Василий Каменский, он сразу сделался заметной фигурой в нашей артистической среде. Под письмами он так и подписывался: «пилот-авиатор». Но вскоре все почему-то забыли, что он «авиатор». Обнаружилось, что он поэт-футурист, близкий друг Маяковского и что, кроме того, он чудесно вырезывает из разноцветной бумаги разные фигурки и узоры.

К сожалению, на этом рисунке в Чукоккале Каменский вышел значительно старше своего тогдашнего возраста. Не передана детскость его румяного и круглого лица. Под рисунком рукой Каменского написано: *Это я, Василий Каменский, обросший мхом прошлого* (стр. 64).

В самом начале войны Ю. Анненков символически изобразил все союзные державы, воюющие с немцами. Самовар — Россия, теннисная ракетка — Англия, брюссельская капуста — Бельгия, и т.д.

Роскы дфаво свѣда Јамен-ли-мѣ...
- маху омаз ка Јаки го Мовна-го Јола
Ерфумб Ерунѣ нѣка Нанбар мѣрзе
Народномѣ - тугѣ и молитва, тугѣ
и убога, не упораниѣ наше
и афторѣ, и босафѣ
по афторѣ "Руси" и по жарѣ
молонѣ кѣ Россіе, се деверѣ
губокаѣ, Россіа наша
Амперемѣ

2/11.1914.

пофѣрѣ

на
дон
ЯИ-укавский
ЗАСИИ КАМЕНСКИ
21-го
1914

Вокруг окурков сигар германских
из швабры - швабы из швейков штаб
Напор полков - собак уланский
ландштурма дикит корпусов
блестящая касками из сказок
и штопорах из усов

Взметая пыль
автомобилей
попытки себя
сожрать
под АЕроплан
крыльями
моторится
присады
РАТЬ

10 а. 1914.
10. А.

и надежды!

снаряды гаубиц
с фортов с таран
и падают вниз лицами
за волтерами

как осенью листоури
контузенный ветрами

здесь дух величия и гордо имя русское
за гробью - трудь там-зло безизия и вместо

Крови прусская струится ртуть
здесь с нами - знамя - враги не отдадим
- БЕИ барррабан - к наступлению - шалом марш

Вокруг этого рисунка поэт Василий Каменский написал патриотическое стихотворение о вторгшихся в Россию «швабах» (стр. 65).

К. И. Чуковскому
Василий Каменский
На бой

Вокруг окурков сигар германских
Из швабры — швабы, из швейнов — штаб.
Напор полков — собак уланских
Ландштурма диких корпусов.
Блистая касками из сказок
И штопорами из усов,
Взметая пыль автомобилями,
Готовые себя сожрать,
Под аэропланов крыльями
Моторится пруссачья рать.
Снарядя гаубицами
С фортов сторон
За волчьервами
И падают вниз лицами,
Как осенью листоуран,
Контуженный ветрами.
Здесь дух величия,
И гордо имя русское
За грудью — грудь.
Там — зло безличия
И вместо крови прусская
Струится ртуть.
Здесь с нами — знамя.
Врагу не отдадим.
Бей, барррабан — к наступлению —
шагом марш!
Мы — славные — сильные — вольные —
мы русские, —
Мы победим!
21 октября 1914
Чукоккала

Виктор Шкловский в то время был юным студентом. В руке у него рукопись Бориса Садовского «Мальтийский рыцарь». Репин отлично схватил его сложное выражение лица: задумчивые, грустные глаза — и улыбка.

Мало кому известно, что Куприн был очень неплохим стихотворцем. Стихи сочинял он на все случаи жизни, главным образом шутливые экспромты: басни, эпиграммы,

S. P.
15 Jan 42

19/42.

С. МАЛЬТИНСКИЙ
P. 11/1/42

Дворянская церковь.

Цѣна [1839-46]

Есть в Беринг в замѣстѣ стар.

Земля в ирландии одна:

В переулокѣ, и вѣнѣ, и вѣнѣ,
Намъ и вѣнѣ, и вѣнѣ

Завоужен, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

Завоужен, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

Возвѣнченъ изъ срама

Возвѣнченъ изъ срама

Завоужен, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

Оказанъ и вѣнѣ, и вѣнѣ, —

Каждый изъ срама

Мужъ и сироты переулокѣ

Имъ и вѣнѣ, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

Сироты и вѣнѣ, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

Вѣнѣ и вѣнѣ, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

Вѣнѣ и вѣнѣ, и вѣнѣ, и вѣнѣ,

перевѣнѣ и вѣнѣ:

всевозможные «юморески», пародии. Лирика плохо давалась ему: всем другим жанрам он предпочитал сатиру. Думаю, что, если бы собрать все стихи, написанные Куприным с юных лет, получилась бы книга изрядных размеров.

В 1914 году в первые же недели войны Куприн перевел язвительное стихотворение Гейне о предках кайзера Вильгельма II, войска которого только что вторглись в Россию. Этот перевод он тогда же собственноручно вписал в Чукоккалу:

Дворцовая легенда

Гейне (1839—46)

*Есть в Берлине в замке старом
Группа в мраморе одна:
С жеребцом, пылая жаром,
Пала некая жена.*

*Говорят, что эта дама
Забрюхатела, и вот
Возвеличился из срама
Королевский прусский род.*

*Чистокровный прародитель
Оказался молодцом, —
Каждый прусский повелитель
Так и смотрит жеребцом.*

*Речи их текут из стойла,
Смех их — ржанье, мыслей — нет,
Вся их жизнь — жранье и поило,
Человека — вымер след.*

Перевел А. Куприн

1 сент. 1914

С давнего времени ходили слухи, что знаменитая танцовщица Кшесинская — любовница царя Николая II. Евреинов и Анненков начали свой ребус ее изображением. Для того чтобы ребус был понятен, нужно знать, что в Петербурге довольно видной фигурой был присяжный поверенный Берлин, носивший великолепные бакенбарды. Физиономия этого адвоката и означает в ребусе город Берлин. Таким образом, весь ребус читается так:

«Кшесинская, «станция» краковяк в Берлине, захваченном русскими, докажет мощь царя».

Для изображения царя авторы взяли серебряный рубль и, подложив его под бумагу, заштриховали карандашом.

Нр. Шчеголь. и А. Ефремов

21 сентября 1917 года

Итого: $1001 + 76 + 103 = 1180$

Внизу я тогда же подписал номера тех статей уголовного уложения, по которым авторов ребуса следовало судить за их рисунок.

Борис Садовской — автор рассказов и очерков из жизни старинных писателей, а также сборника стихов «Самовар». Самое заглавие этой книги воспринималось в ту пору как бунт, так как заглавия поэтических сборников отличались тогда либо высокопарной торжественностью («Золото в лазури», «Будем, как солнце», «Cor ardens»), либо тяготели к абстракциям («Нечаянная радость», «Безбрежность», «Прозрачность»). Против этой выпененной поэтики символистских заглавий по-своему протестовали тогда футуристы, дававшие своим книгам такие названия, как «Дохлая луна», «Засахаре кры» и пр. «Неоклассик» Борис Садовской, ненавидя и тех и других, выступил против них со своим «Самоваром».

Тихий самоварный уют, провинциальная домовитость, патриархальность, семейственность были и в самом деле его идеалом. Любитель старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи, и даже бакенбарды у него были такие, какие носил когда-то поэт Бенедиктов. Не было бы ничего удивительного, если бы он нюхал табак из «Табакерки» Михаила Погодина и оказался приятелем Нестора Кукольника или Барона Брамбеуса. На него надвигались две мировые войны и величайшая в мире революция, а он пытался отгородиться от этого неотвратимого будущего идиллическим своим «Самоваром», стихами своего боготворимого Фета, бисерными кошельками, старинными оборотами стилизованной речи. Конечно, здесь была и литературная поза, но было и подлинное — сознание своей обреченности.

При всем том это был неплохой человек: надежный друг, занятный собеседник. В Чукоккале сохранились его портреты, исполненные Ал. Бенуа и Репиным (стр. 71, 72).

Тогда же Репин изобразил и артистку Наталию Толстую. Рисунок исполнен папиросным окурком (стр. 73).

8 августа 1914 года (то есть в самом начале войны) я посетил Леонида Андреева в его доме в Ваммельсу (Финляндия) как раз в тот день, когда происходило солнечное затмение. Андреев в тот день был в приподнятом настроении и острил напрапалу, что и отразилось в его чукоккальской записи.

Б. Садовской. Рис. А. Бенуа

Бориса Цадковича

Солнечное затмение. 2 ч. 10 м. Темнеет. Чуковский прыгает в восторге. Темнеет. У Чуковского зеленеет лицо. Темнеет. Мрак. Во мраке прыгает Чуковский. Страшно. Кто-то хохочет. Все стали некты в серых¹. Темнеет. Холоднее. Конец!

8 августа. Ваммельсу, кабинет, стол и стул.

Леонид Андреев

Воротившись домой, я застал у себя дома юмориста-сатириконца Аркадия Аверченко, который и записал в Чукоккале на той же странице курьезный перечень «ошибок» Вильгельма II. Запись Аверченко верно отражает наигранный оптимизм тогдашней обывательской массы, пытавшейся утешить себя легендами о слабости врага.

Не потому, что мы воюем с Вильгельмом, а вообще — нахожу, что Вильгельм смешон.

Можно ошибиться в одном случае... Ну, в двух!.. Ну, в трех!!.

А то:

1) Думал, что Англия будет нейтральна... Ошибся.

2) Думал, что Япония будет против России. Ошибся.

3) Никогда не думал, что Япония будет за Россию. Ошибся.

4) Думал, что Бельгия безмолвно пропустит немцев. Ошибся.

5) Думал, что Италия будет за немцев. Ошибся.

6) Думает, вероятно, что Италия будет нейтральна. Ошибся.

7) Надеялся на мощь Австрии. Ошибся.

Итого — 7 ошибок.

Это именно те 7 бед, за которые — один ответ.

Аркадий Аверченко

Давид Бурлюк и другие футуристы часто заявляли о своей неприязни к Репину. Дело дошло до того, что, когда какой-то сумасшедший в январе 1913 года порезал ножом картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван», Давид Бурлюк вместе со своими единомышленниками устроил в Политехническом музее демонстрацию в честь этого субьекта — за то, что он будто бы пытался уничтожить дурное произведение искусства. Маяковский в демонстрации не участвовал, хотя неоднократно в печати выражал свое отрицательное отношение к творчеству Репина. Поэтому многим гостям художника показался странным тот факт,

¹ Некто в сером — персонаж из пьесы Андреева «Жизнь Человека».

[illegible]

ке потому что он вошел в Виссент-
моз, а вообще — потому, что Виссент
Сильмоз.

Ams:

2) Думаю, что Иностранные студенты помогут России — Оценки.

3) кукла издает крик любви и
идет на Россию. Смерть.

4) Дуван, или Фенхель лекарственный и его
стимулирующее - Очищающее.

а) Выразит, что Кларк сужает ее участие -
Омария:

6) Думаем, proposed, into America of
gent newspaper - America

7) Кадровые из матрицы Австрия - ошибки
итого - 7 ошибок.

Из того — 7 Оксидов.
 Это же число — не 7, а 8, в котором — оксидов
 Аркадий Иван

Экспромт М.А. Щепкиной-Куперник

после того как Д.Д. Бурлюк и В.В. Каменский
прочитали в ПЕНАТАХ оду Ртису. 22 окт. 1914

Поэт Ртиса наша серебряный
Как будишь с нами он вьх фазбонь -
Молвучишь с добротой мудро
- и с нами? С Давидом Бурлюковичем.

Мелуфта Яковича зисит!
Он был пророком, Дед Демьян...
И у ф? Кави, фумуристы
К нему инокоро приехали!...

Мур

примечание В.В. Каменского:

х) Полная покорность футуристам всегда
отмечалась рывчарским благодарствуй
= о чем упорно упоминают поэты
и Пресса с юной берега
Завеней Каменский

что Бурлюк и Каменский через полтора года как ни в чем не бывало явились к Репину в Пенаты и даже прочли в его честь восторженную оду.

Среди гостей Репина была поэтесса Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, выразившая общее мнение такими стихами:

Экспромт Т. Л. Щепкиной-Куперник
после того как Д. Д. Бурлюк и В. В. Каменский
прочитали в Пенатах оду Репину

Вот Репин наш сереброкудрый
— Как будто с ним он век знаком —
Толкует с добротою мудрой
— И с кем? С Давидом Бурлюком.

Искусства заповеди чисты!
Он был пророк их для земли...
И что же? Наши футуристы
К нему покорно притекли!..*

ТЩК

Куоккала
22 окт. 1914

Примечание В. В. Каменского:

** Помимо покорности футуристы всегда отличались рыцарским благородством, о чем упорно умалчивают поэты и пресса с иного берега.*

Василий Каменский

Осенью 1914 года, ночью, я шел через Марсово поле и встретил Давида Бурлюка. Бурлюк тут же под фонарем нарисовал символическое изображение России, побеждающей Германию. И написал стихи:

Марсово поле
1914 г. осень, ночь.

Закат ушел, и нет надежды,
Что вновь забрезжит свет.
Прилежно презирают вежды,
Но дух им шепчет «нет».

Давид Бурлюк

Через сорок три года Бурлюк приехал в Россию из Соединенных Штатов. Он посетил меня и на той же странице Чукоккалы нарисовал леди Годиву, иллюстрацию к известной поэме Теннисона (см. перевод Ив. Бунина). На рисунке Бурлюк написал:

Марсово поле.

1914 г. осень.
ночь.

Закат ушел и к нам надежды
что вновь забрежнет свет
Прилежно прозирают ванды
Но дух из шептат и гонят

Дорогой Карлос Зурбасан, с любовью и признанием к твоей
литературе - with love and great appreciation of his
love to writers and their works - David, Marussia Burliuk
Hampton Bay, L.I., N.Y.
USA.

Дорогому Корнею Чуковскому, оруженосцу Истории нашей литературы — *with love and great appreciation of his love to writers and their works* — David, Marussia Burliuk ¹.
Hampton Bays, L.I.N. Y. USA.

Содержание поэмы Теннисона такое:

Жена жестокого английского графа Ковентри просила его отменить тяжелые налоги, разорявшие его подданных. Он обещал исполнить ее просьбу, если она согласится показаться голой на всех улицах города. Годива из сострадания к голодным согласилась, причем заранее отправила в город герольда с просьбой, обращенной ко всем жителям города, чтобы они плотными ставнями закрыли все окна.

Глаз, нарисованный Бурлюком, служит иллюстрацией к следующему месту поэмы: «Был некто... он сделал в ставне щелку и уж хотел, весь трепеща, прильнуть к ней, как у него глаза оделись мраком и вытекли...»

Григорий Спиридонович Петров — священник, автор книг «Евангелие как основа жизни», «Русское дело», «Школа и жизнь». Писал либеральные статьи в газете «Русское слово». Так как его сочинения шли вразрез с казенным православием, царское правительство сослало его в монастырь и вскоре лишило сана. Это был добрый, простодушный человек, которого все любили, в том числе и Репин, написавший его портрет. В свое время им очень увлекался Горький.

Война — самый точный градусник для определения и высшей доблести и крайней подлости человека и народов.

Г. Петров

21/X 915 г.

Когда я познакомился с Кони, он был почетный академик, сенатор, действительный тайный советник, член Государственного совета, кавалер самых больших орденов. Его подлинным призванием был суд.

Ярче всего боевая натура Кони выразилась в конце семидесятых годов, когда присяжные под его председатель-

¹ с чувством огромной признательности за его любовь к писателям и их творениям. Давид, Маруся Бурлюк (англ.).

ством оправдали Веру Засулич, стрелявшую в градоначальника Трепова.

У Анатолия Федоровича было несколько неожиданных свойств, которые как будто совсем не пристали знаменитому юристу, суровому судье, исправителю нравов, пекущемуся об искоренении пороков.

И первое свойство — «веселонравие», юмор. Он был переполнен юмором, совершенно исключавшим какое бы то ни было ханжество. Это, помнится, удивило меня при первой же нашей встрече.

Кони оказался артистической натурой с темпераментом большого художника. Если бы он не был судьей, прокурором, знаменитым оратором, он мог бы стать незаурядным актером или бытовиком-рассказчиком — такой у него был аппетит к разным бытовым эпизодам, выхваченным прямо из жизни, к художественному изображению всевозможных характеров, лиц, ситуаций.

Нельзя не вспомнить, что он всю жизнь водился с актерами, дружил с Михаилом Семеновичем Щепкиным, с Марьей Гавриловной Савиной, что отец его был театрал по профессии, а мать — характерная бытовая актриса.

Судебные речи Кони были расцвечены юмором, в них сказался его природный литературный талант.

В своей чукоккальской записи Анатолий Федорович прибег к цитатам:

В виду настоящей войны хочется привести несколько достоверных цитат:

1) *Война есть травматическая эпидемия.* —

Н. Н. Пирогов

2) *Война — портит солдат, пачкает мундиры и разрушает строй.* —

Вел. князь Константин Павлович

3) *Loin de nous les héros sans humanité! Ils pourront bien forcer les respects et ravir l'admiration, comme tous les objets extraordinaires, mais ils n'auront pas les coeurs...»*¹.

Суворов

С подлинным верно

А. Кони

X.8.914

¹ Мы не можем сочувствовать бесчеловечным героям (войны). Конечно, как и все необычайное, они могут внушить нам, наперекор нашей воле, уважение и даже иногда — восхищение, но никогда им не будут принадлежать наши сердца (франц.).

Но будь по-прежнему добры и милосердны
всем и особенно демократам
гуманно!

- 1) Книга есть информационная
интересна. — П. П. Меропов.
- 2) Книга — портрет человека, на-
шем мудрости и президиума
судя. — Гек. Куп. Кавказский Таланов
- 3) «То же де nous les héros sans
humanité! Les pourront bien
forcer les respects et avoir
l'admiration, comme faut les
objets extraordinaires, mais
ils n'auront pas les coeurs...»
С. Чороба.

С уважением и любовью
А. Колы
X. 8. 9/14.

Роберт Вильтон — военный корреспондент английской газеты «Таймс», неплохо владевший русским языком. В своей записи он выразил очень характерную для тогдашних английских журналистов мысль о «духовной близости» русских и английских солдат.

Нигде не чувствовалась такая близость между нашими народами, как среди простых русских солдат в окопах. Нам, англичанам, и вам, русским, одинаково чужды насилия, равно дорого чувство долга перед родиной. В этом лежит уверенность нашей общей победы и лучшего будущего.

10/XI.15 г.

Р. Вильтон

Нигде не чувствовалась такая близость между нашими народами, как среди простых русских солдат в окопах. Нам англичанам и вам русским одинаково чужды насилия, равно дорого чувство долга перед родиной. В этом лежит уверенность нашей общей победы и лучшего будущего. Р. Вильтон, 10/XI/15

Гартевельт, сын или брат известного композитора Вильгельма Наполеоновича Гартевельта, пропагандиста русской народной музыки. В. Н. Гартевельт был одним из первых собирателей песен сибирских каторжан и первый опубликовал сборник этих песен, куда входила ставшая знаменитой песня «Славное море, священный Байкал...».

Гартевельт-младший успешно продолжал его дело. В Стокгольме мне случилось быть свидетелем того горячего приема, который ему оказали шведы, когда он исполнял перед ними песни сибирских колодников.

В 1914 году он приехал в Пенаты и после краткого концерта сообщил, что вскоре собирается жениться.

Художник И. Бродский изобразил его в Чукоккале в несколько приукрашенном виде.

Присутствующий при этом Н. Н. Евреинов сказал, что, должно быть, именно такой представляется наружность музыканта его невесте. И тут же нарисовал Гартевельта в том виде, каким он будет казаться своей законной жене.

Немецкие войска вторглись во Францию через Бельгию, нарушив договор о ненападении на эту страну. Такое вероломство тогда было внове. Оно возмутило всю мировую общественность.

Возмущение это выразил в Чукоккале мой товарищ по газетной работе Л. Кармен, талантливый журналист, отец известного современного кинооператора Романа Кармена.

Искренно говорю — будь прокляты пруссаки, засыпавшие, здорово живешь, огнем и свинцом милую Бельгию. Все время стоит передо мною картина бегства бельгийских матерей, жен и сестер под дождем снарядов и в черном дыму в соседнюю Голландию. Как должен страдать нежный Роденбах — певец Брюгге, Метерлинка и Верхарна!

Кармен

Искренно говорю — будь прокляты пруссаки, засыпавшие, здорово живешь, огнем и свинцом милую Бельгию. Все время стоит передо мною картина бегства бельгийских матерей, жен и сестер под дождем снарядов и в черном дыму в соседнюю Голландию. Как должен страдать нежный Роденбах — певец Брюгге, Метерлинка и Верхарна!

Кармен

Художник Зиновий Исаевич Гржебин прославился в 1906 году остроумной карикатурой на Николая II в журнале «Жупел», выходившем под негласной редакцией Горького. Гржебина судили, приговорили к тюремному заключению, после чего он перестал заниматься искусством и неожиданно для всех превратился в издателя. При содействии Леонида Андреева организовал издательство «Шиповник». Основанный им во время войны журнал «Отечество» не имел успеха и вскоре прекратил свое существование.

Одно время Гржебин был заведующим издательской частью «Всемирной литературы», потом основал свою собственную фирму «Издательство З. И. Гржебина», которым руководил Горький.

Я часто бывал у него в доме на Таврической улице, так как привязался к его детворе. Детей у него было трое: Капа, Буба, Ляля. Ляля Гржебина — изящная, тоненькая семилетняя девочка — стала героиней моей сказки «Крокодил».

Вместе с художником Ю. Анненковым и поэтессой М. Моравской мы сидели в прихожей издателя Гржебина. Чтобы скоротать время, я читал очередной выпуск английского издания "The great war" («Великая война»). Анненков,

The
GREAT W

H.A. 16C.914

R. Upshere to specimen Upshere

никогда не расстававшийся с карандашом, нарисовал меня за этим занятием. Тогда же он нарисовал профиль З. Гржебина.

У поэтессы Марии Моравской был тонкий голосок капризной девочки. Она писала неплохие, но жеманные стихи для детей:

Милый моржик,
Хочешь коржик?

Но вдруг ее застигла война, и ее моржики стали никому не нужны. Голодная, исхудавшая, она пришла к издателю Гржебину, который в то время затеял журнал «Отечество», посвященный войне. Мы ждали Гржебина часа два; придя с большим опозданием, он, к радости Моравской, сказал, что даст ей три рубля, если она тут же напишет стихи на военную тему. Она немедленно взялась за перо и вскоре продекламировала такие типичные для того времени вирши:

Последняя война
Быть может, это будет
последняя война.
Все горе мировое высушит
до дна,
И порешит вражду,
и разрешит все узы,
Всю землю примирит, весь
мир обезоружит,
Всю злобу мировую вытравит
до дна
Большая, мировая, последняя
война.

М. Моравская

24 сент. у З. И. Гржебина

Последняя война.
Быть может, это будет последняя война.
Все горе мировое высушит до дна,
И разрешит вражду, и обезоружит все узы,
Всю землю примирит, весь мир
Всю злобу мировую вытравит до дна
Большая, мировая, последняя война.

24 сент. у З. И. Гржебина.
М. Моравская.

Стихи прозвучали наивно и очень по-дамски жеманно. Сейчас их невозможно читать без улыбки. Гржебин остался ими вполне доволен.

Не помню, в каком году Мария Моравская эмигрировала в Южную Америку. В тридцатых годах я получил от нее письмо из Чили и портрет ее чилийского мужа, почтальона.

Мир-доси, ночной-узор ифуса
Трагично

Во берегах там жила во муках и в
и в землях водах мучилась душа
Там во муках жила душа —
и умирала, галела.

А радужный узор, стили и росчерки,
Взмахны крыльев, где душа улетела,
и расхождений, и слезы в кисть истремил,
Вздрогнул на родную, душа!

М. Б. Г. Г. Г.

Королева

18 июля 1915г.

Зимой 1915 года Иван Алексеевич Бунин вписал в Чукоккалу свое стихотворение:

*Мир — хаос, ночной приют птицы.
Брамины*

*В вечерний час тепло во мраке леса,
И в теплых водах меркнет свет зари.
Пади во мрак зеленого навеса —
И, приютась, замри.*

*А ранним утром, белым и росистым,
Взмахни крылом, среди листвы шурша, —
И растворишься, исчезни в небе чистом,
Вернись на родину, душа!*

Ив. Бунин

Чукоккала. 18 янв. 1915 г.

К старости у Репина стала болеть рука, и доктора предписали ему хотя бы один день в неделю не заниматься ни рисованием, ни живописью. Зная об этом, я к его приходу убирал со стола карандаши и перья. Сидя у меня за столом, Репин с тоской оглядывался, нет ли где карандаша или пера. И, не найдя ничего, хватал из пепельницы папиросный окурочок, макал его в чернильницу и на первой же попавшейся бумажке начинал рисовать.

Таких рисунков сохранилось у меня больше десятка.

Он действовал окурочком как кистью, и чернильные пятна создавали впечатление живописи. Вглядываясь в эти чернильные пятна, сделанные размякшим и разбухшим окурочком, я всегда восхищался их изощренной тональностью.

Одного из моих случайных гостей Репин стал рисовать свернутой визитной карточкой, и картон размяк. И все же Репину вполне удалось выразить самодовольство и ограниченность этого человека (стр. 90).

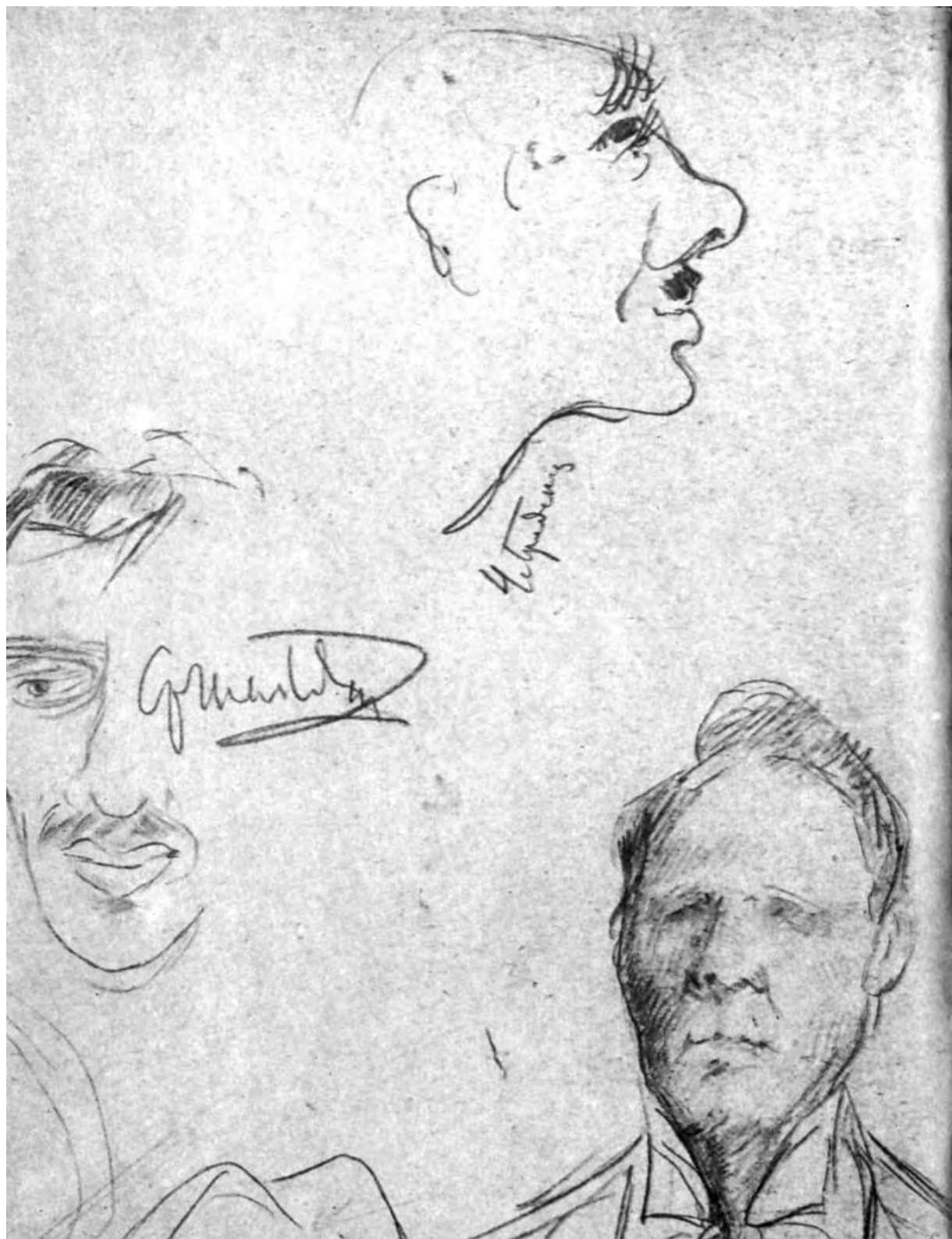
В моем альбоме он набросал, между прочим, жену беллетриста Волина, печальную и кроткую женщину с поэтически задумчивым выражением лица. В ее портрете чернильные пятна воспринимаются как самые разнообразные краски, и ими чудодейственно переданы и фактура одежды, и начинающаяся дряблость стареющей кожи, и рассыпчатость каштановых волос (стр. 91).

Гостя у Репина в 1914 году, Ф. И. Шаляпин, неплохой рисовальщик, сделал несколько зарисовок в Чукоккале. Набросав раньше всего свой автопортрет, который он всегда рисовал наизусть, он на той же странице изобразил и меня.

Вместе с ним в этот день к Репину приехал художник И. Бродский, который вслед за Шаляпиным нарисовал на той же странице мой профиль (стр. 92).

На втором году войны я был в Москве и там сблизился с Владимиром Маяковским. В это время он нарисовал несколько моих портретов, из которых три сохранились в Чуоккале.

На первом рисунке у меня в руке трагедия «Владимир Маяковский», из которой автор процитировал строки:

*С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я, быть может, последний поэт...*

Рисунок сделан в апреле 1915 года в доме Нирензее (Большой Гнездиковский, 10). Текст написан тушью, так как чернил у Маяковского не оказалось (стр. 94—95).

Рисунок «Чуковский в новой шляпе» сделан Маяковским в том же доме (стр. 96).

Вскоре после нашей встречи в Москве Маяковский переехал в Куоккалу. Постоянного жилья у него не было. Он жил то у меня, то в гостинице Трубе (неподалеку от станции), то у художника Ивана Пуни. Об этом времени он в своей автобиографии писал:

«Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедующих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т.д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело.

Вечера шатаюсь пляжем. Пишу „Облако“...».

Здесь Маяковский допустил две неточности, о которых я впоследствии говорил ему, и он обещал их исправить. Во-первых, приемные дни в Пенатах у Репина были не четверги, а среды, а во-вторых, он «ел» меня не только по воскресеньям. В то время ему было двадцать три года, и аппетит у него был колоссальный.

Третий рисунок сделан в моем кабинете, в Куоккале (стр. 97). Маяковский ночевал у меня и целыми днями лежал на диване, пересматривая старые «Весы», «Мир искусства», «Аполлон». Справа он нарисовал полки, с которых брал эти книги, и часть дивана. Слева — цитата из Саши Черного, которого Маяковский знал наизусть:

*Спи, мой кролик,
Спи, мой чиж,
Мать уехала в Париж...*

Цитату Маяковский привел потому, что моя жена уехала на три дня в Петербург. Мой небритый подбородок и шею он процарапал на рисунке ножом, чтобы лучше передать фактуру кожи.

Рисунок очень нравился И. Е. Репину. Оригинал этого портрета в настоящее время находится в Музее Маяковского.

С нестройной щеки плывет
Я духи моего почитания по
Влажковскому

Сир

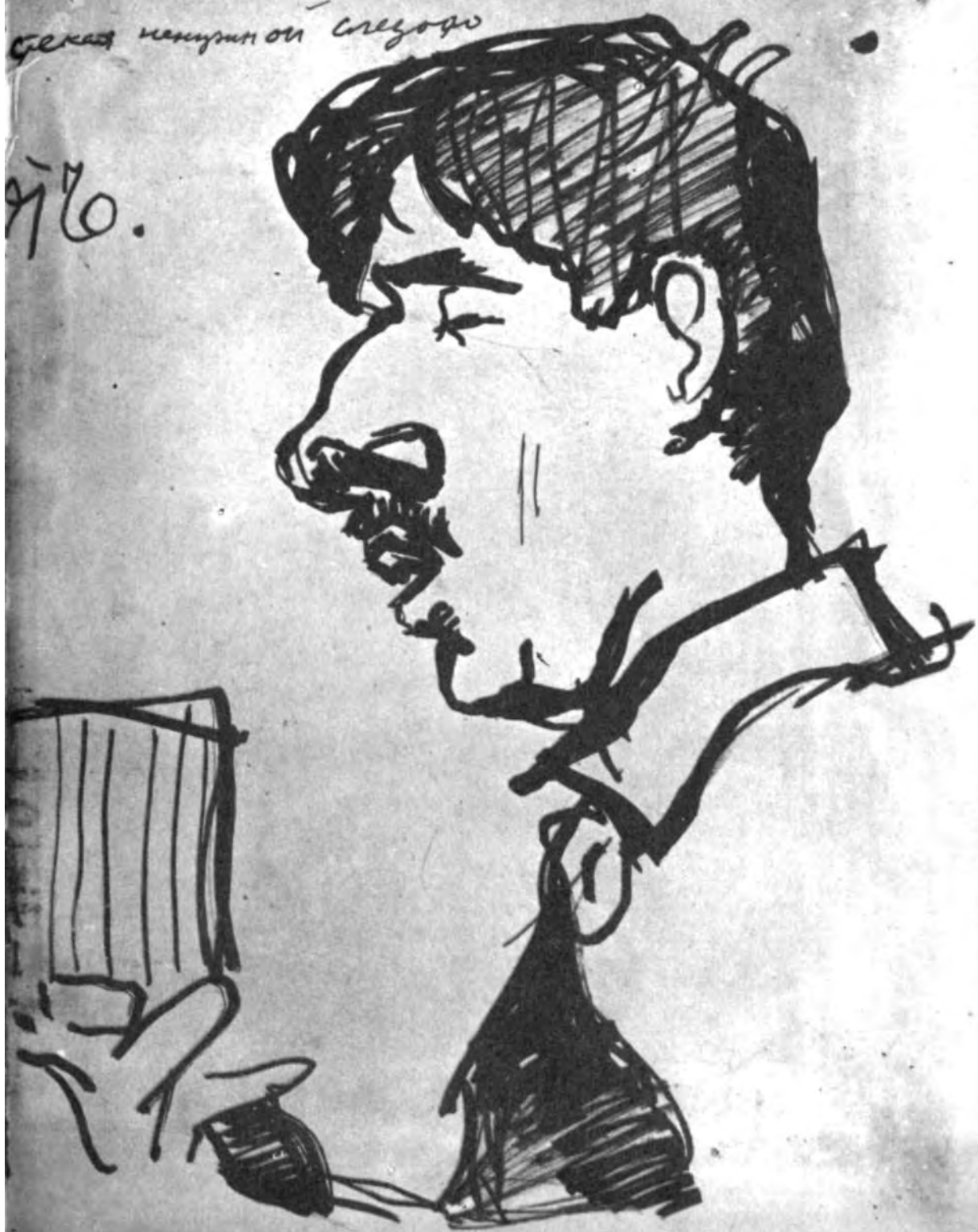

16 апреля

1815 года

Генерал и министр ой срезого

76.

В Куоккале рядом с нами была дача англоизированного немца Джемса Альфредовича Шмидта. Знаток старинной голландской живописи, он служил в Эрмитаже. У него было двое детей. Мальчика звали Джимми. У Джимми были разные уши, правое — большое, а левое — маленькое. Это и запечатлел на своем рисунке Маяковский.

Маяковский любил стихи П. Потемкина, кое-что повторял наизусть: «Жили-были два горбуна...», «Папироска моя не курится...» и т.д. Потемкин был красивый, стройный, щеголеватый, высокий. Маяковский познакомился с ним в редакции журнала «Новый Сатирикон», где тот постоянно сотрудничал. Как известно, в 1915 году сотрудником этого журнала был и сам Маяковский. Однажды, приехав ко мне вместе с Потемкиным, Маяковский сделал с него несколько набросков, один из которых сохранился у меня в Чукоккале.

Первые стихи Потемкина я печатал в журнале «Сигнал», в 1905 году. В свое время он написал прекрасное стихотворение по поводу того, что поэтесса Ольга Чюмина (О. Чю) внесла за меня (К. Че) залог, освободивший меня от заключения в тюрьме:

П. Потемкин.
Рис. Вл. Маяковского

Он был К. Че, она О. Чю
И шли они плечо к плечу
В «Сигнале»
Но был закон весьма суров,
И вот К. Че. без лишних слов
Забрали.
В тюрьме Ка. Че. К нему О. Чю:
«Внести залог я хлопочу.
Нельзя ли?»
И вот К. Че. и вот О. Чю.
Опять идут плечо к плечу
В «Сигнале»
Потемкин
1905—1919 годы

Он был К. Че., она О. Чю.
И шли они плечо к плечу
В «Сигнале».
Но был закон весьма суров,
И вот К. Че. без лишних слов
Забрали.
В тюрьме Ка. Че. К нему О. Чю.:
«Внести залог я хлопочу.
Нельзя ли?»
И вот К. Че. и вот О. Чю.
Опять идут плечо к плечу
В «Сигнале».

Потемкин

1905—1919 годы

Маяковский высоко оценил это старое стихотворение и заставил Потемкина записать его в Чукоккалу.

Поэтесса Ольга Николаевна Чюмина сотрудничала в тогдашних газетах. В журнале «Сигнал» она напечатала сатирические стихи, обличающие одну из великих княгинь, родственницу царя, за что и была привлечена к судебной ответственности вместе со мною, редактором этого журнала.

Первая встреча И. Е. Репина с Маяковским произошла в Куоккале, летом 1915 года. Стихи Маяковского произвели на Репина большое впечатление, и он захотел написать портрет молодого поэта. Но прежде чем ему удалось осуществить свое желание, Маяковский успел сделать по крайней мере десять портретов Репина. Один из них воспроизводится здесь. Он особенно нравился Репину. Хотя в своем рисунке Маяковский слишком резко подчеркнул и усилил признаки старческой немощи, которые в то время наметились в облике Репина, Илья Ефимович громко восхищался его выразительностью. Рисунок этот ныне тоже находится в Музее Маяковского. А в Чукоккале осталась только копия (стр. 101).

И. Е. Репин.
Рис. Вл. Маяковского. 1915

Набросок Маяковского сделан в моей комнате, у полка с книгами. Поэт был недоволен этим портретом и хотел уничтожить его.

Я редактировал книгу Репина «Далекое близкое». Редактировал очень осторожно, сохраняя все своеобразие репинского синтаксиса, весь его самобытный словарь. Но в текстах нередко встречалась прямая неграмотность, были и фактические ошибки. Он, например, называл в своей книге царя Алексея Михайловича Михаилом Федоровичем, статью Писарева приписывал его врагу Антоновичу, вместо «Марокко» писал «Тунис» и утверждал, что в 1871 году видел у кого-то свежую книжку журнала «Современник», хотя «Современник» перестал существовать еще в 1866 году. Карла Маркса он именовал Карл Моор. Таких описок были десятки. И наряду с отличными страницами были дремучие, с неверной и запутанной конструкцией. Приходилось вносить поправки (всякий раз с согласия Ильи Ефимовича). Согласие давалось нелегко. Иногда художник возражал, кипятился и уступал лишь после долгого спора. Именно этот наш спор и запечатлен Маяковским (стр. 102—103).

+ won a blue ribbon
1915

Ко времени пребывания в Куоккале относится ряд рисунков Маяковского в Чукоккале.

Петроградские знакомки Маяковского, ранние поклонницы его таланта, сестры «Маргоша» и «Мариша» Берсон. Они сидят на огромных валунах, сваленных на взморье у одной из куоккальских дач.

«Маргоша» Берсон была пианисткой.

Этот рисунок (стр. 105). исполнен Маяковским в мае—июне 1915 года. Григория Фабиановича Гнесина привел к нам его приятель Н. Н. Евреинов.

Поэт очень верно изобразил на страницах Чукоккалы своего друга Д. Бурлюка, который нередко бывал у меня в те же дни, что и Маяковский. Бурлюк сидит за обеденным столом. В тот день он был в отцовском сюртуке с короткими рукавами. Когда он натягивал их, казалось, что он собирается драться.

Второй портрет сделан почти одновременно с первым (стр. 106, 107).

В. И. Андросов.

*Собака средних лет
Шатается,
Болтается
Собака средних лет;
Везде она, страдальца,
Должна оставить след —
На тумбе ли,
На клумбе ли,
На чем-нибудь ином...
До вечности
Конечности
В стремлении больном
Вздыхаются.
И мается
Собака средних лет...
Таким мне представляется
И твой удел, поэт!*

Владимир Воинов

19 или, говорят, 15-е февраля 1915 г.

Это стихотворение написано поэтом-сатириконцем Владимиром Воиновым по поводу тех экспромтов, которые большие поэты оставляют в альбомах. Выразительные иллюстрации к стихотворению исполнены Юрием Анненковым.

Художник-акварелист Василий Семенович Сварог, которого я вспоминаю главным образом как исполнителя романсов на гитаре, изобразил в Чукоккале своего друга Владимира Воинова (стр. 110).

Не только своими рисунками участвовал Репин в Чукоккале. Он охотно позировал для нее разным художникам. В моем альбоме сохранились наброски, сделанные его бывшими учениками — Исааком Израилевичем Бродским и Николаем Ивановичем Фешиным. К сожалению, оба рисунка пострадали от времени (стр. 111, 113). Бродский, кажется мне, очень детально и верно передал черты семидесятилетнего Репина.

Частым гостем в репинских Пенатах был известный скульптор Илья Гинцбург — большой весельчак, первоклассный рассказчик, любимец Антокольского, Стасова, Льва Толстого.

Я попросил И. Гинцбурга нарисовать Илью Ефимовича за работой (стр. 112).

Посвятил размышлениям Владимир Владимировича
преддверии — не писал о войне, а ее благодар-
ности — не забывал его. Н. Пашаев

1941, 2.7.41

Собака средних лет.

Шашечка,
Болиточка,
Собака средних лет;
ведь она сиротинца
должна оставить сред
на турок-ли,
на кучер-ли,
на все куда-то ином...
до впадения
Кочевников
В сиротенки Болиточка
Или Болиточка
Или Болиточка
Собака средних лет...
Такая и не представляется
И сибиряк удил, роз!

Ю. А.
1915.

Мадонна / Восток.

19 лет 1941 15-го февраля 1915 г.

Портрет лица В. В. Гонимов.

И. Бродский
1916.

22. 11. 16.

Портрет Рютина
Лас. Бродский

W. T. Murphy

5165

Joseph Popper

Ryoko
7-1915

Φ
Pellu

И. Я. Гинцбург. Портрет работы И. Е. Репина. 1907

В. Матэ. Рис. П. Бучкина

В поселке Репино (бывшая Куоккала) в музее-усадьбе «Пенаты» хранится портрет Гинцбурга работы Репина, который запечатлел скульптора в то время, когда тот рассказывал какую-то забавную историю.

15 февраля 1915 года к Илье Ефимовичу Репину приехала вдвойне знаменитая женщина: Валентина Семеновна Серова — вдова композитора Александра Николаевича Серова, автора «Рогнеды» и «Вражьей силы», и мать художника Валентина Александровича Серова.

Я был счастлив познакомиться с ней. Незадолго до этого я прочитал ее увлекательную, колоритную книгу «Серовы» (Спб., 1914). В ней Валентина Семеновна вспоминала своего мужа и сына, первым учителем которого был И. Е. Репин. По живости и мастерству изложения, по силе изобразительности книга казалась мне и кажется сейчас одной из лучших мемуарных книг.

И вот автор этой книги в Пенатах. Тучная, седая старуха в очках. Репин усадил свою гостью в уголке мастерской, а сам примостился на стоявшей там лесенке — на одной из ее средних ступенек — и, забыв обо всем, жадно слушает свою собеседницу, вспоминая вместе с ней драгоценное для них обоих прошлое¹.

Я стоял вдали и любовался обоими. Как картинно скомпонованы обе фигуры, сверкающие в полутемном углу красивой белизной своих волос. У Репина вдобавок снежно-белый отложной воротник, у нее — такая же косынка.

В мастерской в это время находился Василий Васильевич Матэ, приятель Репина, искусный гравер. Я попросил его зарисовать эту сцену в Чуоккале. К сожалению, он не запечатлел знаменательного и живописного сочетания двух белых голов с белым воротником и платком.

Рисунок далек от совершенства, и все же художнику удалось передать дружескую задушевность и пылкость беседы Серовой и Репина.

В 1960 году я получил от живущего в Нью-Йорке художника Мих. Вербова большое письмо, в котором между прочим говорится:

«Прошло 46 с половиной лет с того вторника 5 января 1914 года, когда Вы и мой покойный дядя меня буквально впихнули в двери Пенатов. В этот день решилась моя судьба. Последующие три года неразрывно связаны с Вами — Куоккала и визиты к Вам с Ильей Ефимовичем...»

¹ Незадолго до этого в журнале «Нива» были напечатаны воспоминания Репина о Валентине Серове.

В. Егорова

В. М.
25 апреля
1915

р.т. проф. В.В. Матв.
В.С. Сегрива
И.Е. Раппина
Найдену автору
В.С. Сегрива

Три года Миша Вербов, как мы звали его, был учеником престарелого Репина. Вначале он был приходящим, но в 1916 году Репин разрешил ему поселиться в Пенатах. Вербов сделал по этому поводу следующую запись в Чукоккале:

Сегодня 2-го июля 1916 года, один из самых счастливых дней в моей жизни: Илья Ефимович предложил мне пожить у него в «Пенатах». Сбывается то, о чем я даже не смел мечтать. Жить и работать с Ильей Ефимовичем! Да разве может быть что-нибудь лучше этого?.. С величайшим счастьем и радостью пишу я эти строки дорогому Корнею Ивановичу, чуткому свидетелю всех моих переживаний и встреч с Ильей Ефимовичем.

Миша Вербов

Чукоккала. 2/VII 1916 г.

Сегодня 2-го июля 1916 года
один из самых счастливых
дней в моей жизни: Илья Ефимович
предложил мне пожить у него в
«Пенатах». Сбывается то, о чем
я даже не смел мечтать. Жить
и работать с Ильей Ефимовичем!
Да разве может быть что-нибудь лучше
этого?.. С величайшим счастьем и
радостью пишу я эти строки
дорогому Корнею Ивановичу,
чуткому свидетелю всех моих
переживаний и встреч с
Ильей Ефимовичем.

Миша Вербов
Чукоккала 2/VII 1916 г.

В Чукоккале сохранился репинский эскизный портрет Миши в студенческой тужурке, исполненный папиросным окурком, а также Мишино произведение: портрет Ильи Ефимовича (стр. 118).

В музыкальной жизни старого Петербурга играли заметную роль дирижеры Направник и Черепнин, певцы Касторский, Алчевский, Шаронов, балерина Легат, певицы Куза и Сбруева, музыкант Вольф-Израэль, режиссер Шкафер, не говоря уже о композиторах Бородине, Цезаре Кюи, Глазунове.

Из этих фамилий два других композитора создали интересный рассказ, который и приводится здесь:

Стоит Пальчик-Направник в аптеку, а в аптеке Шкафер и много Буткевичей, Гладких и Шароновых. Приходит Куза, у ней Пучини, ей дают Касторского. Приходит некто Глазуновъй, ему дают Мазини на Черепнине. У аптеки Blumenfeld, сзади маленький Штакельберг и Штраус, там бегают Теляковский и Лосев. Около пруд, где растет Рерих, в пруде плавают Сомов и Лебедев. Вот едет карета, запряженная настоящей Жеребцовой-Евреиновой, на ней Сбруева, правит Кучера с большим рыжим Бородиным. Вот из лесу выбегает Вольф-Израэль — страшно Алчевский!!! и бросается на Жеребцову-Евреинову, а та его Легат.

Мораль.

Кюи железно, пока горячо.

1910. Римский-Корсаков и Лядов

Эту забавную мозаику из музыкальных имен составили в веселую минуту Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Лядов. Лядов сообщил ее мне, когда я больше полувека назад пришел к нему на Николаевскую улицу просить, чтобы он дал для редактируемого мною детского альманаха какую-нибудь музыкальную пьеску.

К сожалению, у него болела рука, и он не мог записать этот текст. Записала его в Чукоккалу через несколько лет художница В. П. Шнейдер, у которой этот текст сохранился в автографе Лядова.

Федор Федорович Фидлер был одной из достопримечательностей тогдашнего Питера. Немец, влюбленный в русскую литературу, неутомимый переводчик русских поэтов на немецкий язык, он постоянно вращался в литературной среде, был закадычным приятелем Куприна, Мамина-Сибиряка, Баранцевича, Альбова. Знал Чехова, Короленко, Михайловского. Создал у себя в доме литературный музей, в котором были рукописи Льва Толстого, Некрасова, Чехова и многих других. Подписывался либо Ф³, либо Ф. Ф. Ф. Был добрый, компанейский человек.

Так как Репин жил в Финляндии, ехать к нему и от него приходилось через пограничную станцию Белоостров, где жандармы проходили по вагонам и задерживали подозрительных лиц. (Кстати сказать, меня они задерживали не меньше тридцати раз в год. Что-то в моей физиономии не внушало им доверия.)

Род. Уотик! екаан Тамисор,
и 2 екаан петрото екаанвафно
подвадран к перколу Бино-оф

18/мекра 1915.

31

Шарж на проф. С. А. Венерос
раб. Н. Н. Венероса Сопинца.

Оф?

18-915
III

Л. С. Венерос

- Про-не екаан, а - проф. С. А. Венерос,
9.9.9.

- Il faut faire bonne mine au mauvais
Jeu Q. Veneros

Фидлер всегда волновался, проезжая через эту неприятную станцию. Поэтому в Чукоккале он назвал Бело-остров — черным:

"Poor Yorik!" — сказал Гамлет, и я ему глубоко сочувствую. Подъезжая к черному Бело-острову.

Ф³

18/31 марта 1915

К Репину он в тот день приехал вместе со своим другом, известным историком литературы Семеном Афанасьевичем Венгеровым, которого здесь же, на этой странице, очень ехидно изобразил Н. Н. Евреинов.

Фидлер, словно испугавшись, что этот шарж могут по ошибке принять за его изображение, счел необходимым заявить:

Это — не Фидлер, а проф. С. А. Венгеров.

И подписался:

Ф. Ф. Ф.

Но благодушный Венгеров, не увидев в этом шарже ничего обидного, кротко утешил себя, приписав по-французски:

Il faut faire bonne mine au mauvais jeu ¹.

От фамилии Фидлер был произведен нарицательный глагол «фидлереть» (то есть собирать рукописи и портреты знаменитых и полузнаменитых людей). Этот глагол употребил, например, Сергей Городецкий, ошибочно приписавший мне любовь к «фидлерению».

Я разобрал одну его (действительно слабую) книгу. Он рассердился и вписал в Чукоккалу такие строки:

К. Чуковскому (в излюбленном им
футуристическом роде)
Корней! Зачем Вам фидлереть?
Вы проживете жизнь, Корней.
Корнет, корнет, всегда корнет!
Судьба несчастная Корней!

С.Г.
(С. Городецкий)

К. Чуковскому

(в излюбленном им
футуристическом роде)

Корней! Зачем Вам фидлереть?
Вы проживете жизнь, Корней;
Корнет, корнет, всегда
корнет —
Судьба несчастная Корней!

С. Г[ородецкий]

¹ Приходится делать хорошую мину при плохой игре (франц.).

По поводу этого четверостишия Борис Садовской заметил:

Лишь для Чуковского Корней,
Владельца рукописей сих,
У Городецкого Сергея
Стремится с лиры горький стих!

Б. Садовской]

(См. «Журнал журналов», № 2).

Лишь для Чуковского ~~Корней~~
Владельца рукописей сих,
У Городецкого Сергея
Стремится с лиры
горький стих!

(См. Журнал журн. нолов. № 2). Т. С.

Кстати сказать: слово «корнеть» не было изобретением С. Городецкого. Еще в 1906 году, когда я в «Весах» Валерия Брюсова вступил в полемику по поводу Бальмонта с некоей Еленой Ц. (то есть Цветковой), я получил следующее письмо от поэтессы Allegro:

Глубокоуважаемому
Корнею * Ивановичу
Чуковскому

* От нового глагола «корнеть».

Повелительное наклонение:
«Корней!» заменяет старинный
афоризм Кузьмы Прутькова:
«смотри в корень»!

26/XII 906

Победы столь легко добившийся!
Как украшение оставь
в своем венце
Тот тонкий терний
притупившийся,
Тот нежный шип — Елену Ц.

«Весов» Читатель
и досточтимого
Корнея почитатель.

26/XII 906
Почтительнейше
Allegro

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ
Корнею*) ИВАНОВИЧУ
ЧУКОВСКОМУ.

*) ОТ НОВОГО ГЛАГОЛА „КОРНЕТЬ“
ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ: „КОРНЕЙ!“ ЗАМЕНЯЕТ
СТАРИННЫЙ АФОРИЗМ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА: „СМОТРИ В КОРЕНЬ!“

ПОБЕДЫ СТОЛЬ ЛЕГКО ДОБИВШІЙСЯ!
КАКЪ УКРАШЕНІЕ, ОСТАВЬ ВЪ СВОЕМЪ ВѢНЦѢ
ТОТЪ ТОНКІЙ ТЕРНІЙ ПРІТУПІВШІЙСЯ,
ТОТЪ НЕЖНЫЙ ШІПЪ — ЕЛЕНУ Ц.

ВѢСОВЪ ЧИТАТЕЛЬ И
ДОСТОЧИМАГО КОРНЕЯ ПОЧИТАТЕЛЬ.

Снова о Фидлере.

Около этого времени — или несколько раньше — царская цензура распорядилась уничтожить мою книгу об Уолте Уитмене, вышедшую в издательстве И. Д. Сытина.

Узнав об этом, я шел по Невскому очень печальный. Встречаю Фидлера. Рассказываю ему о своей беде. Он выражает сочувствие — и вдруг говорит:

— Знаете что? Я придумал. Взойдем в эту парадную... и там...

Я иду за ним, окрыленный надеждой. Может быть, Фидлер знаком с каким-нибудь влиятельным цензором? С начальником цензуры? С министром?

Мы всходим по лестнице на верхний этаж. Я читаю на двери: «Фотограф К. К. Булла».

— Зачем вы привели меня сюда?

— А затем, чтобы сняться. Снимемся вдвоем для потомства. Для истории... Я повешу вашу карточку в музей. И напишу на ней крупными буквами: «К. И. Чуковский в тот день, когда цензура запретила его книгу».

Горе мое сразу испарилось. Я засмеялся.

— Хорошо, — сказал я. — Я снимусь, но непременно с вами!

С тех пор прошло ровно шестьдесят лет. Карточка эта у меня сохранилась, и я решил ввести ее в Чукоккалу, так как другого портрета Ф.Ф.Ф. у меня нет.

1916. 8го маа
пам'ю
агоц'бнному
рн'ю Иваковичи
уковскому

Антон Кожанов.

Портрет нашего соседа по даче, профессора-юриста (я забыл его фамилию), который казался мне типичным членом кадетской партии.

Автор рисунка — Антон Михайлович Комашко, талантливый ученик И. Е. Репина, также живший в Пенатах. Ему принадлежат воспоминания «Три года с Репиным».

Набросок с меня (стр. 126) сделан в Пенатах Петром Дмитриевичем Бучкиным, учеником гравера В. В. Матэ. Петр Дмитриевич — иллюстратор детских книг, автор множества портретных зарисовок.

Мой сосед куоккальский дачевладелец Блинов (кажется, учитель рисования) был у меня один-единственный раз. Бучкин сделал с него на одном листе два беглых наброска.

Жена Блинова в то время увлекалась футуризмом, и потому в ее доме стал бывать Маяковский. Об этом ее внезапном пристрастии к футуризму Л. О. Кармен написал следующую песню, которую с большим успехом исполнил в Пенатах у Репина:

Барыня Подкукелка
Я про барыню одну
Вам, дозвольте, стихану.
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня.

W. J. J. J.
1915-22 Major
Tractor

Тихо, мирно здесь жила,
Неприступною слыла.
Барыня...

Гордо голову несет,
Муфту выставит вперед.
Барыня...

Встретишь тут ее и там,
Все на воздухе мадам.
Барыня...

Только вот беда стряслась,
«Футурня» здесь завелась.
Барыня...

С футуристами спозналась,
В футуристку записалась.
Барыня...

Пишет, мажет и поет,
В «Подкукелку» писанет ¹.
Барыня...

И с журфикса на журфикс
То и дело икс, микс, дрикс *.
Барыня...

Чтоб от моды не отстать,
Стала тоже зазывать.
Барыня...

Гости чай внакладку пьют
И бессовестно жуют.
Барыня...

Кармен

24 февр. 1915.

Выслушав эту песню, профессор Венгеров, одной из специальностей которого было писание комментариев к классикам, сделал такой комментарий:

А) По новейшим изысканиям, «икс, микс, дрикс» пишется следующим образом:

$$\begin{array}{r} 0/11 \\ +/01 \\ \hline \end{array}$$

15 марта 1915

С. Венгеров

* По новейшим изысканиям, «икс, микс, дрикс» имеет следующее начертание

0		+
	0	+
+		0

15 марта 1915

С. Венгеров

¹ О «Подкукелке» см. стр. 36

Борис Григорьев, в то время известный художник, — блестящий рисовальщик, многие его рисунки, сделанные широким свинцовым карандашом, вызывали восхищение Репина.

Григорьев часто бывал у меня в Куоккале и успевал сделать десять — пятнадцать рисунков за один вечер. Свои рисунки он щедро раздаривал моим гостям. Мне он подарил портрет поэта Велимира Хлебникова (стр. 129).

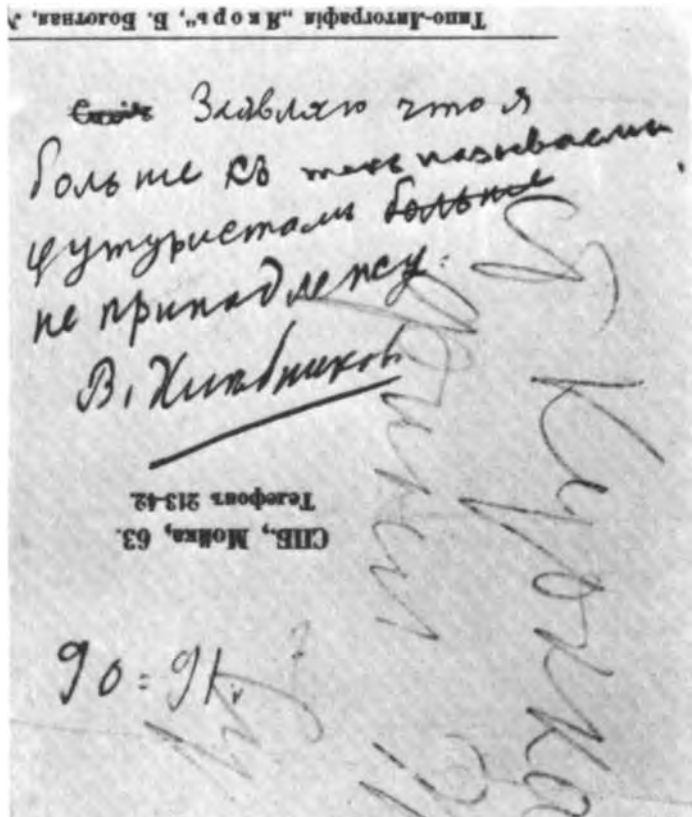
В Пенатах у Репина собиралось по средам разнокалиберное общество. Борис Григорьев зарисовал некоторых гостей Ильи Ефимовича (стр. 130).

В Чуоккале сохранился еще один рисунок Бориса Григорьева (стр. 131).

На посмертной выставке художника Я. Ф. Ционглинского я встретил Велимира Хлебникова и пригласил его к себе в Куоккалу. По дороге Хлебников не произнес ни одного слова, и мне даже казалось, что он дремлет. Потом, взяв у меня каталог этой выставки, он неожиданно написал на обороте его обложки:

Заявляю, что я больше к так
называемым футуристам не при-
надлежу.

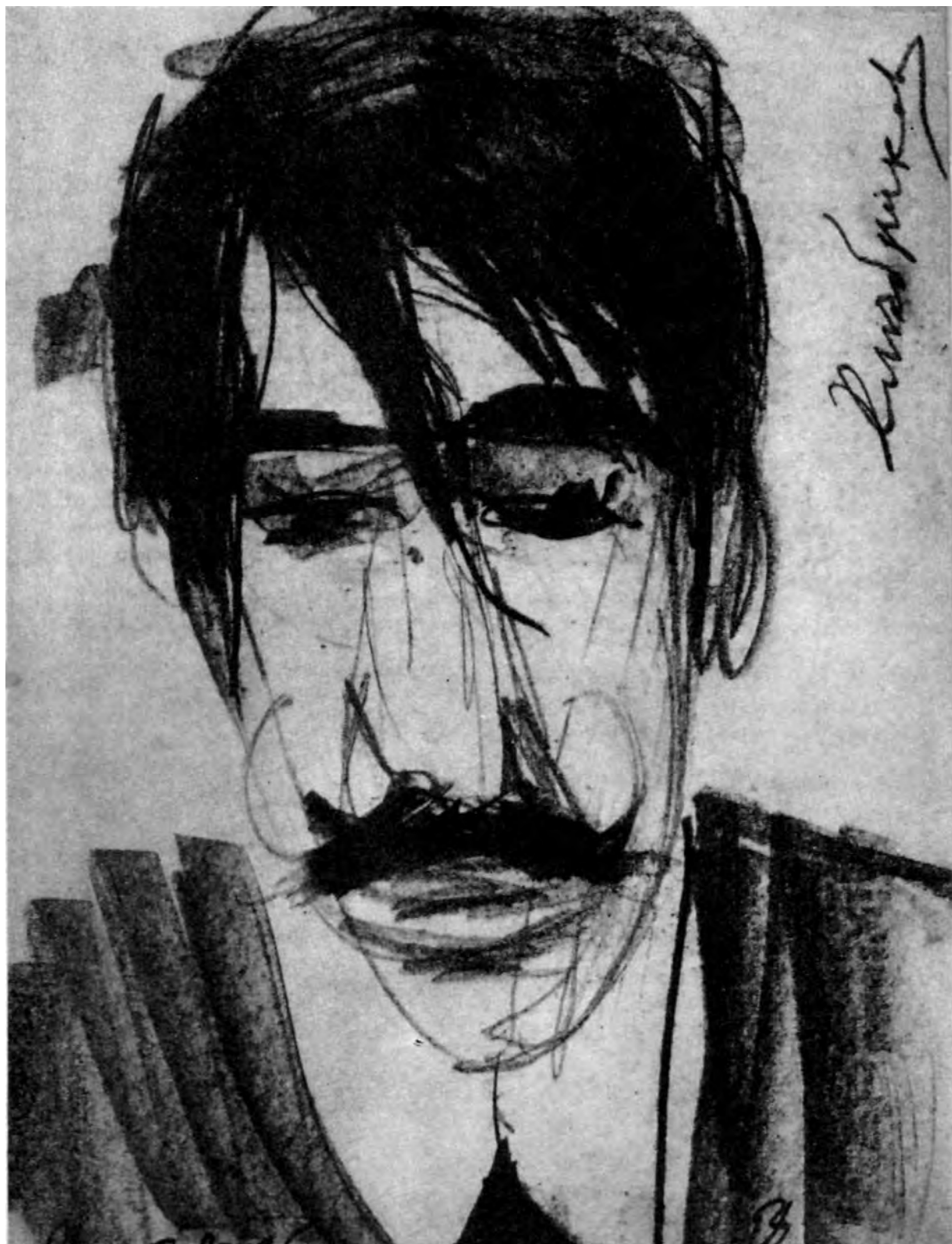
В.Хлебников

Вручив мне этот документ, он снова погрузился в молчание. Чем был вызван его поступок, я до сих пор понять не могу.

В Пенатах у Репина был импровизированный танцевальный вечер, на котором присутствовал молчаливый Хлебников, не принимавший участия в общем веселье. Мне тоже захотелось танцевать, и я попросил Хлебникова поддержать на это время Чукоккалу.

Хлебников возвратил мне альбом с рисунком, воспроизводимым здесь. Подпись на рисунке — Хлебников. В суматохе праздника мне так и не удалось выяснить, принадлежит ли этот рисунок Хлебникову или Борису Григорьеву, тоже присутствовавшему на вечеринке.

И. Бродский нарисовал в Чукоккале Ксению Богуславскую, жену художника Пуни, в которую Хлебников одно время был влюблен (стр. 134).

Художник И. П. Похитонов смолodu поселился в Бельгии и стал там знаменит своими пейзажными миниатюрами. На старости лет он пожелал вновь посетить свою родину и по приезде в Петербург первым делом поехал в Пенаты «поклониться», как он выразился, Илье Ефимовичу.

Его автопортрет, сделанный в Чукоккале, не дает представления о его тонком и поэтическом художественном стиле.

Молодой скульптор Блох приезжал в Пенаты, чтобы вылепить бюст И. Е. Репина. Репин считал Блоха очень талантливым.

Художник Василий Семенович Сварог быстрыми, но точными штрихами нарисовал меня и его. В правом незаконченном наброске угадываются черты И. Е. Репина (стр. 135).

И. П. Похитонов. Автопортрет

Приезжая из Чукоккалы в Петербург, я часто бывал у поэта Федора Сологуба. Незадолго до этого он женился на переводчице Анастасии Николаевне Чеботаревской, и весь уклад его жизни стал другим. Прежде, когда он жил на Васильевском острове, обстановка в его доме была скромная, без всяких претензий. Теперь он переехал на Разъезжую улицу, и жена его устроила литературный салон. В салоне стал бывать юный поэт Игорь Северянин, в судьбе которого Федор Сологуб принимал тогда большое участие.

Здесь, у Сологуба, многие из нас впервые познакомились с Игорем Северяниным и слышали его напевную деклама-

Р. И. Бочаровская
(Тучина)

И. П. Фадеев
1940.

V. Chyorn
1916.

1916.

С. С. С. С.
1916.

H. Brown

Ф. Сологуб.
Рис. Ю. Анненкова. 1921

цию. В стихах Северянина нас поразило сочетание сильной и высокой лиричности с дешевым снобизмом.

Остроумная Надежда Александровна Тэффи, высмеивая его салонно-кокотистый стиль, там же, у Сологуба, написала в Чукоккалу такую пародию на Игоря Северянина:

... И граф сказал кокотессе:
«Мерси вас за чай и за булку».

24 марта 1915 Тэффи

Среди гостей Сологуба был в тот вечер Алексей Николаевич Толстой.

— Нет, — сказал он Тэффи, — вы не знаете высшего света.

И, взяв Чукоккалу, пропародировал Игоря Северянина так:

Графиня, проснувшись поутру, полезла под кровать за известным предметом...

— Графиня, не за то хватаетесь! — загремел под кроватью голос знаменитого сыщика...

А. Толстой

На этом журфиксе была вместе со своим мужем артистка Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина. В тот сезон или несколько раньше она играла главные роли в пьесах Юрия Беляева «Псиша» и «Путаница» и имела огромный успех. В газетах и журналах начиная с декабря 1909 года можно найти немало восторженных отзывов об ее грациозной, игриво-простодушной игре. Ее муж Сергей Судейкин, известный в ту пору художник, написал ее портрет во весь рост в роли Путаницы (так звалась героиня пьесы).

У Ольги Афанасьевны был непогрешимый эстетический вкус. Помню те великолепные куклы, которые она, никогда не учась мастерству, так талантливо лепила из глины и шила из цветных лоскутков. Она была близка к литературным кругам. Я встречал ее у Сологуба, у Вячеслава Иванова — иногда вместе с Блоком, иногда — с Максимилианом Волошиным. Нарядная, обаятельно женственная, всегда окруженная роем поклонников, она была живым воплощением своей отчаянной и эротически-пряной эпохи; ее образ угадывается в поэме Анны Ахматовой:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты — один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О, подруга поэтов...

Посвящается Игорю
Свердлову

... И граф сказал коко-
тесер!

"Мерси ваах за гай и
за бунку."

24 марта 1915.

М. Зерфи

... Графиня, проснувшись по утрам,
полезла над кроватью за извест-
ным предметом....

Графиня, когда то хватается,
запретив над кроватью ~~голос~~
голос знаменитого скрипача....

.. В. Аполлонов

Рисунок С.Ю. Судейкина.

На вечере у Сологуба Судейкин зарисовал ее в Чукоккале, наметив разноцветными карандашами краски ее костюма.

Очень похоже изобразил ее Юрий Анненков в своей книге «Портреты». Воспроизводим этот рисунок, а также портрет ее мужа Сергея Судейкина (стр. 140—141), нарисованный в Чукоккале карикатуристом-сатириконецем Ре-Ми (Ремизовым), который прославился через несколько лет рисунками к моему «Крокодилу».

Что сказать о самом Сологубе? Я знал его столько лет, что мог бы, кажется, написать целую книгу воспоминаний о нем. Постараюсь быть кратким и не вдаваться в подробности. Раньше всего нужно сказать, что это был самый неровный поэт из всех, каких я встречал в своей жизни. Наряду с чудесными стихами, классически прекрасными по форме, он написал целые сотни плохих — то нестерпимо банальных, то манерно-жеманных и вычурных. О его прозе можно сказать то же самое: она была то очень хороша, то безнадежно плоха.

Конечно, у всех писателей бывают падения и взлеты, но я не знаю другого писателя, который, достигнув таких высоких вершин, так часто срывался бы с них и летел вверх тормашками в такие глубокие пропасти безвкусицы, халтуры, вульгарщины.

Иногда казалось, что есть два Сологуба: один — сильный и взыскательный мастер благородного, новаторски-смелого стиля, другой — графоман и ремесленник.

С первым я познакомился очень давно. Еще мальчиком я увидел в журнале «Северный вестник» такие стихи, которые сразу запомнил на всю свою долгую жизнь:

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: Помогите!
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал.
Как помогу?

Меня поразила аскетическая простота этих строк. Ни одного эпитета, ни единой метафоры, никакого щегольства перезвонами, никакого красноречия, никаких патетических жестов, словесных орнаментов, нищенски бедный словарь — но в этом отсутствии всяких эффектов и заключался сильнейший эффект: чем безыскусственнее была форма этих внешне убогих стихов, тем вернее они доходили до сердца. Тем-то и поразили меня эти стихи: я понял, что для такой безыскусственности требуется большое искусство, что в этой предельной простоте — красота:

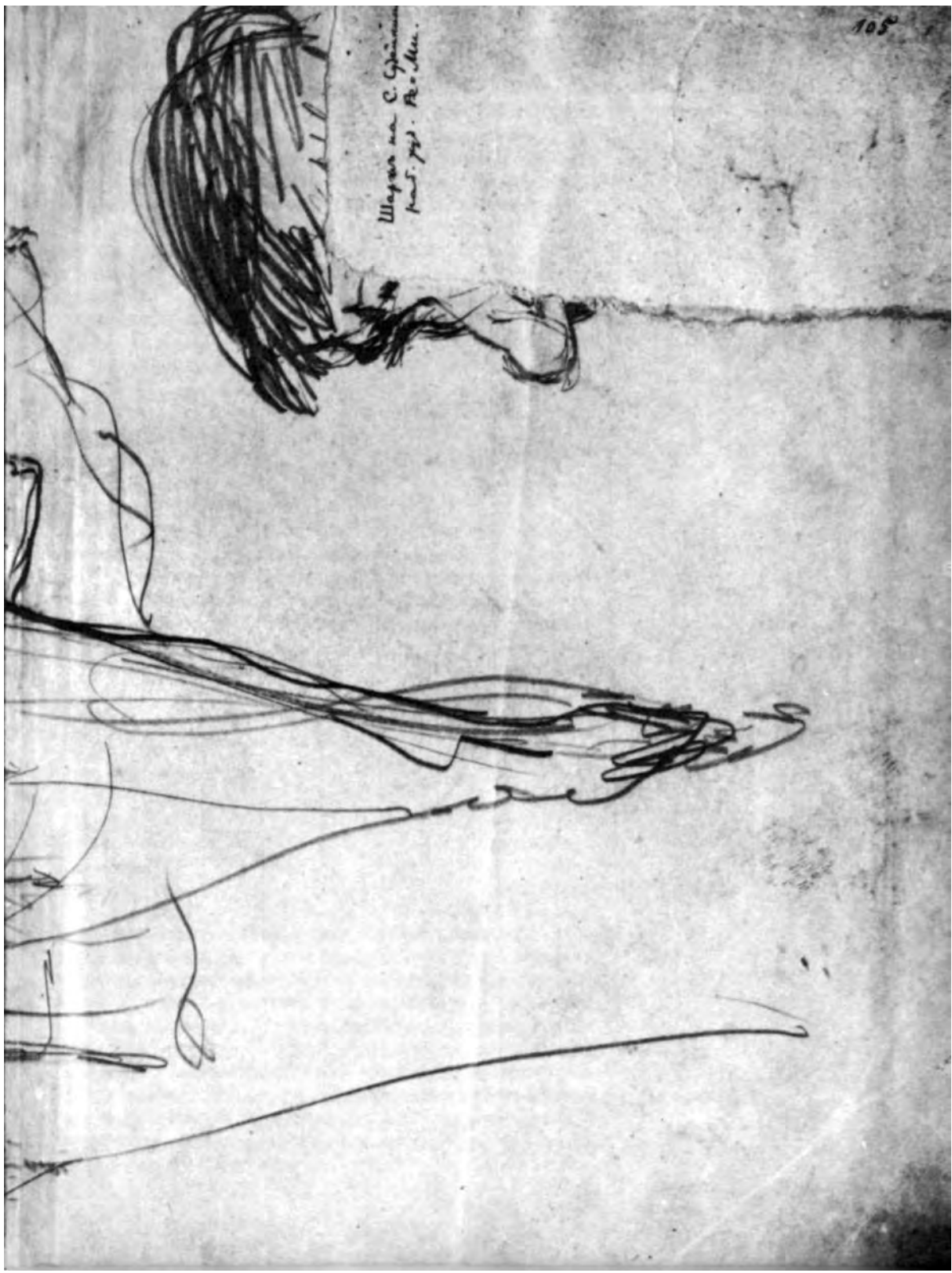
Что я могу?..
Как помогу?

О. А. Глебова-Судейкина.
Рис. Ю. Анненкова

Wagner na C. Göttingen
part. 1911. Re. Mu.

И это в то время, когда чуть не вся молодая поэзия культивировала вычуры, вывихи и выверты речи, когда в литературе уже начинало царить пустозвонное краснобайство бальмонтовщины.

И другие стихи Сологуба, которые мне случалось в то время читать, прельщали меня все той же благородно-классической красотой простоты — красотой, чуждающейся всяких прикрас.

Я затвердил на всю жизнь стихи с таким же безыскусственным зачином и каждый вечер, садясь за работу, повторял как молитву эти слова Сологуба, будто специально написанные для каждого автора, сажающегося за письменный стол:

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,
Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,
Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь
И в совершенном создании одном
Чистым навеки зажечься огнем.

Стихи Сологуба интимные, камерные. В провинции я пробовал было прочитать их с эстрады, но ни одно не имело успеха у слушателей, даже это, где бесприютность, сиротство, неприкаянность — излюбленные темы Сологуба — воплощены в таких мучительно монотонных стихах, вполне соответствующих горестной теме:

В село из леса она пришла,
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она.
И темной ночью была одна.
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала — и умерла.

Я, провинциальный подросток, любил эти стихи, переписывал их в тетрадку, заучивал наизусть. И, конечно, в 1905 году, едва я приехал в Питер и стал редактором журнала «Сигнал», я первым долгом поспешил на Васильевский остров и робко дернул за ручку звонка возле двери, к которой была прибита дощечка: Федор Кузьмич Тетерников (подлинное имя Сологуба). Мне открыл он сам, Федор Кузьмич. Лысый, седой и сердитый, с маленькой острой бородкой. Я хотел было выразить ему свою радость, что вижу его, но взглянул на него и осекся: его ледяные глаза показались мне еще ледянее.

— Чем могу служить?— спросил он с обидной учтивостью.

Я стал сбивчиво рассказывать ему, что затеял новый журнал, и хотел было распространиться о том, какая у этого журнала программа, но он, не дослушав, ушел и через десять секунд вынес мне листок папиросной бумаги с написанными на машинке стихами и, по-прежнему не вымолвив ни слова, равнодушно вручил его мне. Все его обличье не вызывало сомнения, что мне следует возможно скорее уйти.

С той поры я, конечно, решил никогда не входить в его дверь. Но дело повернулось иначе. Случилась беда с его рукописью: я дал ее одному молодому художнику, чтобы тот сделал иллюстрации к ней, а он запил и потерял ее в каком-то трактире, о чем и сообщил мне со слезами раскаяния. Нечего было делать, нужно было снова идти к Сологубу, принести ему свои извинения и принять на себя его праведный гнев. Он встретил меня с той же холодностью. Едва я открыл рот, чтобы сообщить ему о катастрофе, которая произошла с его стихами, он, не дослушав, вынес мне новый листок с копией тех же стихов.

И чувствовалось, что, если бы я сорок раз терял его рукопись, он сорок раз так же равнодушно, безмолвно, не выражая ни обиды, ни гнева, вручал бы мне новые и новые копии утерянного мной стихотворения.

В стихотворении запомнились мне такие строки:

...Рядом с ловкой забастовкой очень весело идет
Хоть и маленький, но тоже удалой и злой бойкот.

(«Сигнал», 1905, № 3)

Прошло года два, я не думал, что когда-нибудь мне придется вновь посетить Сологуба. Но в 1907 году пришел ко мне поэт Петр Потемкин и принес краткую записку, в которой «Федор Кузьмич Тетерников» приглашал меня посетить его в ближайшее воскресенье в 8 часов вечера. Приглашение было суховатое, и я решил было не откликаться на него, но наступило воскресенье, за мной зашел Сергей Николаевич Ценский, человек с огненным взглядом и черной, невероятно густой шевелюрой, постоянный посетитель вечеров Сологуба, и мы вдвоем зашагали на Васильевский остров (мы ходили тогда пешком, не признавая ни извозчиков, ни конок). По дороге Ценский рассказал мне, что Федор Кузьмич — педагог, инспектор городского училища, что он не женат, что вместе с ним живет его сестра — не то Марья, не то Анна Кузьминична, феноменально молчаливая женщина — и что в последнее время Сологуб написал очень много чудесных стихов...

Когда мы поднялись к Сологубу, мы увидели, что он стоит, не улыбаясь, у входа.

— Здравствуйте... Милости просим! — сказал он механическим голосом.

И тем же голосом Сергееву-Ценскому:

— Здравствуйте... Милости просим!

И кто бы ни поднимался по лестнице, с какими бы эмоциональными словами и жестами ни приветствовал он Сологуба, Сологуб каждому протягивал вялую руку и говорил машинально:

— Здравствуйте... Милости просим!

Я вошел в залу (очевидно, это была зала училища) и удивился ее многолюдству. Кузмин, в поддевке, со смуглым лицом, похожий на цыгана-лошадника, Зинаида Венгерова, Георгий Чулков, Петр Потемкин, Вячеслав Иванов, в ореоле золотистых волос Максимилиан Волошин, подслеповатый Александр Кондратьев (автор книги о поэте Алексее Толстом), Александр Блок, Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, несколько безымянных мужчин и отцветающих женщин стояли у стен, как в церкви, и разговаривали шепотом, словно боясь, что стоящий у входа хозяин кинет на них укоризненный взгляд¹. Когда в зале набралось человек тридцать, Федор Кузьмич покинул свой пост:

— Пожалуйте к столу.

На столе никаких разносолов: хлеб, колбаса, самовар. У самовара сестра Федора Кузьмича, тощая дама без возраста, с невыразительным лицом, с одним и тем же вопросом на тонких и бледных устах:

— Вам крепкий или жидкий?

Спрашиваемый отвечал полушепотом, брал стакан, бутерброд с колбасой и на цыпочках уходил в дальний угол. В этой зале стирались все индивидуальности, и самые яркие люди как бы потухали в толпе.

В одно из ближайших воскресений я видел среди сологубовских гостей Станиславского, Мейерхольда, Качалова, даже они утрачивали здесь какую-то долю своей исключительности.

Никто никогда не видал, чтобы Федор Кузьмич сказал хоть словечко своей молчаливой сестре, которая, простояв у самовара свою вахту, немедленно удалялась к себе.

Стульев не хватало. Усаживались только дамы и старцы, а мы, молодые, робко лепились у стен. И начиналась литературная часть. Сологуб заранее устанавливал программу каждого своего воскресенья и, усевшись впереди, голосом учителя выкликал участвующих одного за другим. И читал ли свои кривоногие вирши какой-нибудь бездарный писака, или декламировал свои стихи Андрей Белый, Со-

¹ Не ручаюсь, что всех этих людей я увидел у Сологуба в тот день. Возможно, что впечатления нескольких позднейших воскресений слились у меня в одно. Частым гостем Сологуба в то время был А. С. Серафимович.

ВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ 4 ФЕВРАЛЯ 1907 ГОДА
УТЯ:
К. И. Чуковский - свои переводы изъ
Уиндана,
С. Н. Сергѣевъ-Ценскій - свой раз-
сказъ "Мертвецкая".
Начало чтенія въ 9 час. 30 мин.

В конце каждого вечера Сологуб доставал из бокового кармана тонкие листки папиросной бумаги и ровным голосом, бесстрастно отчеканивая каждое слово, как будто диктуя диктанта, читал свои новые стихотворения — одно за другим, и мы слушали его очарованные. В тот первый вечер он прочитал «Чертовы качели», «Лунную колыбельную» и прелестную по свежести красок, по причудливости дерзкого рисунка и по своеобразию стиля зарисовку какого-то крымского пляжа:

145

Трава шептала сонно зеленые слова,
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть ку-ку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей,
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я — большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.

Самобытная красота этих стихов разрушила наконец общую скованность, и все бурно попросили поэта прочитать то же стихотворение вновь. Глаза у Сологуба на миг потеплели. Он снова достал из кармана листок и прочитал те же строки, все так же сурово чеканя слова.

И тут я впервые подумал, что, в сущности, он еще молодой человек, что его седина преждевременна, что ему нет и пятидесяти, что его старость — это только личина, которую он может сбросить в любую минуту. И в самом деле: ему было тогда сорок четыре года — возраст, который могли счесть стариковским лишь такие юнцы, как я.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что именно 1907 год был поворотным в судьбе Сологуба. Вышел его роман «Мелкий бес», принесший ему славу и деньги. Наконец-то у Сологуба появилась возможность отказаться от инспекторской должности и бросить постылое городское училище. Его фамилия замелькала в десятках журналов, газет, альманахов и сборников. Он вдруг почувствовал себя модным писателем, любимцем читающей публики и стал необычайно плодовит. Встретив его в театре, я не узнал его: он сбрил усы и бороду, помолодел, приосанился, и на груди у него засверкал пестрый галстук. Поэт-отшельник, каким я знал его на Васильевском острове, стал одной из самых заметных литературных фигур. Его одиночество кончилось: теперь всюду его сопровождала черноволосая, издерганная, нервная женщина — Анастасия Николаевна Чеботаревская, на которой он вскоре женился. Она, как уже сказано выше, властно изменила весь стиль его жизни. Устроила литературный салон, убранный гобеленами, коврами, картинами, и, сжигаемая пылким честолюбием, стала восхвалять Сологуба как гения. Даже завела специальный журнальчик для прославления своего гениального мужа. В ту реакционную эпоху Сологуб действительно стал «властителем дум» определенной части тогдашней читательской массы. Он создал нечто вроде философской системы. В обширных циклах стихов и рассказов стал воспевать мечту, уводящую от грубой действительности, возвеличивал смерть как единственное спасение от жестокой и мерзостной жизни, за что и получил от Горького наименование: Смертяшкин. Своей

излюбленной теме он посвятил роман «Навьи (то есть могильные) чары». Я тогда же (или несколько позже) написал статью «Навьи чары мелкого беса», где исследовал его философию в мельчайших деталях. (К этой статье я и отсылаю читателей¹). Здесь же тороплюсь указать, что Сологуб то и дело восставал против своей философии и как бы тайком от нее вместо дифирамбов спасительной смерти восхвалял очарования жизни. Обращаясь, например, к любимой женщине, он писал о преодолении «смертяшкинства»:

Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все цветущее хвалю.

Устал, устал я жить в затворе,
То ненавижда, то скорбя.
Хочу забыть про зло и горе,
И повторять: — Люблю тебя!

Пойми, пойми, — пока мы живы,
Пока не оскудела кровь,
Все обещания не лживы,
И не обманет нас любовь.

Но, очевидно, любовь обманула. В газете «Петроградская правда» в 1922 году появилось такое объявление, тогда же вклеенное мною в Чукоккалу:

Лиц, бывших свидетелями несчастного случая на Тучковом мосту вечером 23 сентября, когда женщина была вынута из воды и отвезена к Большому проспекту, просят сообщить все, что им известно об этом случае, по адресу: Петр. ст., Ждановская набережная, дом 3, кв. 26, Федору Сологубу. Та же просьба ко всем лицам, которым известна дальнейшая судьба этой больной женщины, ушедшей из дому в сером пальто, красном с черною обшивкою костюме и серых валенках; приметы: лет 40, худенькая блонетка, черные волосы, большие глаза, на руке обручальное кольцо.

¹ См.: Корней Чуковский, Книга о современных писателях, Спб., 1914.

Р[азрешено] В[оенной] Ц[ензу-
рой]

Сологуб почтил ее память стихами, где назвал ее так: «Мой верный вождь, мой друг и госпожа», и на время отошел от литературы.

В Чукоккале мало сологубовских записей. Одна, относящаяся к 1914 году, вызвана нашим разговором о рифмах. Я как-то сказал ему, что в большинстве его стихотворений старинные, традиционные рифмы, доставшиеся ему от классиков XIX века: очи — ночи, любовь — кровь, напевы — девы и т.д.

Сологуб сказал, что нет такого слова, к которому он не мог бы найти созвучия, но экзотикой виртуозных созвучий он не хочет отвлекать читателя от темы.

— Неужели вы можете найти созвучие даже к слову Африка? — сказал я.

— Еще бы! — ответил он и написал в Чукоккале такие стихи:

1 сент. 1914

Солнце жаркое палит
Кафра, кафриху и кафрика.
Бур за камешком лежит.
Это — Африка.

Федор Сологуб

1 сент. 1914.

Солнце жаркое палит
Кафра, кафриху и кафрика.
Бур за камешком лежит.
Это — Африка.

Федор Сологуб

Во второй его записи упоминается крупная пуговица, на которую застегивалась моя широкая блуза. Почему-то эта пуговица поразила воображение Сологуба, и, увидев ее на одном из заседаний «Всемирной», он прислал мне по почте стихи, сопровождаемые такой припиской:

Сочинено во вторник по дороге на заседание, которого не было, и протокола не было, а это вместо.

Письмо анонимное писал

Доброжелатель.

Сочинено во вторник по дороге на заседание, которого не было, и протокола не было, а это вместо.

Письмо анонимное писал
Доброжелатель.

3.
Увещание
нам и дикарям (рю)
не обижать Чуковского.

I. Нам.

Ведь это, право же, безбожно —
Шутить и всё шутить весь век.
Нам надобно сказать не ложно:
Чуковский — милый человек.

Зачем в него мы камень бросим?
Он не наездник, не абрек,
А пуговицы все мы носим.
Чуковский — славный человек.

Хоть он и взлез на слона,
Но не заках там без корней.
Ценитель всякого таланта,
Не дьявол и не бес Корней.

Увещание
нам и дикарям (рю)
не обижать Чуковского

1. Нам.

Ведь это, право же, безбожно —
Шутить и все шутить весь век.
Нам надобно сказать не ложно:
Чуковский — милый человек.

Зачем в него мы камень бросим?
Он не наездник, не абрек,
А пуговицы все мы носим.
Чуковский — славный человек.

Хоть он и взлез на слона,
Но не заках там без корней.
Ценитель всякого таланта,
Не дьявол и не бес Корней.

Никак не могу вспомнить, почему упоминается здесь
«элефант».

В дальнейшем у нас установились отношения добрые.
Привожу ответы Сологуба на мою анкету о Некрасове:

1. Любите ли Вы стихотворения Некрасова? — Да.
2. Если да, то какие? — Все.
3. Не оказала ли его поэзия влияния на Ваше творчество? — Оказала, но косвенное.

4. Любили ли Вы Некрасова в детстве?— *Всегда, с очень рана.*
5. Любили ли Вы Некрасова в юности?— *Еще бы!*
6. Как Вы относитесь к утверждению Тургенева, что поэзия «в стихах Некрасова и не ночевала»?— *Хладнокровно.*
7. Не наблюдаете ли Вы разлада между личностью и творчеством Некрасова?— *Был бы рад, если б был разлад, а если нет разлада, так мне его не надо— ворчать не стану, а помнить и любить не перестану.*

Федор Сологуб

3 сентября 1925 года, а по некрасовскому времечислению
29 августа того же года.

Теперь, когда Сологуб стал забытым писателем, я на старости лет все чаще повторяю некоторые его строки, например вот эти:

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
— Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Художник Ре-Ми (Ремизов), ожидая призыва в армию, попытался вообразить, каким он будет в солдатской форме. Получилось нелепое чучело, которое и нарисовал он в Чукоккале (стр. 152).

На самом деле в солдатской форме он оказался еще непригляднее: ему сбрили его пышные кудри, которые красуются на воображаемом портрете.

Однажды Ре-Ми заночевал у меня в одной комнате с Маяковским и поутру автоматически, почти не замечая, что делает, нарисовал карандашом очень похоже профиль поэта на обрывке газеты «Таймс», валявшейся у меня на столе (стр. 153).

В Чукоккале сохранился портрет жены Ремизова— Софьи Наумовны Ремизовой, нарисованный И. Е. Репиным (стр. 154).

Ка Не наблюдаете ли вы разлад
межд, личным и творческим
Некрасова? Был бы рад, если
был разлад, а сам почти равно
да, так мне ^{не} его надо, — бор-
отать не стану, а поминать
и любить не перестану.

Александр Солженицын

3 сентября 1925 года, а
то Некрасовскому Времене
мнению 29 августа того же года.

Кавказ. Гора. 1920.
Н. П. Ренко на
белом фоне.
А. С. — автор.

Н. Ренко

15

28.11.20

ЛЕНА д/дотрихана Рен - Мил - (сестра Милослава Ренко).

1915. 29. Милослав

Мой старинный друг Илья Самойлович Зильберштейн, основатель и редактор «Литературного наследства», автор ценных книг о Репине, декабристе Николае Бестужеве, Тургеневе, Валентине Серове, подарил мне для Чукоккалы старую карикатуру художника П. Троянского. Так как она имеет большой литературный интерес, постараюсь подробнее прокомментировать ее содержание. Начну с того, что в 1907 году Всеволод Эмильевич Мейерхольд поставил в Театре Комиссаржевской «Жизнь Человека» Леонида Андреева. Пьеса в его постановке имела огромный успех. По этому случаю в редакции издательства «Шиповник», где печатались произведения Леонида Андреева, состоялся банкет, на котором присутствовало около ста человек.

Петр Троянский изобразил начальную стадию этого пиришества — тот торжественный миг, когда в комнате наконец появился долгожданный Леонид Андреев.

Некоторые фигуры здесь изображены артистически — например, сидящий за столом в самом центре поэт Михаил Алексеевич Кузмин, жеманно угощающий яблочком своего очередного любимца, фамилию которого я сейчас позабыл.

За ними на заднем плане увядающая, но все еще пышная красавица Надежда Александровна Тэффи беседует с Максимилианом Волошиным. Волошин нарисован чудесно: шевелюра Юпитера, могучие плечи — и манера вытягивать шею во время изысканно-любезной беседы.

За спиной у Волошина сиротливо стоит одинокий, неприкаянный Алексей Михайлович Ремизов с застывшим выражением ужаса, словно он увидел привидение. Таким он запомнился мне на всех тогдашних писательских сборищах: всем чужой, оцепенело испуганный.

Пожалуй, наиболее выразительна фигура художника Зиновия Гржебина, стоящего на первом плане у вазы с шиповником. Он главный заправила издательства, у него вид счастливого собственника. Он как издатель сделал ставку на Леонида Андреева и теперь чувствует себя триумфатором.

Рядом с Гржебиным владетель «Шиповника» Соломон Юльевич Коппельман (отец советского писателя Юрия Крымова, который в ту пору еще не родился), человек мечтательный, деликатный и несколько вялый, совершенно лишенный издательской хватки, встречает почетных гостей — Леонида Андреева и жену его Анну Ильиничну. Хотя Леонид Андреев в ту пору был на вершине своей славы, хотя он во всей этой группе самая импозантная фигура, но и в его походке и в выражении лица есть что-то неуверенное, даже беспомощное, какая-то затаенная грусть, словно он предвидит неизбежный конец своей победительной славы, так трагически изображенный им самим в той самой «Жизни Человека», за которую его сейчас собираются чествовать.

Навстречу ему бросается с выражением нежнейшей любви профессор-фольклорист Евгений Васильевич Аничков, усердный посетитель всех литературных диспутов, лекций, похорон, юбилеев, красноречивый оратор. За ним — Александр Блок, за Блоком — я (в очень обтерхан-

ной бедной одежде), а за мной — журналист Илья Василевский (Не-Буква).

Как известно, в «Жизни Человека» большую роль играет Некто в сером, выходящий на сцену со свечой в руке. Здесь, в «Шиповнике», тоже есть Некто в сером, но вместо свечи у

него жандармская шапка с высоким султаном — недаром многие революционные издания «Шиповника» были незадолго до того конфискованы. Позади, за спиной Леонида Андреева, как бы догоняя его, шагают два карикатуриста — Щербов в широких штанах и автор этой панорамы Троянский.

Из всех этих людей остался в живых только я.

Во время войны в некоторых слоях московского общества стало намечаться такое же неприязненное отношение к Петрограду, что и в эпоху «Москвитянина», славянофилов, Шевырева, Погодина.

Ярым славянофилом стал на короткое время впечатлительный Алексей Толстой, укоряющий в этом стихотворении петроградцев за недостаток ура-патриотических чувств:

Петроградцы, где же Русь"
Скучно Вам? Иль, я боюсь,
Что с приставкой «се» Вам надо
Отпуск взять из Петрограда,
Чтобы воздухом Москвы
Слабость укрепить Невы.

Гр. Алексей Н. Толстой

Петроградцы, где же Русь?!
Скучно Вам? Иль, я боюсь,
Что с приставкой «се» Вам надо
Отпуск взять из Петрограда,
Чтобы воздухом Москвы
Слабость укрепить Невы.

Алексей Н. Толстой

Нужно ли говорить, что очень скоро этот московский воинственный пыл покинул Алексея Толстого.

Леонид Андреев близко принимал к сердцу тогдашние военные события, рвался на фронт и очень жалел, что тяжелая болезнь сердца мешает ему исполнить это желание.

Все происходящее он мерил войной, как это видно из записи в Чукоккале, которую он сделал, когда я приехал к нему в августе 1915 года:

«Приземиться! Приземиться! — вот лозунг наших дней в России, да и во всем буржуазном мире; и ему следуют почти все.

Сейчас только на одном великом театре идет великая трагедия — это война; но посмотрите, с какой тоской и

Керемет Чемпионна

P. G. G. G.

отвращением принимаются ее страшные трагические формы и суть, с какой поспешностью тысячи маленьких театриков стараются заглушить ее синайский голос писком Петрушки, с какой яростью растревоженных кур ее дикой мощи и грозным призывом противопоставляют свои драмы и комедийки.

Ибо что это значит: услышать голос войны? Это пойти на исповедь и покаяние, переоценить себя, жену, детей и дом, перестроить жизнь, поднять душу и напоить ее крестными страданиями уста, ожечь желчью.

Услышать войну — это услышать самого разгневанного бога — нет, пусть лучше кричит Петрушка-Балиев¹ и тихий, как туфля, Тургенев² рассказывает про подобие драмы и подобие любви у индеек!»

Леонид Андреев

Из письма о театре.

8 августа 1915 г.

Прочитав в Чукоккале патристические строки Леонида Андреева и А. Н. Толстого, художник И. Бродский, как бы полемизируя с ними, нарисовал на странице моего альманаха обобщенный портрет беженки, назвав его «Жертва патриотизма».

Во время первой мировой войны Англия была нашей союзницей. В 1916 году группа русских литераторов по приглашению английского правительства поехала в Лондон.

Кроме меня в эту группу входили: А. А. Башмаков, Е. А. Егоров, В. Д. Набоков, Вас. Немирович-Данченко, А. Н. Толстой. Ехать нам пришлось кружным путем через Финляндию, Швецию и Норвегию.

¹ Н. Балиев — конферансье и руководитель театра «Летучая мышь». «Его неистощимое веселье, — писал о нем Станиславский, — находчивость, остроумие — и в самой сути, и в форме сценической подачи своих шуток, смелость, часто доходившая до дерзости, умение держать аудиторию в своих руках, чувство меры, умение балансировать на границе дерзкого и веселого, оскорбительного и шутивого, умение во-время остановиться и дать шутке совсем иное, добродушное направление, — все это делало из него интересную артистическую фигуру нового у нас жанра» (К. С. Станиславский, Собр. соч. М., 1954, т. I, стр. 364). Леонид Андреев, вначале любивший этот театр, в данном случае высказался о нем так резко в связи с теми высокими требованиями, которые он стал предъявлять к искусству во время войны. «Отсутствие ярко выраженного стремления к высокому трагедийному искусству было для Л. Андреева свидетельством омещанивания литературы, признаком мертвенной реакции, разложения всего общественного строя» (И. И. Беззубов, Блок и Андреев. — «Блоковский сборник», Тарту, 1964, стр. 265).

² В то время на сценах многих театров шли пьесы И. С. Тургенева.

Фотографии русских литераторов,
направляющихся в Англию. 1916

По пути случился один небольшой эпизод, нашедший свое отражение в Чукоккале.

Кто-то из нас в шутку рассказал Алексею Толстому, будто капитан парохода сообщил под великим секретом, что мы вступили в опасную зону, кишашую германскими минами, и что за нами охотится германская подводная лодка.

Алексей Толстой поверил этому вздору и тотчас же, уйдя к себе в каюту, стал писать очередную корреспонденцию о германских минах в Северном море.

Писал он не меньше часа. А когда кончил, мы сообщили ему, что он стал жертвой своего легковерия. Это так разгневало его, что он бросился в каюту Василия Ивановича Немировича-Данченко, который не принимал никакого участия в нашей коварной шутке.

Старый, семидесятипятилетний писатель мирно почивал в комфортабельной каюте, положив на ближайшую тумбочку свои белоснежные зубы. В ослеплении гнева Толстой схватил эти ни в чем не повинные зубы и хотел бросить их в море. Мы с трудом удержали его. А незлобивый Василий Иванович, чуть получил свою челюсть обратно, мгновенно успокоился и, взяв у меня Чукоккалу, написал в ней стихотворный экспромт — о том, что случилось бы с каждым из нас, если бы и в самом деле мы натолкнулись на немецкую мину.

*В Северном море между
Христианией и Нью-Кестлем ¹*

*На успокоенные воды,
Порой всплывая там и тут,
Следы недавней непогоды —
Обломки жалкие плывут.*

*Мелькают стаи чаек мимо,
Какой-то шум, и плеск, и гул:
Останки бедного Ефима ²
В зубах прожорливых акул.*

*И — море жертв уже не просит!
Но сколь ужасен этот вид:
Оно — Чуковского уносит
К забавам страстных нереид...*

*Кого щадили Лодзь и Лович,
Избегнув вражьих батарей,*

¹ Христианией тогда назывался город Осло, а Нью-Кестлем — Нью-Касл.

² Ефим — корреспондент «Нового времени» Ефим Александрович Егоров, угрюмый, молчаливый человек, тайный демократ, глубоко ненавидевший «Новое время».

*Семипудовый Немирович ¹
Лежит на дне чужих морей.*

*Но кем оседланы тритоны?
Назло и бурям и ветрам,
Неутомимые Вильтоны ²
Плывут к родимым берегам.*

*Где ты, без страха и упрека
Носивший свой журнальный меч,
Финляндский прапорщик Набоков,
Кем славны Выборг, «Право», «Речь» ³.*

*Почтит героя рамкой черной
И типографскою слезой
П. Милуков огнеупорный,
И станет Гессен сиротой!*

*Игрушка счастья земного
Трудолюбивый Башмаков ⁴!
Мелькает тело Башмакова,
Увы, без звезд и башмаков!*

*Восплачь, Москва, Батум, Верея!
Века несчетные пройдут,
Но даже трубки Алексея
Здесь водолазы не найдут.*

*И только там, где пал, о боги,
Сей лежковерный Алексей,
Одни норвежские миноги
Жирнее станут и вкусней.*

Вас. Немирович-Данченко

Когда мы приехали в Лондон, нас встретили радушно и шумно и поместили в великолепном отеле «Савой». Так как меня тянуло главным образом к людям искусства, я, чтобы не тратить времени на встречи с официальными лицами,

¹ Вас. И. Немирович-Данченко в качестве военного корреспондента посетил польские города Лодзь и Лович и там был свидетелем кровопролитных боев.

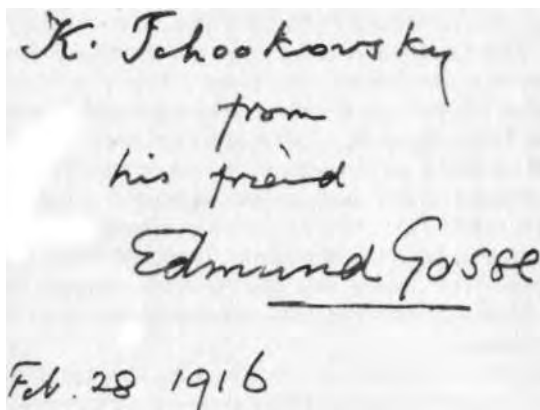
² Вильтоны — корреспондент «Таймса» Роберт Уилтон, сопровождавший нашу делегацию, и его брат, коммерсант.

³ В. Д. Набоков — редактор журнала «Право», один из руководителей кадетской партии, подписавший так называемое «Выборгское воззвание». Вместе с П. Милуковым и Гессеном возглавлял редакцию газеты «Речь».

⁴ А. А. Башмаков — редактор «Правительственного вестника». Держался от нас в стороне. Готовясь к встрече с англичанами, всю дорогу штудировал многотомную «Историю Англии» Маколея, с которой не успел познакомиться раньше. Отсюда и эпитет «трудолюбивый». Вез с собой ордена и медали, которыми украсил свою тощую грудь, едва только мы причалили к берегу Англии. Отсюда — «звезды».

старался при всякой возможности оторваться от других делегатов, дабы познакомиться с теми английскими авторами, книги которых я полюбил еще в России.

И раньше всего с Эдмундом Госсом, неутомимым историком английской литературы, из книг которого я так много узнал о Мильтоне, о Шекспире, о Джоне Донне, о Филдинге, о докторе Джонсоне. У меня и до сих пор сохраняется с давнего времени его четырехтомная, роскошно иллюстрированная «История английской литературы». Импонировало мне также и то, что он был другом Суинберна, Роберта Браунинга, Данте Габриэля Росетти и других чтимых мною (в то время) поэтов. Он принял меня в огромном своем кабинете и, не присев ни на минуту, стал суетливо показывать портреты и автографы своих знаменитых друзей, показал карикатуры Макса Бирбома (тогда я впервые услышал это имя) и подарил мне свою знаменитую книгу «Отец и сын» с самой приветливой надписью:

K. Tchoukovsky
from
his friend
Edmund Gosse
Feb. 28 1916

K. Tchoukovsky from his friend

Feb. 28 1916

Edmund Gosse

В книге этой он изобразил своего отца узколобым ханжой и педантом, неудачно пытавшимся примирить дарвинизм с религией.

Я перечитал недавно эту книгу и увидел, что она вся устарела: покрылась архивной пылью и ее тема — борьба с пуританством, и ее стиль, слишком нарядный, громоздкий, напыщенный. А всего лишь пятьдесят лет назад эта книга по-настоящему взволновала меня.

Познакомился я также с Робертом Россом, самоотверженным другом Оскара Уайльда. После смерти Уайльда он с таким вниманием следил за всем, что относилось к памяти его покойного друга, что заметил даже мою статью об Уайльде, написанную на непонятном ему языке. И вот — приехал повидать меня в «Савой».

Когда он назвал свое имя, я с великим уважением пожал его руку. Имя Роберта Росса с детства было обаятельно для меня. Роберт Росс — единственный из тысячи друзей Оскара

Уайльда — не покинул его в несчастьи. Он посещал опозоренного поэта в тюрьме, он уплатил все его долги из своего скудного заработка, он взял на себя воспитание его сыновей, он многократно защищал его доброе имя, он спасал рукописи Уайльда от осатанелой толпы, ворвавшейся в его кабинет, он издавал его книги, он ухаживал за ним во время его предсмертной болезни, он — едва ли не единственный — провожал его гроб до могилы, он поставил на его могиле большой монумент. Порою казалось, что все светлое в жизни Оскара Уайльда шло от этого одного человека. Он был воплощением героической дружбы. Уайльд называл его святым.

Наружность его удивила меня: лысоватый пожилой человек со здоровым загаром и веселыми молодыми глазами.

На следующий день я посетил Роберта Росса в его небогатой квартире на улице Полумесяца (Half-moon street, 40). Росс рассказывал о процессе Уайльда, о лорде Дугласе, о жене Уайльда и о двух его сыновьях, которые были тогда офицерами и находились на фронте. Вместе с Россом мы осмотрели устроенную в том же доме выставку знаменитого графика Обри Бердсли, с которым Росс был тоже связан крепкой дружбой, хотя и знал о его неприязни к Уайльду. Он даже сочинил книгу о Бердсли, изданную в Лондоне, — кажется, в 1909 году. Меня восхитили гротескность, музыкальность и пряность графических фантазий Обри Бердсли. Прощаясь, Росс сделал мне драгоценный подарок: подлинную рукопись Оскара Уайльда — страницу «Баллады Редингской тюрьмы».

— Я хочу, — сказал он, — чтобы в России, где так любят Уайльда, сохранилась памятка о нем — эта рукопись. Больше у меня ничего не осталось из его вещей и писаний. Только одна страничка, и я с радостью дарю ее русскому.

Я от души поблагодарил щедрого гостя и приобщиł подаренный автограф к Чукоккале.

*Yet, all is well. He has but passed
To man's appointed bourne.
And alien tears will fill for him
Pity's long-broken urn,
For his mourners will be outcast men,
And outcasts always mourn.*

*I know not whether laws be right.
Or whether laws be wrong;
All that we know who lie in gaol
Is that the wall is strong,
And that each day is like a year,
A year whose days are long.*

Yet, all is well. He has set, passed
To man's appointed course,
And alien tears will fall for him
O'er long-woken urn,
In his manner, will be outcast men,
And outcasts always mean.

I know not whether laws be right,
Or whether laws be wrong;
All that we know who be in goal
Is that the wall is strong.
For each day is like a sea,
A sea whose days are long.

But this I know, that every law
That men have made for men,
Since first man took his brother's life,
And the sad ones began,
But staves the chest and ^{sawd}boards the chests
With a most cruel gain.

With front of brass and feet of lead
We trap the prison guard,
We trap the slippery asphalt king
With soul and body mired,
And each man's skin grows sick with hate,
And each man's heart grows ~~harder~~ hard.

*But this I know, that every law
That men have made for man,
Since first man took his brother's life,
And the sad world began,
But straws the wheat and saves the chaff
With a most evil fan.*

*With front of brass and feet of lead
We tramp the prison yard.
We tramp the slippery asphalte ring
With soul and body marred,
And each man's brain grows sick with hate,
And each man's heart grows hard.*

Стихи, написанные на этой страничке, в русском переводе звучат так:

Ну что ж. Он перешел предел,
Назначенный для всех,
И чаша скорби и тоски
Полна слезами тех,
Кто изгнан обществом людей,
Кто знал позор и грех.

Кто знает, прав или не прав
Земных Законов Свод,
Мы знали только, что в тюрьме
Кирпичный свод гнетет
И каждый день ползет, как год,
Как бесконечный год.

Мы знали только, что закон,
Написанный для всех,
Хранит мякину, а зерно
Роняет из прорех,
С тех пор как брата брат убил
И миром правит грех¹.

Стихами переведены только три из четырех строф автографа Уайльда. Последняя строфа не вошла в окончательный текст «Баллады» и поэтому отсутствует как в ее английских изданиях, так и в русских переводах. Ее подстрочный перевод: «С лицами из меди и ногами из свинца / Мы бредем по тюремному двору. / Мы бредем по скользкому асфальтовому кругу / С запятнанной душой и телом. / И мысли каждого отравлены ненавистью. / И сердце каждого ожесточается».

¹ Оскар Уайльд. Избранные произведения в 2-х томах, т. I, Гослитиздат, 1960, стр. 394—395.

В Чукоккалу Роберт Росс написал такой афоризм:

The occupation for the 20th century in England, will be getting rid of nineteenth century ideals. When we have succeeded perhaps we shall be happy.

Robert Ross

Перевод этих строк: «Задача, стоящая перед англичанами двадцатого века: освободиться от идеалов девятнадцатого века. Когда это удастся, может быть, люди будут счастливей».

Роберт Росс, как Оскар Уайльд, как Обри Бердсли, как Бернард Шоу и другие, принадлежал к когорте борцов с лицемерием викторианской эпохи. Борцы эти, каждый по-своему, разрушали ее предрассудки и догматы. Теперь, в середине двадцатого века, от тех предрассудков и догматов уже не осталось следа, но стали ли англичане от этого более счастливы?

Вторая запись Роберта Росса в Чукоккале тоже посвящена его соотечественникам:

The English dislike using whips to their horses because they are afraid of hurting the flies.

31/3/16

Robert Ross

«Англичанин не любит хлестать свою лошадь кнутом, так как он боится убить мух».

Познакомился я также с Джоном Бьюкеном (Buchan), ярким шотландцем, автором исторических романов в манере Вальтера Скотта и Стивенсона. Впрочем, я не могу судить о нем, так как прочитал только две его книги: «Тридцать девять ступеней» — детективные повести, отлично написанные, — и биографию Монтроза, жившего и казненного в XVII веке.

Как и все люди невысокого роста, Бьюкен возмещал свою малость солидностью. В нем чувствовалась птица большого полета. Он устроил нам свидание с фельдмаршалом Китченером и вообще был на короткой ноге со всеми крупными людьми той эпохи. Хотел познакомить нас с Киплингом, но Киплинг уклонился от встречи, о чем и известил его очень милой запиской.

Впоследствии Бьюкен пошел далеко: стал генерал-губернатором Канады, лордом Туйдзнуrom. Я выпросил у Бьюкена записку, полученную им от Киплинга. К сожалению, эту записку похитил у меня один молодой человек, которого я по наивности пригласил разбирать мой архив. Надеюсь, что после моей смерти этот предприимчивый

The occupation for the 20-th century in England, will be getting rid of nineteenth century ideals. When we have succeeded perhaps we shall be happy.

Robert Ross

The English dislike using whips to their horses because they are afraid of hurting the flies.

Robert Ross

31/3/16

архивный работник опубликует все позаимствованные у меня материалы (иначе зачем бы он стал похищать их), так что читатели не понесут ущерба.

21 февраля 1916 года ассоциация английских журналистов устроила в нашу честь банкет в помещении реформ-клуба. Банкет был как две капли воды похож на другие такие банкеты. Нас приветствовали герцог Девонширский, лорд Сесил и другие. Всего было около четырехсот человек. Присутствовали на банкете Эдмунд Госс, Герберт Уэллс, Артур Конан Дойль, нобелевский лауреат физиолог Рональд Росс, несколько лордов, газетных магнатов и другие.

На следующий день — или раньше? — нас чествовал британский парламент. Там Чукоккала обогатилась автографом министра иностранных дел Эдуарда Грея:

A handwritten signature in dark ink, reading "Edward Grey". The signature is written in a cursive, slightly slanted style. Below the signature is a single horizontal line.

У меня с детства была безумная привычка предпочитать писателей людям всяких других профессий. Как раз в тот день, когда нам предстояло посетить какого-то немаловажного министра, мне позвонили в мой номер, что в холле ждет меня сэр Артур Конан Дойль. Я спустился вниз и узнал, что автор Шерлока Холмса хочет побродить со всей компанией по Лондону и показать нам достопримечательности этого города. Но, кроме меня и Алексея Толстого, эта перспектива не увлекла никого. Все предпочли свидание с министром. Наружность Конан Дойля поразила меня тем, что в ней не было ничего поразительного. Это был плечистый мужчина огромного роста, с очень узкими глазками и обвислыми моржовыми усами, которые придавали ему добродушно-свиный вид. Было в нем что-то захолистное, наивное, заурядное и очень уютное.

Я стал рассказывать ему, как русские дети любят его Шерлока Холмса.

— Сэр Артур написал не только Шерлока Холмса, — с упреком заметил кто-то.

— Да, — сказал я, — мы знаем и бригадира Жерара, и Майка Кларка, и профессора Челенджера, но Шерлок Холмс нам почему-то милее...

Профессор Челенджер был героем двух его последних романов: «Затерянный мир» и «Отравленный пояс». Эти романы казались мне гораздо более художественными, чем иные рассказы о Шерлоке Холмсе.

Я сказал об этом Конан Дойлю, и он кивнул своей большой головой.

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Если бы вы знали, до чего надоело мне считаться автором одного только Шерлока.

Мы вышли на улицу.

— Что хотели бы вы видеть, друзья мои? — спросил он.

— Конечно, Бейкер-стрит! — сказали мы. — Ту улицу, где живет Шерлок Холмс.

Пробираясь к Бейкер-стрит, мы могли убедиться в колоссальной популярности Конан Дойля. Извозчики, чистильщики сапог, прохожие, уличные торговцы, мальчишки-газетчики, школьники то и дело узнавали его и приветствовали фамильярным кивком головы.

— Алло, Шерлок Холмс! — сказал ему какой-то подросток.

Конан Дойль объяснил нам, что это с ним случается часто: его смешивают с Шерлоком Холмсом.

— Нет, видно, от Шерлока мне никуда не уйти. Ничего не поделаешь! — сказал он с улыбкой.

На Бейкер-стрит, куда мы пришли вместе с ним, в том доме, где, по его словам, жил Шерлок Холмс, оказалось фотоателье некого Фрея. По предложению Конан Дойля мы сфотографировались там. Впоследствии он прислал мне фотоснимок, который был похищен у меня уже упомянутым любителем чужих архивных документов. В Чукоккале сохранился только автограф писателя (стр. 171).

17 февраля на пути из Шотландии в Лондон Алексей Николаевич написал в Чукоккалу такие стихи:

Здесь руку приложил Джелико,
И Росс, и Уердель, и сэр Грей.
И как же подписи моей
Не затонуть в реке великой?

Но, возвращаясь в Куоккало,
постарайтесь-ка поискать королей,
лордов и знаменитых адмиралов
под диваном или за книжными шкафами...

Там не найдете королей,
Хотя б и были очень горды...
Придется вспомнить Вам,
Корней,
Что есть знакомые не лорды.

гр. А. Н. Толстой
по пути из Шотл. в Лондон

17 фев. 1916 г.

Здесь руку приложил Джелико
и ~~Джеро~~ Росс и Уердель и сэр Грей.
И как же подписи моей
Не затонуть в реке великой!?
Но возвращаясь в Куоккало, ~~найти~~ ^{попытаться} напечатать
~~королей, лордов и~~ ^{королей, лордов и}
~~знаменитых адмиралов~~ ^{знаменитых адмиралов}
~~под диваном или за книжными шкафами~~
Там не найдете королей,
Хотя б и были очень горды...
Придется вспомнить Вам, Корней,
Что есть знакомые не лорды.
Фев. 17 г. гр. А. Н. Толстой
по пути из Шотл. в Лондон

В промежутке между официальными визитами 5 марта 1916 года мы поехали куда-то за город и посетили Герберта Уэллса. Герберт Уэллс провел с нами весь день, нарисовал в Чукоккале прилагаемую картинку. Оставила свой автограф в Чукоккале и жена писателя Кэтрин Уэллс, прибавив к своей фамилии буквы А. Р., означавшие «автономная республика». Как раз к этому времени ее автономность выразилась особенно четко, так как незадолго до этого Уэллс посвятил одну из своих книг «Мисс Уэст, матери моего ребенка».

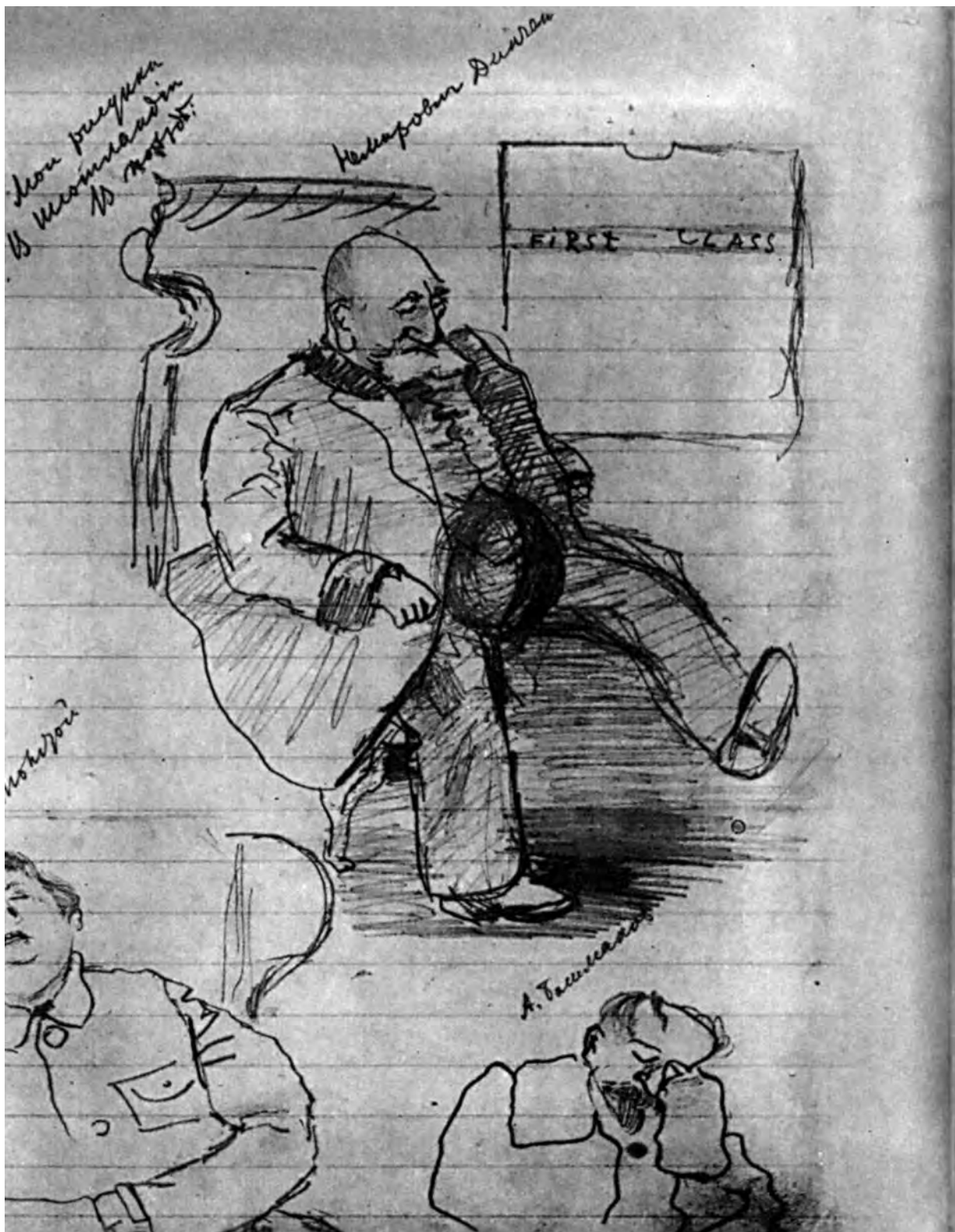
H. G. Wells translated into Russian,

March, 5. 1916

Catherine Wells. March 5. 1916
A.R.
Easton Glebe, Dunmow
England

Мы посетили Шетландские острова, где стоял Британский флот; там произошла у нас беседа с командиром флота сэром Джоном Джеллико. По дороге на Шетландские острова я — неумелой рукой — зарисовал в Чукоккале Башмакова, Василия Немировича-Данченко, Алексея Толстого (стр. 174).

Потом (или раньше? — все дни у меня в голове перепутались) мы облачились во фраки и поехали в Букингемский дворец представляться королю Георгу V. Все произошло благопристойно, без сучка и задоринки. Вся торжественная процедура приема пятерых «москвитов» отняла у короля не больше десяти минут.

Это свидание с Георгом V отразилось в дарственной записи Алексея Толстого на одной из его книг:

Дорогому Корнею Ивановичу в
память нашей встречи в Букин-
гемском дворце.

гр. Толстой

Вскоре после моего возвращения из Англии художник И. Бродский нарисовал в Чукоккале мой портрет (стр. 176) и написал:

*Извиняюсь перед Чукоккалой за слабый рисунок.
Намек на Корнея Ив. сделал... И. Бродский. 1916 г. 18 мая.*

Евдокия Петровна Струкова, секретарь горьковского журнала «Летопись», стенографировала первую часть автобиографии Шаяпина, напечатанную впоследствии в журнале. Она сохранила вместе со своей стенограммой и этот портрет А. М. Горького, сделанный Шаяпиным в Крыму в 1916 году.

Впоследствии ее сестра, Мария Петровна Струкова, ныне живущая в Москве, подарила мне этот рисунок для Чукоккалы (стр. 177).

Из всех моих портретов, находящихся в Чукоккале, я считаю наиболее близким к оригиналу этот отличный портрет Ю. П. Анненкова (стр. 178).

1 декабря 1916 года в Москве состоялась лекция Андрея Белого. Большая аудитория Политехнического музея была переполнена.

Когда я по окончании лекции попросил Андрея Белого записать в Чукоккале кратко ее содержание, он сделал это при помощи рисунка (стр. 179).

1916

18 мая

Известно перед изданием За славы науки
и на Карла III сдана

8 Бродский

Portrait by artist

Днѣмъ мѣсѣмъ

Днѣмъ мѣсѣмъ
днѣмъ мѣсѣмъ
5/6 мѣсѣмъ.

и

Днѣмъ мѣсѣмъ

1 Днѣмъ

1916г.

Виктор Петрович Буренин, реакционный писатель, сотрудник «Нового времени», в молодости был радикалом. Сотрудничал в «Колоколе» Герцена, в «Искре» Курочкина и в «Свистке» Добролюбова. В семидесятых годах он стал ренегатом, перешел в реакционный лагерь и в качестве литературного критика сделал своей специальностью нападки на Михайловского, Чехова, Горького, Блока, Леонида Андреева и других писателей враждебного ему направления. Нападки были грубы и резки. Недаром поэт Минаев сказал о нем в одной эпиграмме:

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Говоря беспристрастно, это был один из самых даровитых писателей правого лагеря. Иные его пародии бывали порой остроумны и метки.

Так как я изучал тогда эпоху шестидесятых годов, я счел необходимым посетить человека, который в юности встречался с Некрасовым, Добролюбовым, Щедриным, Слепцовым, Василием Курочкиным. Меня встретил бодрый старик. Он охотно поделился со мной своими воспоминаниями. Потом разговор перешел на современные темы, и в старике проснулся монархист-черносотенец. Со злобой заговорил он о Временном правительстве, о Керенском, о Московском Совещании и заявил, что спасение России видит в казацкой нагайке. Это так поразило меня, что я попросил старика записать свое мнение в Чукоккалу.

Буренин выразил это мнение такими стихами:

Гражданину Керенскому
Хотите «властию железной»
Вы править в качестве «главы», —
Не чересчур ли, друг любезный,
Возноситесь высоко вы?

Что вы такое? Хлестакова
Племянник или внук родной,
Из адвокатишки плохова
Прыгнувший к власти временной?

Пустили вас за стол — и ноги
Уж вы на стол готовы класть:
Вы влезли в царские чертоги,
Чтобы возвысить вашу власть;

Демократическою шваброй,
Как скипетром, вооружась,

Демократическом тваброн'
Кант сканефром вооружен,
Все же вы поинте обрако даброн'
Избитая, поинте-краснота фразе...

(поинте, как вы вистите с инейкой'
Другие минисирове-бистуюнов
Кизанский стирого нагайкой'
Ваше поинте минисирове-бистуюнов!

Куродка рифмирует гайки,
Кем же управляет стиронкой'
Косредством тренканна стиронкой'
На адвокатской бистомайке...

В. Гуремы

15 августа
1917.

По поводу Московского Совещания

Все ж вы полны абракадаброй
Избитых, пошло-красных фраз...

Смотрите, как бы вместе с шайкой
Других министров-болтунов
Казацкой старою нагайкой
Вас не прогнали из дворцов!

Порядка развинтивши гайки,
Нельзя же управлять страной
Посредством треньканья струной
На адвокатской балалайке...

В. Буренин

15 августа 1917 г.

В начале 1918 года Александр Блок сделал в Чукоккале свою первую запись:

Отрывок из «Скифов».

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой...
Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит...

Александр Блок

30 января 1918

В области политики и экономики коммунизм есть борьба против частной собственности и всей ее уродливой надстройки, а в области духа — это стремление сбросить жалкую оболочку «я» и вылететь из нее существом, окрыленным любовью, бессмертным, бесстрашным, стать великаном ВСЕЧЕЛОВЕКОМ.

А. В. Луначарский

К своему несчастью народный комиссар

В 1918 году Анатолий Васильевич Луначарский, в то время народный комиссар просвещения, жил в двух шагах от моей квартиры, и я часто бывал у него. Однажды он написал в Чукоккале:

В области политики и экономики коммунизм есть борьба против частной собственности и всей ее уродливой надстройки, а в области духа — стремление сбросить жалкую оболочку «я» и вылететь из нее существом, окрыленным любовью, бессмертным, бесстрашным, стать великаном ВСЕЧЕЛОВЕКОМ.

А. В. Луначарский
Из своего несчастья народный комиссар

Стрелом из Синдора."

О, стужа мёрз! Пока мы не
погибём,

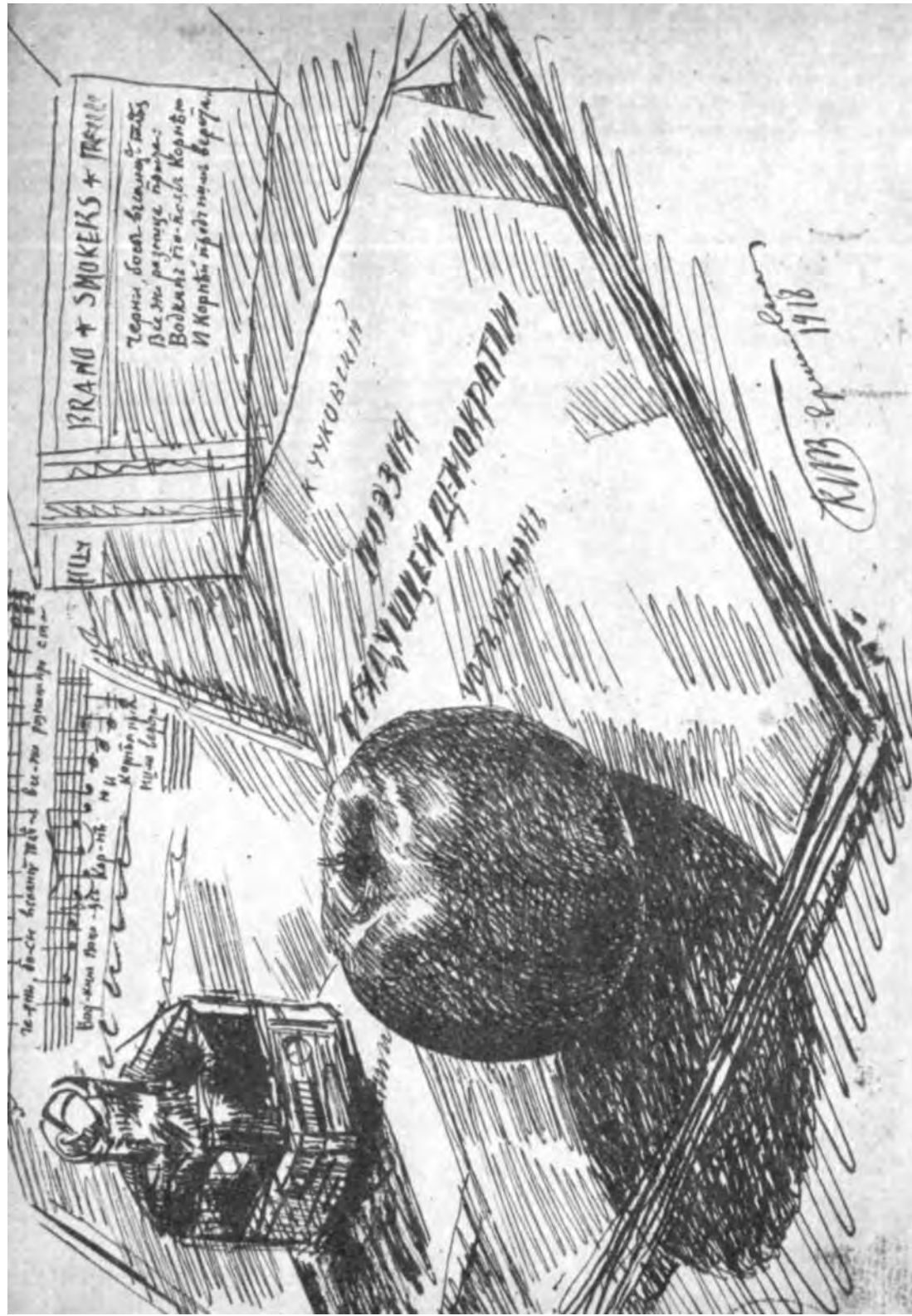
Пока помытвас муркой аладкой,
Остановись, глумлорый, как Эдаг,
Тридъ Суринксон а думас
злымкой...

Россиа—Синдора. Мелко и скоро,
И обливась гуркой кровью,
Оне меду, меду, меду в меду,
А а меду, а а меду!

Да, тем меду, как меду
нема кровь,
Нюбо из вас думас не меду...

30 июля
1918.

Александр Леон.

Ноты, Рисунок и Стихи К. ПЕТРОВА. Водяная

В 1918 году мы проводили лето под Сестрорецком в поселке Ермоловское. Нашими соседями были замечательный художник Козьма Сергеевич Петров-Водкин и его жена, француженка. Петров-Водкин считал себя не только художником, но и поэтом и композитором. К своему рисунку в Чукоккале он прибавил самодеятельные стихи и ноты.

Стихи читаются так:

*Черны, босы, в солнце тля —
Все же разница проста:
Водкин по пояс Корнею,
И Корней пред ним верста.*

На обложке книги написано:

*К. Чуковский
Поэзия
грядущей демократии
Уот Уитмэн*

В сентябре 1918 года Горький основал в Петрограде издательство «Всемирная литература». Руководить издательством должна была «ученая коллегия экспертов», первоначально из девяти человек. В качестве «специалиста по англо-американской словесности» вошел в эту коллегия и я.

Сперва редакция наша ютилась в тесноватом помещении на Невском недалеко от Аничкова моста (бывшая редакция газеты «Новая жизнь»), но к зиме переехала в великолепный особняк на Моховой, с мраморной лестницей, с просторными и светлыми комнатами.

Мы собирались по вторникам и пятницам вокруг длинного стола, покрытого красным сукном, и под председательством Алексея Максимовича тщательно обсуждали те книги, которые надлежало выпустить в ближайшие годы.

Горького захватила широкая мысль: дать новому, советскому читателю самые лучшие книги, какие написаны на нашей планете самыми лучшими авторами, чтобы этот новый читатель мог изучить мировую словесность по самым лучшим переводам.

К зиме наша коллегия разрослась, и мы с удесyтеренными силами принялись за работу, чтобы возможно скорее поставить на рельсы многосложное дело.

Словесность чуть не каждой страны имела в нашей коллегии своих представителей. Индийцы были представлены академиком Ольденбургом. Арабы — академиком Крачковский. Китайцы — академиком Алексеевым. Монголы — академиком Владимировым. Александр Блок вместе с двумя профессорами-германистами ведал германской словесностью, Николай Гумилев вместе с Андреем Левинсоном — французской. Я с Евгением Замятиным — англо-американской. Акимy Волинскому была вверена словесность итальянская.

Директором издательства был Александр Николаевич Тихонов (Серебров), многолетний сотрудник Горького и близкий ему человек.

Каждый из нас делал доклады по своей специальности.

Горький тут же, на заседаниях, брал у меня Чукоккалу, рассматривал ее и записывал в ней все, что вздумается, — чаще всего крохотные рассказы из собственной жизни.

Вот эти автографы Горького:

Иду в Самаре берегом Волги поздно ночью — вдруг слышу:

— Спасите, батюшки!

Темно, небо в тучах, на реке стоят огромные баржи. Между берегом и бортом одной из них в черной воде кто-то плещется.

Влез я в воду, достиг утопающего, взял его за волосы и выволок на землю.

М. Горький

А он меня — за шиворот!
— Ты, говорит, какое право имеешь за волосы людей
драть?

Удивился я.

— Да ведь ты тонул, говорю, ведь ты кричал — спаси-
те!

— Чертова голова! Где же я тонул, ежели всего по
плечи в воде стоял да еще за канат держался? Слеп ты,
что ли?

— Но ты кричал — спасите!

— Мало ли как я могу кричать! Я закричу, что
ты — дурак, поверишь ты мне? Давай рупь, а то в полицию
сведу! Ну, давай...

Поспорил я с ним несколько — вижу: прав человек
по-своему! Дал ему, что было у меня — тридцать пять
копеек, — и пошел домой умнее, чем был.

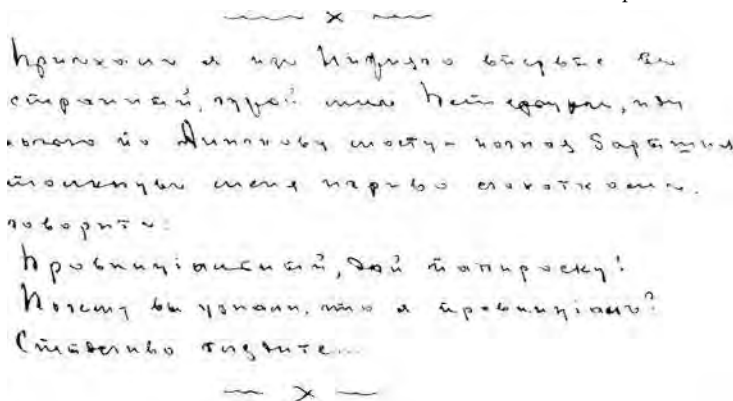
М. Горький

Приехал я из Нижнего впервые
в странный, чужой мне Петер-
бург, иду ночью по Аничкову мос-
ту — ночная барышня, толкнув
меня игриво локотком, говорит:

— Провинциальный, дай папи-
роску!

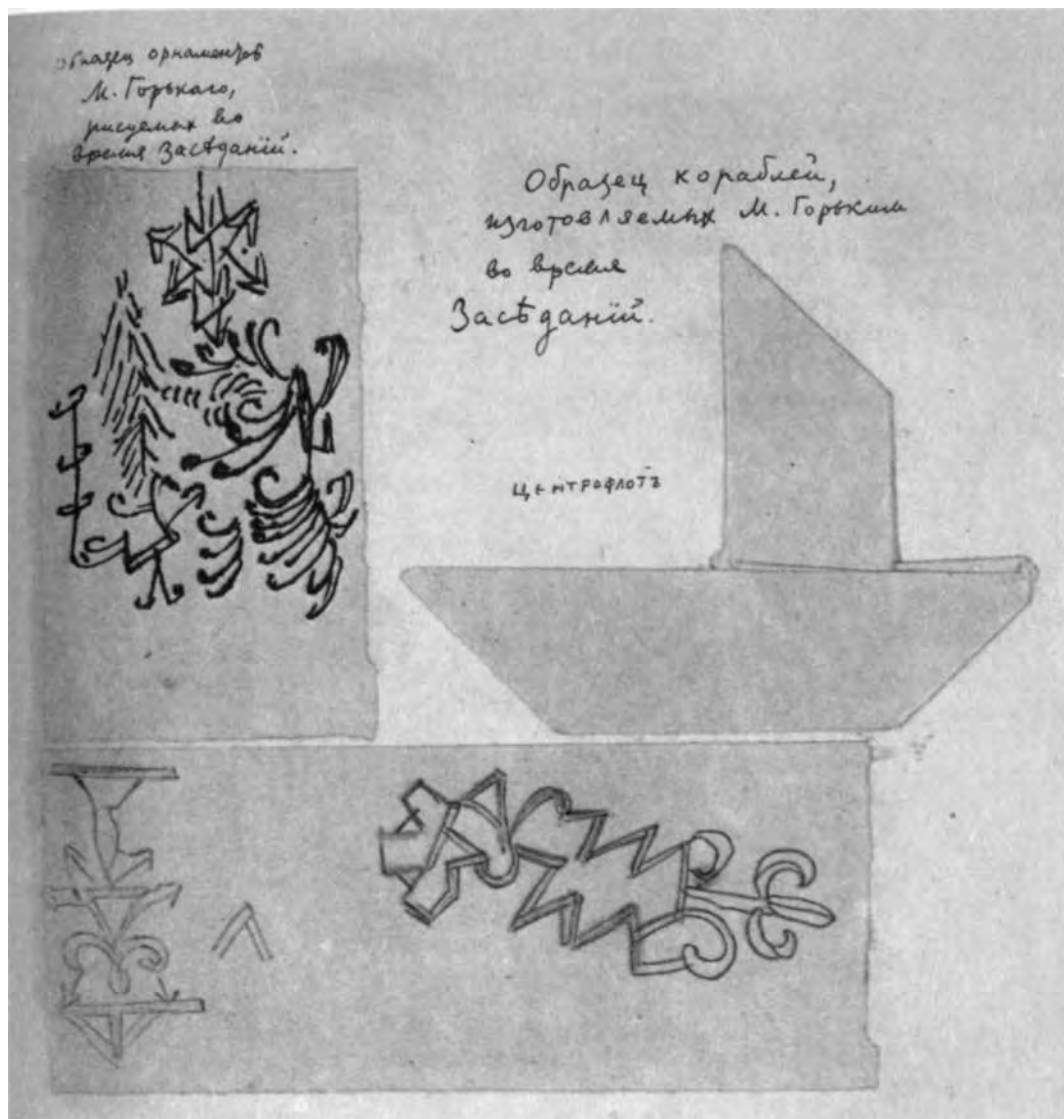
— Почему вы узнали, что я
провинциал?

— Стыдливо глядите...

Горький старался быть бесстрастным и терпимым с теми, кто на заседаниях «Всемирной» высказывал враждебные ему взгляды. Споря с ними, он постоянно уснащал свою речь учтивыми фразами: «Я позволю себе заметить», «Я позволю себе указать». Но эта учтивость давалась ему нелегко. Если кто-нибудь высказывал суждения, представлявшие ему вопиюще неверными, он с трудом обуздывал свой гнев и в течение всей речи противника нетерпеливо стучал своими тяжелыми пальцами по столу — то быстрее, то медленнее, будто исполнял на рояле трудный пассаж, и лишь изредка отрывался от этой работы, чтобы сердито закрутить свой рыжий ус.

А если неприятная речь тянулась дольше, чем он ожидал, он схватывал лист бумаги и с яростной аккуратностью, быстро-быстро разрывал его на узкие полосы и делал из каждой полосы по кораблику. Раз! Раз! Раз! Раз! Восемь корабликов — целый флот.

Если же оратор не замолчит и тогда, рассвирепевшие пальцы хватают из пепельницы грудку окурков и сокрушительно вдавливают каждый окурочек в корабль, словно расправляясь с ненавистным оратором.

Я сохранил один из таких корабликов, вклеив его в Чукоккалу.

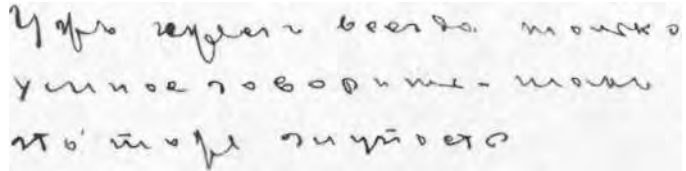
Если же Горький соглашался с нашими суждениями, он, слушая их, мирно, будто под музыку, рисовал на бумаге нехитрые узоры, образцы которых приводятся здесь.

Бывало, выступаешь на собрании с какой-нибудь речью и все глядишь на руки Алексея Максимовича: рисует ли он безобидный орнамент или изготавливает кораблики.

Среди профессоров нашей «Всемирки» особенно любил щеголять замысловатыми научными терминами профессор-музыковед Е. М. Браудо.

Во время одного из его выступлений Горький бросил мне бумажный шарик, и, развернув его, я прочитал:

Уж ежели всегда только умное
говорить — так это тоже глупость.

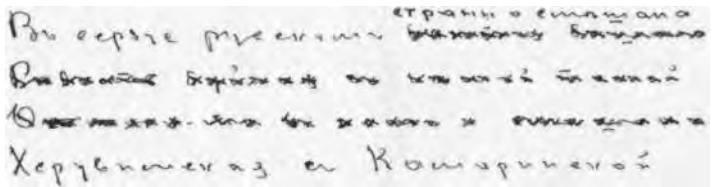

Уж ежели всегда только
умное говорить — так
это тоже глупость

Я тогда же вклеил эту бумажку в Чукоккалу.

Как-то во время одного заседания Горький взял у меня Чукоккалу и стал набрасывать в ней начало одного из своих стихотворений, которое, очевидно, счел неудавшимся и зачеркнул.

В сердце русском странно
смешана
[Радость буйная с тихой тоской.
Оттого-то в ней и смешана]
Херувимская с Камаринской.

В сердце русском странно смешана
Радость буйная с тихой тоской
Оттого-то в ней и смешана
Херувимская с Камаринской

Горький удивлял нас всех во «Всемирной» своим неутомимым трудолюбием. Он прочитывал чуть ли не все рукописи, которые поступали в издательство, и в первое время писал почти ежедневно то одному, то другому из нас — по поводу всякой намеченной к изданию книги.

В Чукоккале сохранились некоторые из его тогдашних заметок, характеризующих эту работу.

Когда «Всемирная литература» затеяла Собрание сочинений Оскара Уайльда и я дал к этому изданию вступительный очерк (вышедший через несколько лет отдельной брошюрой), Горький прислал мне такое письмо:

Дорогой Корней Иванович, как все у Вас, — статейка об Уайльде написана ярко, убедительно и — как всегда у Вас — очень субъективно. Я отнюдь не решаюсь навязывать Вам моего отношения к делу, но — убедительно прошу Вас помыслить вот о чем: Вы неоспоримо правы, когда говорите, что парадоксы Уайльда — «общие места навыворот», но — не допускаете ли Вы за этим стремлением вывернуть наизнанку все «общие места» более или менее

сознательного желания насолить мистрис Гренди¹, пошатнуть английский пуританизм?

Мне думается, что такие явления, каковы Уайльд и Б[ернард] Шоу, слишком неожиданны для Англии конца XIX века и в то же время они — вполне естественны — английское лицемерие наилучшее организованное лицемерие и, полагаю, что парадокс в области морали очень законное оружие борьбы против пуританизма.

Полагаю также, что Уайльд не чужд влиянию Ницше.

Моя просьба: прибавьте к статье одну, две главы об английском пуританизме и попытках борьбы с ним!

Весьма прошу Вас об этом, считая сие необходимым *.

Извиняюсь за то, что позволил себе исправить некоторые опуски в тексте статьи. Жму руку.

А. Пешков

* Свяжите Уайльда с Шоу и предшествовавшими им, вроде Дженкинса и др.

Д ж е к о б с

Вниманию переводчика:

все рассказы испещрены глаголом «говорить» в настоящем времени, — это дает читателю право упрекнуть переводчика в небрежности и безграмотности.

Кроме «говорить» можно употреблять формы «сказал», «заметил», «отозвался», «откликнулся», «повторил», «молвил», «добавил», «воскликнул», «заявил», «дополнил» и т.д.

Строение фразы местами недопустимо небрежно и неверно.

Все переводы нуждаются в самом тщательном просмотре, в серьезных исправлениях.

Рассказы:

«Падение Бия», «Адмирал Питерс», «Смена номеров», «Возвращение Диксона» — не годятся.

Все же остальные, — как сказано выше, должны быть тщательно отредактированы.

А. П[ешков]

У меня сохранилось первое издание моей книжки «Высокое искусство» (она была тогда тощей брошюрой и называлась «Принципы художественного перевода») с рукописными поправками Алексея Максимовича. В ней я между прочим рекомендовал переводчикам почаще читать Даля, Лескова, Мельникова-Печерского, Глеба Успенского. Мой совет не понравился Горькому, и он написал на полях:

¹ Мистрис Гренди — собирательный образ английской ханжи.

Совет — опасный. Лексиконы Даля, Усп[енского], Лескова] — превосходны, но — представьте себе В. Гюго, переведенного языком Лескова, Уайльда на языке Печерского, А.Франса, изложенного по словарю Даля? Руссификация иностранцев и без того является серьезным несчастьем.

Как-то на заседание издательства вошел встревоженный А. М. Горький и сообщил, что в зарубежной прессе печатаются злые измышления о задачах и методах нашей работы. Было решено обратиться в одну из иностранных газет с протестом от лица «Всемирной литературы».

Письмо в редакцию

В зарубежной прессе не раз появлялись выпады против издательства «Всемирная литература» и лиц, работающих в нем. Определенных обвинений не приводилось, говорилось только о невежестве сотрудников и неблагоприятной политической роли, которую они играют. Относительно первого, конечно, и говорить не приходится. Люди, которые огулом называют невежественными несколько десятков профессоров, академиков и писателей, насчитывающих ряд томов, не заслуживают, чтобы с ними говорили. Второй выпад мог бы считаться серьезнее, если бы не был основан на недоразумении.

«Всемирная литература» — издательство не политическое. Его ответственный перед властью руководитель — Максим Горький — добился в этом отношении полной свободы для своих сотрудников. Разумеется, в коллегии экспертов, ведающей идейную сторону издательства, есть люди самых разнообразных убеждений, и чистой случайностью надо признать факт, что в числе шестнадцати человек, составляющих ее, нет ни одного члена Российской Коммунистической Партии. Однако все они сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасение духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде. Не по вине издательства эта работа его сотрудников протекает в условиях, которые трудно и представить себе нашим зарубежным товарищам. Мимо нее можно пройти в молчании, но гикать и улюлюкать над ней могут только люди, не сознающие, что они делают, или не уважающие самих себя.

Нужно ли говорить, что, возглавляя «Всемирную», Горький близко принимал к сердцу бытовые нужды каждого из сотрудников.

В разные учреждения Горький писал великое множество ходатайств (стр. 196, 197).

Издательство
"Всемирная Литература"
Государственное Издательство

Печать в Москве, Моховая 36, тел. 479-32, 73-32, 51-19. Мех. Редакция 113-65

№ 2484
Отд.

14-го Сентября 1921 г.

В АВТОГУЖ.

В виду крайней необходимости для Издательства "Всемирная Литература" присутствия на заседаниях Редакционной Коллегии Аркадия Георгиевича Горнфельда, Издательство просит подавать по месту его жительства /Басейная 58, кв. 26/ лошадь и экипаж для переезда в помещение Издательства /Моховая 36/ и обратно. Заседания Коллегии происходят два раза в неделю, по вторникам и пятницам, в 4 часа дня.

А.Г. Горнфельд страдает параличом ног и абсолютно лишен возможности ходить пешком.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

Секретарь

В. М. Мещеряков

А. Горнфельд

Издательство Всемирная Литература

при
Народном Комиссариате по Просвещению
Петроград, Проспект 25 Октября (Невский) 64. Тел. 479-32.

№ 490

25 июня

дня 1919 г.

ОТ:

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящим Издательство "Всемирная Литература" удостоверяет, что пишущая машина и ротатор находящиеся на квартире К.И. ЧУКОВСКОГО, необходимы ему для работ Издательства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Секрет. № 12.000.000

А.И. Мухоморов

Находящиеся в квартире К.И. ЧУКОВСКОГО пишущая машина и ротатор необходимы для работы Издательства "Всемирная Литература" и реквизиции подлежат не подлежат. Это подтверждается подписью и печатью.

Заведующий издательством, В. П.

Л. Горюхи

26. VI. 19

Хотя Горький родился в 1868 году, датой его рождения в ту пору ошибочно считали 1869 год.

Поэтому его 50-летний юбилей мы, работники «Всемирной литературы», собирались отпраздновать в 1919 году.

К этой дате решено было выпустить сборник, посвященный юбилю. Редактирование сборника поручили А. А. Блоку и мне. Мы обратились к Алексею Максимовичу с просьбой помочь нам при составлении его биографии. Он стал присылать мне ряд коротких заметок о своей жизни. Две из них сохранились, и я приобщил их к Чукоккале. В этих заметках Горький пишет о себе в третьем лице.

В 911 г. 19 сентября, за день до празднования 50-летия освобождения Италии, Горький приехал в Неаполь, чтобы посмотреть на праздник. В день приезда ему устроили маленькую манифестацию. Опасаясь, чтоб это не повторилось и 20 сентября, он в этот великий день Италии переоделся, переменяв шляпу, и на площади Биржи влез на балюстраду фонтана, спрятавшись за фонарь. Это — не помогло, его все-таки узнали, сняли и понесли на руках к памятнику Гарибальди, среди 300-тысячной толпы, сопровождаемой шестьюдесятью оркестрами музыки и сотнями знамен. На некоторых из русских это произвело столь сильное впечатление, что они плакали.

По смерти Джиованни Пасколи¹ рабочие его города, выстроив дом имени прекрасного поэта, обратились к Горькому с письмом, в котором, извещая его о том, как Пасколи любил его книги и хвалебно говорил о нем, предложили Горькому дать надпись для мраморной доски, которую предполагалось вмазать в стену дома Пасколи. Горький дал надпись и получил в ответ на нее столь восторженную благодарность, что считает ее одним из лучших подарков, которые дала ему жизнь.

Часто случалось, что отцы и матери просили Горького поцеловать их детей «на счастье» и «чтоб они выросли честными людьми». Конечно, все это гораздо больше говорит в пользу культуры народа.

Молодому писателю Михаилу Слонимскому было поручено собрать материалы для этого сборника. Сборник был частично готов, когда Горький заявил нам, что по зрелом размышлении он считает выход сборника несвоевременным.

Чествование Горького в нашем тесном кругу состоялось 30 марта 1919 года. Бокалы для шампанского были налиты чаем (без сахару), каждый участвующий получил по роскошной лепешке величиной с пятак.

¹ Джиованни Пасколи (1855—1912) — знаменитый итальянский поэт, сочувствовавший русскому народу в его борьбе с царизмом.

Присутствовало человек сорок. В том числе: Александр Блок, Гумилев, Федор Батюшков, Евгений Замятин, Аким Волынский, Андрей Левинсон, Александр Тихонов (Серебров), а также рабочие из типографии «Копейка», печатавшей наши издания.

Юбилей Горького

30 III 1919

(вместо вина в бокалах подают чай)

Что сказал бы
капитан Лебядкин
на юбилее Горького

Чаши с чаем, чаши с чаем, чаши с чаем
Осушаем.

И при звоне чайных чаш

Вас венчаем

И желаем,

Чтобы Ваш

Челкаш

прекратил Ералаш ¹,

Потому что от этого Вашего протеже

Нет житья уже.

К. Чуковский]

Сегодняшний юбилейный день Алексея
Максимовича светел и очень насыщен
— не пустой день, а музыкальный.
Александр Блок.

Сегодняшний юбилейный день
Алексея Максимовича светел и
очень насыщен — не пустой день,
а музыкальный.

Александр Блок

В Финляндии попал я в баню. Глядь — приступает ко мне банщица, вымеобразная этакая чухонка. Тут моет, тут поливает! Мне неловко, куда деваться, не знаю. А банщица — ни в одном глазу: она привычная.

Так, должно быть, и юбиляру. А тем, кто его поливает, — ничего: привычные.

Евг. Замятин

1/IV/1919 СПб

Написано по поводу речей Ф. Д. Батюшкова и директора типографии «Копейка», где печатались книги «Всемирной литературы».

[К. Чуковский]

¹ «Ералаш» — книга М. Горького.

Фотография сделана на юбилее Горького.

Справа налево, первый ряд, сидят: А. Н. Тихонов (Серебров), З. И. Гржебин, проф. Ф. А. Браун, М. Горький, Борис Чуковский.

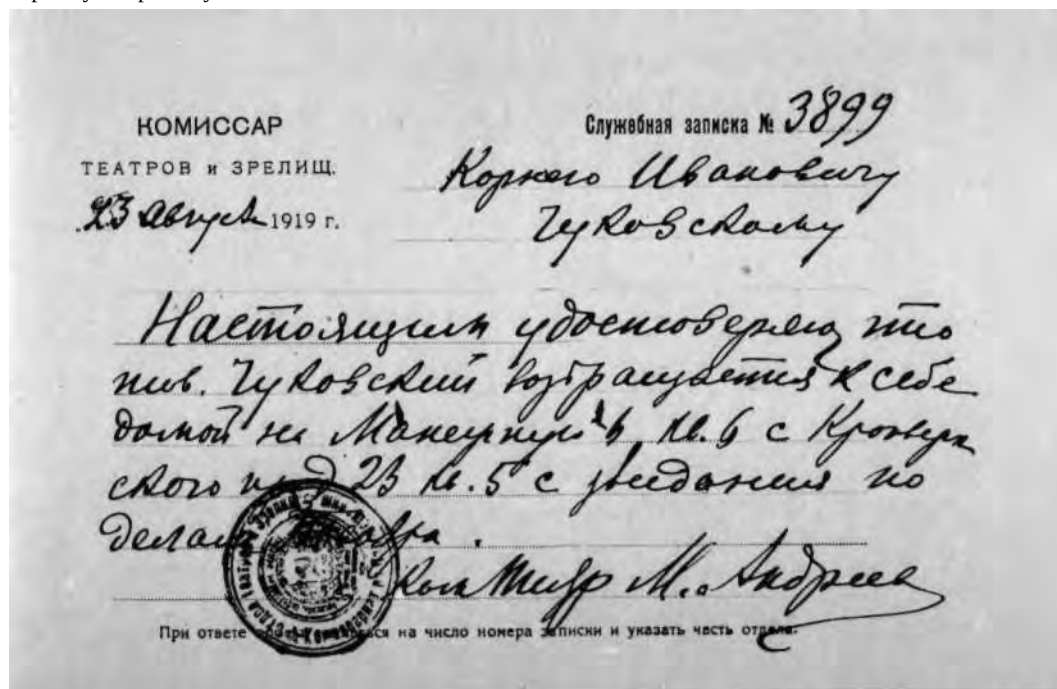
Среди остальных участников я узнаю секретаря «Всемирной литературы» Любовь Ческис (рядом с Горьким), Евгения Замятина и себя самого рядом с ним, директора типографии «Копейка» Когана, пушкиниста Николая Осиповича Лернера. В самой центре — устроительница праздника Варвара Шайкевич. За спиной у Горького — Коля Чуковский.

В 1919 году артистка Мария Федоровна Андреева, жена А. М. Горького, стала комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области.

По ее приглашению я принимал участие в некоторых совещаниях, посвященных театру.

В совещаниях участвовали Горький, Шаляпин, Мейерхольд, Монахов, Блок, Лаврентьев и другие. Происходили

они на квартире у Горького и нередко затягивались далеко за полночь. В таких случаях Мария Федоровна выдавала мне охранную грамоту:

На одном из этих заседаний Шаляпин нарисовал в Чукоккале два рисунка. Один — изображающий икону бога-отца Саваофа (стр. 202), на которой Шаляпиным сделана надпись:

Нонешний комуфлет

1.

Древний дед
Благословлял нас
Много лет,

2.

А теперь вот
Вам что на обед.

Ф. Шаляпин

1919, июнь.

Другой — изображающий Репина, который из Финляндии с тоской глядит на Петроград (стр. 203). Впоследствии он почему-то приписал на этом рисунке: «Депутат (бывший) Ф.Ш. 1919».

— ПОПЫТКИ КОМПРОМИССА —

а мы не хотим

идти по пути

свободы

судьбы. Мы не
будем соблюдать
заповедей —

Владимир
Лев
Григорьев

Часто бывало так, что после заседания «Всемирной литературы» некоторые из нас, не сходя с места, продолжали заседать с Горьким уже в качестве Правления Союза художественных деятелей или в качестве Секции исторических картин. Эта секция ставила себе целью побудить русских драматургов писать пьесы по определенному плану для просвещения широких читательских масс. Пьесы заимствовались по большей части из всемирной истории. На одном из заседаний этой секции Александр Валентинович Амфитеатров прочитал нам свою талантливую, но аляповатую пьесу «Васька Буслаев» в псевдорусском стиле.

Когда мы прослушали пьесу и Амфитеатров ушел, Горький сказал мне:

— Все же, признаться, мне жалко, что эта пьеса уже написана. Много лет я мечтал о том, чтобы написать ее.

И, взяв Чукоккалу, набросал в ней следующее:

Затева́л я пи́сать «Сказ о Ваське Буслаеве», и говори́л в нем мой Васька таковы́ слова:

Эх ма, кабы́ силушки́ поболе́ мне!
Жарко́ бы дохну́л я— снега́

растопи́л,
Круг земли́ поше́л бы да всю
распаха́л,

Век бы́ ходи́л — города́ городи́л.
Церкви́ бы строи́л, да сады́ все
сади́л:

Землю́ разукра́сил бы, как
деву́шку.

Обня́л бы ее, как невесту́ свою́,
Подня́л бы я Землю́ ко своим
грудя́м,

Подня́л бы, — понес́ ее ко́ господа́:
Глянь-ка́ ты, господа́, на
Землю́ то́,

Как она́ Васькой́ изукра́шена!
Ты вот́ ее ка́мнем пусти́л в
небеса́ —

Я́ ее соде́лал изумру́дом доро́гим.
Глянь-ка́ ты, господа́, пора́дуйся,
Как она́ на солны́шке зеле́но
горит!

Дал бы́ я тебе́́ ее подаро́чком.
Да — накла́дно бу́дет — само́му
доро́га!

М. Г[орький]

Затева́л я пи́сать „Сказ о Ваське Буслаеве“ и говори́л в нем мой Васька таковы́ слова:

„Эх ма, кабы́ силушки́ поболе́ мне!
Жарко́ бы дохну́л я — снега́ растопи́л,
Круг земли́ поше́л бы да всю распаха́л,
Век бы́ ходи́л — города́ городи́л,
Церкви́ бы строи́л, да сады́ все сади́л:
Землю́ разукра́сил бы как дево́чку
Подня́л бы я́ землю́ ко своим грудя́м
Подня́л бы, — понес́ ее ко́ Господу́:
Глянь-ка́ ты, Господи́, на Землю́ —
Васька́ она́ Васькой́ изукра́шена!
Ты, бо́же, ее ка́мнем бу́дети́ в небеса́ —
Я́ ее соде́лал изумру́дом доро́гим!
Глянь-ка́ ты, Господи́, пора́дуйся!
Васька́ она́ на солны́шке зеле́но горит!
Дал бы́ я тебе́́ ее подаро́чком,
Да — накла́дно бу́дет — само́му доро́го!“

В числе слушавших пьесу Амфитеатрова был Александр Александрович Блок. Я тогда же заметил, как корбила Блока ее фальшивая словесная ткань.

Под впечатлением этой пьесы Блок решил написать пародию на те «Исторические картины», которые изготовлялись нами для секции. Пародия эта вызвана моей нерадивостью. Редактируя для «Всемирной литературы» сочинения Гейне, Блок предложил мне написать нечто вроде предисловия к «Английским отрывкам» поэта. Я согласился, но,

отвлеченный другими занятиями, не мог исполнить обещания. Чтобы побудить меня к выполнению моего обязательства, Блок и написал свою пьеску.

Здесь изображается то заседание, на котором мне было предложено написать о Гейне. В начале пьески я на все уговоры отвечаю отказом, причем Блок с удивительной точностью (нисколько не утрируя) перечисляет те до смешного разнообразные темы, над которыми мне, как и многим из нас, приходилось в ту пору работать. «Принципы», указанные им, — это книжка «Принципы художественного перевода», которую я в то время писал совместно с Н. Гумилевым. «Гржебинские списки» — списки ста лучших русских книг для издательства З. И. Гржебина, руководимого Горьким.

Во «Всемирной литературе» я в то время (совместно с Евг. Замятиным) заведовал англо-американским отделом, А. Л. Волинский — итальянским, Н. Гумилев — французским, Лозинский — испанским. Основываясь на известной поговорке, что испанский язык создан для разговора с богом, французский — для разговора с королем, итальянский — с возлюбленной, а по-английски можно говорить только с лошадьми, Блок в шутку снабдил каждого из нас именно этими собеседниками.

Фамилия поэта Оцупа, упоминаемого Блоком, предположительно расшифровывается им как название одного из современных учреждений (стр. 266).

Строки об «эссеях» намекают на сделанное мною незадолго до того предложение в коллегии «Всемирной литературы» не переводить английского слова *essay* неподходящим словом «опыт», а ввести его в русский язык в качестве технического термина «эссей».

Реплики всех персонажей, изображенных в блоковских «Сценах», чрезвычайно типичны для этих людей: Аким Волинский, например, очень любил слово «нервно» (в его произношении: «негвно»), охотно применял это слово к написанным мною статьям.

Браудо, медоточиво-любезный профессор, всегда поддакивал тому, что говорили другие, и присоединялся ко всякому большинству голосов. Отсюда — *Корней Иванович, просим!*

Столь же тонко был охарактеризован своей речевой манерой Александр Николаевич Тихонов (Серебров), единственный среди нас деловой человек, очень властный и требовательный. На заседаниях нашей коллегии он всегда говорил сжато, отрывисто — и только о деле. Блок чудесно отразил его характер в ритмическом рисунке его фраз.

Реплики этого лица, — указал он в примечании к пьеске, — *имеют только мужские окончания.*

И придал каждой реплике сухую обрывчатость.

Ал. Блок.
Фото М. Наппельбаума. 1921

В примечании Блок указал, что его «Сцена» по структуре стиха и по некоторым оборотам языка *приписывается Амфитеатрову*. Действительно, такие слова, как: вестимо, аль не в подъем, натужьтесь, точно пародируют лексику амфитеатровского «Васьки Буслаева».

Сцена из исторической картины

«Всемирная литература»
(XX столетие по Р. Хр.) *

Место действия — будуар герцогини.

Блок

...В конце ж шестого тома Гейне, там,
Где *Englische* кончаются *Fragmente*,
Необходимо поместить статью
О Гейне в Англии: его влияние
На эту нацию, и след, который
Оставил он в ее литературе.

Тихонов **

Кому ж такую поручить статью!

Блок

Немало здесь различных специалистов,
Но каждый мыслит только о своем:
Лозинский — только с богом говорит;
Волынский — о любви лишь; Гумилев —
Лишь с королями. С лошадьми в конюшне
Привык один Чуковский говорить...

Чуковский (запальчиво)

Неправда! Я читаю в Пролеткульте,
И в Студии, и в Петрокомпромиссе,
И в Оцупе ***, и в Реввоенсовете!

Блок

Корней Иванович! Ведь вы меня
Не поняли! Сказать хочу я только,
Что вы один могли бы написать
Статью о Гейне...

* По структуре стиха и по некоторым оборотам языка *приписывается Амфитеатрову*. Во французском переводе пьеса называлась: «*Arlequin, poli parla littérature*» («Арлекин, приглаженный литературой». — К. Ч.)

** Реплики этого лица имеют только мужские окончания.

*** Этот стих не дает разгадки понятия «Оцуп»; если был человек, то Чуковский мог «читать» в его душе; если — учреждение, то, очевидно, там была культурно-просветительная ячейка, где Чуковский читал лекции.

Чуковский (ехидно)
«Эссейс», вероятно,
Угодно было вам сказать?

Блок

Да-с. Эссей-с.

Чуковский (с воплем)
Мне некогда! Я «Принципы» пишу!
Я гржебинские списки составляю!
Персея инсценирую! Некрасов
Еще не сдан! Введенский, Диккенс, Уитмен
Еще загромождают стол! Шевченко,
Воздухоплавание...

Блок

Корней Иванович!

Не вы один! Иль — не в подъем? Натужьтесь!
Кому же, как не вам?

Замятин

Ему! Вестимо —

Чуковскому!

Браудо

Корней Иванович, просим!

Волынский

Чуковский сочинит свежо и нервно!

Все

Чуковскому! Чуковскому писать!

Чуковский пытается еще что-то возразить, но коллективный вопль всемирных литераторов заглушает его слабый голос. Дело грозит превратиться, как и во все исторические эпохи, в скверную историю. Чуковский, обессиленный, опускается в сломанное кресло, которому все еще нет цены. Антон, входя, сует ему записку.

Чуковский (слабым голосом)

Пусть подождут. Их сколько там?

Антон

Тринадцать.

Тихонов

Итак, Корней Иванович, сдайте нам
Статью в готовом виде не поздней,
Чем к Рождеству.

Сцена из исторической картины
"Всемирная литература"
(XX столетие по Г. Кр.)
Место действия — будущая герцогина.

Блок

... Вз кокутъ жъ шестого тома Гейке, тогда,
Гдѣ Englische Konzepte Fragmente,
Необходимо помѣститъ статью
О Гейке въ Англии: его вліяніе
На эту націю, и слѣдъ, который
Оставилъ онъ въ ея литературѣ.

Тихоново хх

Кому жъ такую поручить статью?

Блокъ.

Немало здѣсь разлгнхъ спекулянтовъ,
Но каждый мнѣнитъ только о своемъ:

(и по нѣкоторымъ вѣроятнымъ извѣстиямъ)
х По структурѣ статьи краснѣвается. Анда тесъ,
Во французскомъ издѣніи всѣхъ извѣстна: „Атлантида, роль разъ в.
Citté de la...“
хх Реплика этого вида имѣютъ только мучас
Окопленія.

Лозинский — только и Босова говорит;
Вольский — о любви лишь; Тумилев —
лишь с королями. С лошадами в конюшню
Травкин один Туховский шворт...

Туховский (Залабуйко)

Керанда! Я читаю в Пролеткульт,
и в Студии, и в Петрокомаромисе,
и в Оцупе, и в Реввоенсовет.

Блок.

Коркты Иванови! Вотъ въ ленте
не помню! Сказка хощу я только,
что въ дитя мои онъ написатъ
Статью о Гейке...

Туховский (скадно)

"Эссейс", втроетно,
угодно ли вамъ сказать?

Блок.

Да-с. Эссей-с.

Этотъ стихъ не дастъ разгадки почитъ "Оцупе"; сего
ли не вѣстъ, то Туховский мои "шпуръ" въ се думъ; сего — угре-
ис, то, очевидно, тамъ былъ культурно-просвѣтительный элементъ

Чуковский

Какого года?.. Стиля?..

Тихонов

Год — этот. Стиль — марксистам все равно.

Чуковский

(пытаясь переменить разговор)

А может быть, не Стиль, а Аддисон? ¹

Тихонов

Нет, новый стиль.

Чуковский

(все еще притворяясь непонимающим)

Классический?

Тихонов

Советский!!!

Чтоб было крепче, просим Евдокию

Петровну² это записать.

Чуковский (уничтоженный)

Сдаюсь...

Тихонов

Счастливой вестью с вами поделюсь... *

* В этом месте рукопись обрывается. Предполагают, что Тихонов завел речь или о керосине, или о дровах, или о пайке; во всяком случае, о чем-то приятном, судя по тому, что здесь впервые появляется рифма.

Насколько известно, статья Чуковского «Гейне в Англии» действительно была сдана в набор после Рождества 1919 года. Она заключала в себе около 10000 печатных знаков, ждала очереди в типографии около 30 лет и вышла в свет 31 вентоза 1949 года, причем по недосмотру 14-ти ответственных, квалифицированных, бронированных и коммунальных корректоров заглавие ее было напечатано с ошибкой, именно: «Гей не в ангелы».

В это время я уже задумал писать «Книгу о Блоке» и пользовался всякой встречей с поэтом, чтобы расспрашивать его о том или ином из его стихотворений. Когда я заговорил о стихотворении «Художник», он записал в Чукоккалу:

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон —
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе неслышанный звон...

¹ Стиль и Аддисон — английские публицисты XVIII века.

² Евдокия Петровна Струкова — секретарь «Всемирной литературы».

Въ жаркое лето и въ зиму метель,
Въ дни вашихъ свадебъ, туркифт, похоронъ —
Где, урбъ стужахъ моя сужу адукальную
Легитъ, до селъ неахманитъ званъ...

Таковы "художники" — и до сих пор это так,
какого бы этика ни объявлял, искусства и только
полноты не было.

Success & Love.

13 июля 1919.
Заседание.

Маленькому — одно спасение — то, что он
"мелкоглазый"; глаза зеленые и курчавые
в нем. Это — окно, туза которое он
днем, а все — задохнулся. А: с ним
мудры. Ах! худощавый маленький разбурь в
живущего в нем мир; погрн неволе; и он —
всего. 9 апреля. Либман.

Таков «художник» — и до сих пор это так, ничего с этим не сделаешь, искусство с жизнью помирить нельзя.

Александр Блок

13 марта 1919
Заседание

Когда «Всемирная литература» поручила Ал. Блоку и мне редактировать сборник статей о Горьком, мы, естественно, обратились за материалами к его другу Ф. И. Шаляпину. Шаляпин принял нас очень приветливо, обещал исполнить нашу просьбу. Впечатление от этого визита Блок записал в Чукоккалу:

Шаляпину — одно спасение — то, что он «желтоглазый»; глаза зеленые с переходом в желтые. Это — окно, через которое он дышит, а иначе — задохнулся бы: слишком трудно быть художником таких размеров в цивилизованном мире; почти невозможно; и он — из последних

Ал. Блок

9 апреля

К этому времени я с радостью убедился, что прежняя неприязнь Блока ко мне мало-помалу бесследно исчезла. С каждым днем я взволнованно чувствовал, что доброе его расположение возрастает. Не раз я замечал в нем желание облегчить по мере возможности ту или иную работу, порученную мне нашей коллегией. Когда я по предложению Горького составлял брошюру «Принципы художественного перевода», Блок стал приносить в издательство выписки из разных источников, которые, по его мнению, могли мне пригодиться, — например, следующее рассуждение Фета, с которым, кстати сказать, я был совсем не согласен:

«Самая плохая фотография или шарманка доставляет более возможности познакомиться с Венерой Милосской, Мадонной или Нормой, чем всевозможные словесные описания. То же самое можно сказать и о переводах гениальных произведений. Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением: это высшее счастье и для него и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большую часть читает переводчика, а не автора» (Фет, Предисловие к Ювеналу).

Хотя Блок не был приверженцем этой фетовской теории буквализма, защищающей «тяжеловатость и шерохова-

тость» стиховых переводов, он, по его словам, переписывал эту страничку с любовью, так как питал к Фету особую нежность.

— Фет, — говорил он, — своими стихами искупал и дурные свои переводы и свои неверные теории о них.

Началось с того, что, редактируя Диккенса, я сделал одно горькое открытие. Оказалось, что Иринарх Введенский, которого мы лет шестьдесят или семьдесят считали лучшим переводчиком «Пиквикского клуба», «Дэвида Копперфилда», «Домби и сына», на самом-то деле был бесцеремонным невеждой и выдумщиком. Он не только искажал тексты Диккенса, он сочинял десятки отсебятин, которые навязывал Диккенсу. Об этом своем открытии я с грустью поведал Александру Александровичу. Стоило ли работать над текстом такого неряхи? Правда, неряха был очень талантлив, но это помогало ему еще сильнее отклоняться от подлинника. Блок, который с детства привык считать этого переводчика замечательным мастером, взял у меня томик «Копперфилда» издания 1896 года с моими поправками и к ближайшему заседанию принес этот томик со своими карандашными замечками.

В конце концов я пришел к убеждению, что исправить Введенского нельзя, и бросил всю работу.

— Это особенно грустно, — сказал я при этом, — так как Введенский талантлив.

Блок, постоянно убеждавший меня, что обладание талантом не такая уж доблесть, что есть в психике писателя ценности выше таланта, укоризненно отметил в моем альманахе: *Талантлив — решающее для Чуковского.*

Но главной темой наших разговоров был Некрасов. Однажды, после долгого разговора о любимом поэте, Блок по моей просьбе написал в Чукоккале свое мнение о нем.

Привожу автограф этой записи:

1. Любите ли Вы стихотворения Некрасова? — *Да.*
2. Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими? — *«Еду ли ночью по улице темной...», «Умолкни, Муза...», «Рыцарь на час». И многие другие. «Внимая ужасам...».*
3. Как Вы относитесь к стихотворной технике Некрасова? — *Не занимался ей. Люблю.*
4. Не было ли в Вашей жизни периода, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова? — *Нет.*
5. Как относились Вы к Некрасову в детстве? — *Очень большую роль он играл.*
6. Как относились Вы к Некрасову в юности? — *Безразличнее, чем в детстве и «старости».*
7. Не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество? — *Кажется, да.*

1/ Любите ли Вы стихотворения Некрасова.

Да.

2/ Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими? *Нду ли нощи по ушам
теплым. Умолит, Муза. Идти не жаль. И мачихи дружи. Вникала ужасам*

3/ Какъ Вы относитесь къ стихотворной технике Некрасова? *Не допускаю ст.
мелких.*

4/ Не было ли въ Вашей жизни периода, когда его поэзія была для Васъ дорожке поэзіи Пушкина и Лермонтова? *Нѣтъ.*

5/ Какъ относились Вы къ Некрасову въ дѣтствѣ? *Очень большое рѣд. она
красив.*

6/ Какъ относились Вы къ Некрасову въ юности? *Безразлично, хотя въ дружбу
и считал.*

7/ Не оказала ли Некрасовъ вліянія на Ваше творчество? *Кажется, да.*

8/ Какъ Вы относитесь къ известному утвержденію Тургенева, что въ
стихахъ Некрасова "поэзія и не исчерпала"? *Тургеневъ относился кѣ фактамъ,
какъ и мы относимся къ стихамъ. А самъ, однако, сочинилъ
— Утро туманное?*

9/ Каково Ваше мнѣніе о народолюбіи Некрасова? *Оно было недостаточное
и нестаточное, т.е., двойственное (любилъ — бранилъ). Эпоха заставляла
его быть сентиментальнымъ, хотя онъ Некрасовъ не сентименталъ.*

10/ Какъ Вы относитесь къ распространенному мнѣнію, будто Некрасовъ
былъ человѣкъ нерешительный и безразличный? *Онъ былъ страстный человекъ
и "баринъ", эфиръ все и оцѣню.*

Андрей.

27 іюня 1919 г.

8. Как вы относитесь к известному утверждению Тургенева, что в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала»? — Тургенев относился к стихам, как иногда относились старые тетушки. А сам, однако, сочинил «Утро туманное».
9. Каково Ваше мнение о народолюбии Некрасова? — Оно было неподдельное и настоящее, т.е., двойственное (любовь — вражда). Эпоха заставляла иногда быть сентиментальнее, чем был Некрасов на самом деле.
10. Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?¹ — Он был страстный человек и «барин», этим все и сказано.

Ал. Блок

27 июня 1919 г.

Однажды во время скучного заседания Блок сам попросил у меня мой альманах, чтобы сделать в нем такую дневниковую запись:

Промывая оконное стекло и
приговаривая замазывать раму
на зиму, я имел случай наблю-
дать, как, брошенный, поса-
женный на мель перед моей
квартирой, стал стрелять
из двенадцатилучевой пушки.

При этом я представлял себе,
как наводит эту пушку матрос
в колечках и лакированных
туфлях, а рядом девица
ставит самовар.

Холодно очень — в комнате
градусов девять.

21 октября 1919 года.

Промывая оконное стекло и
приговаривая замазывать раму
на зиму, я имел случай наблю-
дать, как броненосец, посажен-
ный на мель перед моей кварти-
рой, стал стрелять из двенадца-
тилучевой пушки. При этом я
представлял себе, как наводит
эту пушку матрос в колечках и
лакированных туфлях, а рядом
девица ставит самовар.

Холодно очень — в комнате
градусов девять.

Ал. Блок

21 октября 1919 года

¹ Может показаться странным, почему я задавал один и тот же, казалось бы, ненужный вопрос о моральном облике Некрасова.

Это объясняется тем, что многим читателям в те времена были еще памятные ошибочные суждения о личности великого поэта, высказанные Тургеневым, Герценом, П. Ковалевским и дру-
гими.

Вот копия окончательного варианта этого стихотворения, которое я тогда же переписал из альбома Д. С. Левина:

*Давид Самуилич! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два —
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».*

Похоже, что Блок не захотел оставить в шуточном стихотворении слово «святые».

С такой же просьбой Левин обратился к Гумилеву. Гумилев тоже написал ему несколько строк. Очередь дошла до меня, и я, разыгрывая из себя моралиста, обратился к поэтам с шутивным посланием, исполненным наигранного гражданского пафоса:

*Мое гражданское негодование
при чтении стихов
Ал. Блока и Н. Гумилева,
посвященных дровянику
Давиду Самойловичу Левину*

*За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова —
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещи бессмертные слова.*

*Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьиный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.*

*Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек.*

*А ты, мой Гумилев! Наследник Лаперуза!
Куда, куда мечтою ты влеком?
Не Суза знойная, не буйная Нефуза, —
Заплеванная дверь Петросоюза
Тебя манит: не рай, но Райлеском!
И барышня из Домотопа
Тебе дорожке Эфиопа!*

22 ноября 1919

К. Ч[уковский]

Блок отозвался через несколько дней. Его стихи представляют собой ответ на мои ламентации по поводу мнимой измены «Незнакомке» и «Соловьиному саду». Уже в первой строке своего стихотворения он самым причудливым образом подменяет романтическую розу, упомянутую в моем

обращении к нему, другой Розой, чрезвычайно реальной: Розой Васильевной, тучной торговкой, постоянно сидевшей на мраморной лестнице нашей «Всемирной» с папиросами и хлебными лепешками, которые она продавала нам по безбужной цене. Кто мог в те времена предсказать, что ей будет обеспечена долгая жизнь в поэтическом наследии Блока?

Вот это стихотворение:

Чуковскому

Нет, клянусь, довольно Роза
Истоцала кошелек!
Верь, безумный, он — не проза,
Свыше данный нам паек!
Без него теперь и Поза¹
Прострелил бы свой висок.
Вялой прозой стала роза,
Соловиный сад поблек,
Пропитанию угроза —
Уж железных нет дорог,
Даже (вследствие мороза?)
Прекращен трамвайный ток,
Ввоза, вывоза, подвоза —
Ни на юг, ни на восток,
В свалку всякого навоза
Превратился городок, —
Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветок²? —
В этом мире, где так пусто,
Ты ищи его, найди,
И, найдя, зови капустой.
Ежедневно в щи клади,
Не зыщи, что щи не густы —
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят — того гляди
(«Книг чтоб не было в шкапу ста!»³
Скажет Брюсов, погоди),
И, когда придет Локуста⁴,
К ней в объятья упади.
Имена цветка не громки,
Реквизируют — как раз.

¹ Поза — благородный герой трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос».

² Голубой цветок — мистико-романтический символ.

³ «Книг чтоб не было в шкапу ста...» — Из Москвы до нас донесся неверный слух, будто Брюсов, работавший тогда в Наркомпросе, готовит декрет о том, чтобы частным лицам, обладающим книгами, было оставлено не свыше ста книг, а остальные должны быть конфискованы и отданы в общее пользование.

⁴ Локуста — имя древнеримской отравительницы, в переносном смысле — смерть.

Туховскому.

Квир, кинусь, доволбны Роза
Истоцала котелек!

Врѣ, безумный, онъ — не проза,
Свѣтле дакнѣ кааг насъ!

Безъ него теперь и Проза
Прострѣтѣи онъ свой високъ.

Велѣй прозой стала роза,
Соловьянѣ садъ поблекъ,

Пропитанію угроза —

Унѣ пелѣнѣхъ квиръ дорогъ,

Давне (выдѣствіе мороза?)

Прекращеніи трамвайный токъ,

Ввоза, вывоза, подвоза —

На на югъ, на на востокъ,

Въ свалку всякаго кавоза

Превратился городокъ, —

Тѣмъ же давнѣи Совнархоза

Голубой искать увѣтокъ? —

Но носящему котомки
И капуста — ананас,
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз,
А далекие потомки
И за то похвалят нас,
Что не хрупки мы, не ломки,
Здравствуем и посейчас.

(Да-с).

Иль стихи мои не громки?
Или плохо рвет постромки
Романтический Пегас,
Запряженный в тарантас?

А. Б[лок]

Получено 28 декабря 1919 г.

[К. Чуковский]

Отдавая мне эти стихи для Чукоккалы, Блок сказал, что он сочинил их по пути из «Всемирной», но, когда стал записывать их, многое успел позабыть и теперь уже не может припомнить.

В Собрании сочинений Александра Блока стихотворение «Чуковскому» названо «Стихи о Предметах Первой Необходимости». Вскоре Блок вписал в Чукоккалу:

*Продолжение «Стихов
о Предметах Первой Необходимости»*

Стихотворение, приписываемое В. Брюсову ¹

Скользили мы путем трамвайным ²:
Я — керосин со службы нес,
Ее — с усердьем чрезвычайным
Сопровождал, как тигр, матрос.

Стан плотный девы краснорожей
Облек каракульный жакет,
Матросом снятый вместе с кожей
С прохожей дамы в час побед *.

Вплоть до колен текли ботинки,
Являли икры вид полен,
Взгляд обольстительной кретинки
Светился, как ацетилен.

* *Вариант: С одной прохожей из кадет.*

¹ Я не спросил в то время у Блока, почему это стихотворение он приписал Валерию Брюсову. И теперь не могу объяснить почему.

² «Трамвайный путь», о котором говорит Блок, — протоптанная между рельсами тропа среди неубранных снежных наносов.

Продолжение „Стихов о Иудеянах Первой необходимости“
Стихотворения, приписываемое В. Брюсову.

Скользя на пути правопольном:

Я - керосин со слезами нас,
Ее - со усердием грезившим
Скоротал, как ~~маленький~~, матрос.

Стань плотный дубы красноротой
Облек караульный шажок,
Матросом считай работу а кожей
Съ прохотой дамы в часе поворота.^{x)}

Взлет до каляк темноты,
Являем акры видо лавы,
Взгляд обострительской кретины
Свотился, как асфальт.

Когда мы ощутили рядом,
Какой по дровам шепотам
Объем ее столь жарким взлетом,
Тот тут не смеет мой керосин.

И я, предчувствиям взволнован,
Во ее глазах прочел ответ,
Что она - давно деклассирована,
И что вы - поцать кот.

И мы прошли по рваной а лавинам,
Она - туда, а я - сюда.
Я знаю, что со мной шепотам
Не встанет больше никогда!

x) Вариант: Съ одной прохотой из каляк.

*Когда мы очутились рядом,
Какой-то дерзкий господин
Обжег ее столь жарким взглядом,
Что чуть не сжег мой керосин.*

*И я, предчувствием взволнован,
В ее глазах прочел ответ,
Что он — давно деклассирован,
И что ему — пощады нет.*

*И мы прошли по рвам и льдинам,
Она — туда, а я — сюда.
Я знал, что с этим господином
Не встречусь больше никогда!*

Кстати—о Розе Васильевне, которая фигурирует в начале первого стихотворения Блока. Мне вспоминается экспромт, посвященный ей Осипом Мандельштамом:

*Печален мир. Все суета и проза.
Лишь женщины нас тешат да цветы.
Но двух чудес соединенье ты:
Ты женщина! Ты Роза!*

Покупателей у Розы Васильевны было великое множество. Их я перечисляю на страницах Чукоккалы в шуточном послании к ней.

*...Царица благовоний,
О Роза без шипов!
К тебе и Блок, и Кони,
И Браун, и Гидони,
И я, и Гумилев.*

*И Горький, и Волынский,
И сладостный Оцуп,
И Гржебин, и Лозинский,
И даже Сологуб, —*

*Мы все к тебе толпою
Летим, как мотыльки,
Открывши пред тобою
Сердца и кошельки.*

*Твое благоуханье
Кого не приманит!
И кто из заседанья
К тебе не убежит!*

Наиболее подробная характеристика Розы Васильевны — в книге Всеv. Рождественского¹.

¹ Страницы жизни. М.—Л., 1962, стр. 227—229.

Есть в Чукоккале еще одно стихотворение Блока. Оно скопировано рукой его матери и только подписано им. Как-то, придя к нему через несколько дней после того, как он произнес в Доме литераторов свое незабвенное слово о Пушкине, я узнал от его матери Александры Андреевны, что «Сашенька», кроме того, написал о Пушкине стихи.

Александра Андреевна ликовала: он давно уже не писал ни одной стихотворной строки, и вот, как ей показалось, поэтическое вдохновение снова — и надолго — вернулось к нему.

Но Александр Александрович был сумрачен.

— Да, написал... Кто-то позвонил по телефону и попросил написать в альбом Пушкинского дома стихотворение о Пушкине. Я написал, но, кажется, вышло плохо. Отвык, не писал уже несколько лет.

И Блок прочитал мне такие стихи:

*Имя Пушкинского дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

*Это звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.*

*Это древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.*

*Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.*

*Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.*

*Пропускали дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.*

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!*

*Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?*

*Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского дома
В Академии наук.*

*Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

*29 января (11 февраля)
1921 года*

Если не считать черновых набросков к поэме «Возмездие», это были последние стихи Блока. В них тогда же поразила меня строка: «Уходя в ночную тьму».

Он действительно «уходил в ночную тьму» и, перед тем как уйти, отдал последний прощальный поклон — Пушкину.

Самое позднее стихотворение Блока, написанное им в Чукоккале, возникло у меня на глазах. Оно было создано в 1921 году на заседании «Всемирной», во время нудного доклада одного краснобая, который явно угнетал Александра Александровича своим претенциозным пустословием. Чтобы дать Блоку возможность отвлечься от слушания этих банальностей, я пододвинул к нему свой альманах и сказал: «Напишите стихи». Он тихо спросил: «О чем?» Я сказал: «Хотя бы о вчерашнем».

Накануне мы блуждали по весеннему Питеру и встретили в одном из учреждений дочь знаменитого анархиста П. А. Кропоткина, Александру Петровну, с которой я был издавна знаком. Об этой-то встрече Блок и написал в своем последнем экспромте.

К. И. Чуковскому

*Как всегда, были смутны чувства,
Таял снег и Кронштадт палил.
Мы из лавки Дома Искусства
На Дворцовую площадь шли...*

*Вдруг, среди приемной советской,
Где «все могут быть сожжены», **

* В «отделе управления петросовета» висит объявление «государственного крематория», где указано, что всякий гражданин имеет право быть сожженным в бане на речке Смоленке, против Смол[енского] Лютер[анского] Кладбища.

[Сочинено на заседании Всесоюзной литературы 15 марта 1921 г. во время
доклада Брайдо "О музыке в произв. революционных" — по поводу встречи
с поэтом Кривошлемовым] К. И. Чуковский.

Как видишь, мне ^{суждено} ~~суждено~~ убогству
Таме свои и Кривошлемову
сбылось и, любя, дома Исаевских
на Иворовых площадях
~~Их в один убогство или...~~

Видишь, среди времени светлых,
~~Вот "вет" и могут быть создания,~~
~~Кривошлемовы жаловались~~
~~Свет~~
~~Вот, и брала, и "голова светлых"~~
~~Этой древней, Рюриковича~~
~~Кривошлемов...~~

Александр Блок.

март 1921.

1) Русский, президент

2) В "отделе управления народосовета" висит объяв-
ление "государственных крестов", где указано, что всякий
гражданин имеет право быть созданным в банк
на объект Антонет, против Союз. Ломей. Кладбища.

Смех, и брови, и * говор светский
Этой древней Рюриковны...

Александр Блок

Март 1921

* Русский, праздничный.

Как одну из величайших своих драгоценностей я сохраняю в Чукоккале последнее, предсмертное письмо Блока.

26 V 21.

Дорогой Корней Иванович.

На Ваше необыкновенно милое и доброе письмо я хотел ответить, как следует. Но сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается и все всегда болит. Я думал о русской санатории около Москвы, но, кажется, выздороветь можно только в настоящей, то же думает и доктор. Итак, «здоровствуем и по сейчас» сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка — своего поросенка.

Дорогой Корней Иванович. 26 V 21.
На Ваше необыкновенно милое
и доброе письмо я хотел ответить,
как следует. Но сейчас у меня
ни души, ни тела нет, я болен,
как не был никогда еще: жар
не прекращается и все всегда
болит. Я думал о русской
санатории около Москвы, но, кажется,
выздороветь можно только в настоящей,
то же думает и доктор.
Итак, «здоровствуем и по сейчас»
сказать уже нельзя: слопала
такая поганая, гугнивая, родимая
матушка Россия, как чушка —
своего поросенка.

Въ Вас еще остал много сил,
но есть и в голосе, и в манере,
и в отношении к окружающему миру,
и даже в последнем письме — надорванная струна.

«Объективно» говоря, можете быть еще поправлены.

Ваш Ал. Блок.

В Вас еще очень много сил, но есть и в голосе, и в манере, и в отношении к внешнему миру, и даже в последнем письме — надорванная струна.

«Объективно» говоря, может быть, еще поправится.

Ваш Ал. Блок

Во «Всемирной литературе» мы, естественно, интересовались теми неологизмами, которые хлынули тогда в русскую речь. В Чукоккале есть несколько страниц, где мы попробовали зафиксировать этот новый лексикон.

Новые слова:

спекульнуть

подрынок

полседьмого

Я пошел (говорится перед тем, как уйти) — я сейчас уйду

До скорого — вместо: до скорого свидания

Всего (подразумевается: всего хорошего)

Пока — до свидания (подразумевается)

Косая — тысяча рублей

петлить — авиационный термин=упасть с аэроплана и разбиться

угробился

уплотниться

использовывать

текущий момент

извиняюсь — вместо: виноват, простите

даешь

берешь

халтура

халтурить

керенка

максимка (поезд)

теплушка

шкловитяне
карточка
прикрепляться
буржуйка, птичка — временная печурка, заменяющая
большую печь
танцулька
пара минут
дамочка — обращение в смысле — сударыня (не фри-
вольно):
дамочка, позвольте вам помочь
гражданетка
определенно: у них определенно скучно. — Идете в театр?
— Определенно идем.
Ничего подобного!
Факт! Фактура!=само собой разумеется.

Во «Всемирной литературе» работала талантливая пере-
водчица Мария Никитична Рыжкина (псевдоним: Памбэ). Из
ее стихотворений мне особенно полюбилось одно. Было
странно, что такая мягкосердечная женщина может сочи-
нять такие свирепые строки:

Допотопная колыбельная песня
(для мужского голоса)

Заслоняет горизонт
Нам сегодня мастодонт;
У пещеры поперек
Развалился диплодок;
Словно парю литавр,
Лякнул пастью бронтозавр.
Все желают одного —
Слопать сына моего.
Я им сына не отдам,
Я три дня не кушал сам.

Июнь 1922 Памбэ, —
нежно посвящает другу, отцу и благодетелю,
милому Корнею Ивановичу.
И я попала в Чукоккалу!

«Всемирную литературу» часто посещал А. И. Куприн,
который редактировал для издательства сочинения своего
любимого Александра Дюма. Приходил он всегда с узелком,
в котором была горсть сухарей. Достав себе кружку воды,
уходил на кухню, усаживался там в уголке у холодной
плиты и долго по-стариковски, по-крестьянски грыз эти
сухари, макая их в воду.

У и понава в тугозвуч!

Опопотожная Ромбелная
песня

(Для медленного голоса)

Васюклет горизонт
Нам сегодня маскуют;

Ву пенсеры попереж
Развешенная дикладор;

Влюбко парю мнелю
Ясквизу пастю брантазю

Все делают одного
Слопаты сика моего. —

И ни сика не отдам

И ~~ни~~ три дня не Руман
сам.

1 мая 1912

Тамбэ —

нежно посвящает дружбу
отцу и благодаренно милому
Роберту Ивановичу 14 г.

Там же на кухне, во время еды, он написал мне в Чукоккалу:

Анекдот

Было когда-то удивительное время:

Заходил в булочную нищий. Крестился на образа. Потом:

— Ситный есть?

— Есть.

— Теплый?

— Как же...

— Ну, тогда подайте милостынюку, Христа ради.

Из чужих рук

А. Куприн

1919 13/III

Анекдот

Было когда-то удивительное время:

Заходил в булочную нищий. Крестился на образа. Потом:

— Ситный есть?

— Есть.

— Теплый?

— Как же...

— Ну, тогда, подайте милостынюку, Христа ради.

А. Куприн
1919

Куприн жил в то время в Гатчине и однажды, приехав в Петроград, подробно рассказал Горькому трагикомическую историю происшедшего у него обыска, после которого у него исчезла одежда и обувь.

Экспромт

(выдержанный в домашних подвалах, тщательно подготовленный)

После обыска

Ушли. Сижу я наг и бос
(Сапог и брюк мне не вернули),
А в голове зудит вопрос:
Сосья-иль-насьона лизнули?

А. Куприн
24/III

1919

(выдержанный в домашних подвалах, тщательно подготовленный)

После обыска

Ушли. Сижу я наг и бос,
(Сапог и брюк мне не вернули),
А в голове зудит вопрос:
Сосья-иль-насьона лизнули?

А. Куприн
1919 24/III

Издательство «Всемирная литература» работало под руководством Горького с марта 1918 года. После отъезда Горького за границу мы получили такую бумагу (которую я тогда же скопировал слово в слово):

Государственное Издательство
(петроградское отделение)
15 декабря 1924, № 19953.

Комиссии по приемке Ленпредгиза
и «Всемирной литературы».

В дополнение к распоряжению моему от 13-го декабря с.г. предлагаю Комиссии:

1. Немедленно принять от А. Н. Тихонова:
 - а) редакционный портфель и всю находящуюся в производстве лит.-издат. работу;
 - б) делопроизводство, счетоводство, отчетность, сметы и проч.;
 - в) список личного состава с точным обозначением характера работы каждого сотрудника и их анкеты;
 - г) дом № 36 по Моховой улице со всей его обстановкой;
 - д) весь инвентарь этого дома;
 - е) библиотеку.
- II. Тов. А. Н. Горлину принять заведование всей редакционной частью Ленпредгиза и «Всем. лит.».
- III. Всех сотрудников Ленпредгиза и «Всем. лит.» перевести в ведение Управления Делами Ленгиза.
- IV. Тов. А. Н. Тихонова считать, по сдаче им всех вышеупомянутых дел, в распоряжении Правления Ленгиза.

Заведующий
Госуд. Издательством РСФСР

15.XII.24 г., 19 час. Ионов

Илья Ионов, человек взбалмошный и деспотичный, впоследствии был снят за самоуправство. Пользуясь отсутствием Горького, он требовал роспуска «Всемирной литературы», с тем чтобы лишь некоторые из нас по его выбору приняли участие в работе иностранного отдела Госиздата, подчинившись заведующему этим отделом Александру Николаевичу Горлину.

Получив такое постановление, мы решили настаивать на том, чтобы весь рабочий аппарат «Всемирной», созданный Горьким, был сохранен во всей своей целостности в рамках Госиздата. Это наше требование Николай Осипович Лернер выразил в таком экспромте:

Ионову

Строптивость прежнюю кляня,
К тебе взываю я печально:
«Кит Ионов, проглоти меня, —
Но проглоти коллегиально!»

Член редакц[ионной] коллегии
«Всемирной литературы»

16 декабря 1924

Н. Лернер

Ионову.
Строптивость, преданно кляня,
К тебе взываю я печально:
«Кит Ионов, проглоти меня, —
Но проглоти коллегиально!»
16 декабря 1924. *Владимир*

Беззащитные члены редакционной коллегии «Всемирной литературы», вынужденные подчиниться приказу Иопова, могли реагировать на него только горькими шутками. Некоторые из этих шуток сохранились в Чукоккале. Профессор-шекспировед Александр Смирнов написал:

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

А. Смирнов

Поэт Михаил Лозинский нарисовал картинку, где «Всемирная литература» изображена в виде маленького суденышка, которое готов проглотить кит-Ионов, и сделал по-латыни оптимистическую надпись над гибнущим судном: *Колелбетса, но не тонет.*

Следующая надпись принадлежит знаменитому академику арабисту Игнатию Юлиановичу Крачковскому: *Жили были!.. но так было, так будет.* Ему же принадлежит арабская надпись.

Академик Сергей Федорович Ольденбург, непрменный секретарь Академии наук, выразил верную, но, увы, неосуществимую мысль: *Коллегия жива и, верю, будет жить, если останется коллегией.*

Знаток индийских языков, он приписал несколько непонятных знаков на языке урду или хинди.

К Ольденбургу присоединили свои подписи академик Владимирцев, профессор Жирмунский и заместитель председателя «Всемирной литературы» Аким Вольнский.

Все эти записи скреплены подписью секретаря «Всемирной литературы» Веры Александровны Сутугиной.

Михаил Лозинский изобразил происшедшее в таких меланхолических стихах:

Нету нам ни покрышки,
Ни донушка.
Издает наши книжки
Ионушка.

М. Л[озинский]

21.XII.24

Нету нам ни покрышки,
Ни донушка.
Издает наши книжки
Ионушка.

21.XII.24

М.Л. (Лозинский)

История Всемирной Литературы. Глава III и последняя

Слова!

По неуральности +

Евз.

16-XII-1924.

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно. Аминь

Жизнь - Зина!...
но Эта была, так будет

Коммунс асиль и веро, 21. Краков и др.
Гульм асиль, асиль
Аминь Коммунс В. Аминь
Угд. асиль, Аминь

العاقبة للثقي
(الثقي)
الثقي

(Роскош!)

С великим веро

Секретарь!

В. Смирнов

1) "Колесница, но не Золотая!"

Слова! По неуральности + Евз.

Жизнь - Зина!... но Эта была, так будет

Коммунс асиль и веро, 21. Краков и др. Гульм асиль, асиль Аминь Коммунс В. Аминь Угд. асиль, Аминь

Члены коллегии «Всемирная литература»: Стоят (слева направо): А. А. Смирнов, В. М. Алексеев, Н. О. Лернер, Б. Я. Владимирцев. Сидят: М. Л. Лозинский, А. Н. Тихонов (Серебров), А. Л. Волынский, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, К. И. Чуковский. Рядом с К. Чуковским — секретарь коллегии, В. А. Сутугина-Кюннер.

Когда «Всемирная литература» была закрыта, служащий в Гослите третьестепенный переводчик Александр Николаевич Горлин счел возможным совместить в своем лице всю научную коллегия «Всемирной литературы».

Гонорары шли теперь от него, и те деньги, которые выдавались по его распоряжению в Гослите, стали называться горлинками. С этим мы долго не могли примириться. Наше отношение к новому порядку вещей выразили два поэта — Осип Мандельштам и Бенедикт Лившиц.

Баллада о горлинках

Восстал на царство Короленки

Ионов, Гиз¹, Авессалом:

— Литературы-вырожденки²

Не признаем, не признаем!

Но не серебряные пенки,

Советского червонца лом,

И не бумажные керенки —

Мы только горлинки берем!

Кто упадет на четверенки?

(Двум Александрам тесен дом³.)

Блондинки, рыжие, шатенки

Вздыхнут о ком, вздохнут о ком?

Кто будет мучиться в застенке,

Доставлен в Госиздат живьем?

Воздерживаюсь от оценки:

Мы только горлинки берем!

Гордятся патриотки-венки

Своим слабительным питьем —

С лица Всемирки-Современки

Не воду пьем, не воду пьем!

К чему нам различать оттенки?

Не нам кичиться этажом.

Нам — гусь, тебе — бульон и гренки, —

Мы только горлинки берем!

Envoi:⁴

Князь Гиза, слышишь: к переменке

Поет бухгалтер соловьем:

¹ Гиз — сокращенное название Государственного издательства.

² Литературы-вырожденки. — Ионов и Горлин объявили ту литературу, которая издавалась во «Всемирной», упадочнической. Остальные намеки, заключающиеся в этой балладе, ныне стали для меня непонятными. Прошло всего полвека, но я успел позабыть подспудное значение многих стихов.

³ Двум Александрам тесен дом — намек на Александра Тихонова и Александра Горлина.

⁴ Envoi — заключительное четверостишие средневековой баллады, подводящее итог ее содержанию.

Задайте... ~~нашему~~ ~~Василию~~
Своим слабостям и мучам —
С миза Василия — ~~Современа~~
Не воду нам, не воду нам!
Вам нам разнораз ~~оффен~~?
Не нам ~~Евгения~~ ~~Своя~~.
Нам — ~~ура~~, тебе — ~~бурю~~ и ~~звезда~~ —
Моя ~~такого~~ ~~горю~~ ~~бед~~!

Эмми:

Эмми ~~ура~~, ~~сидим~~! Э ~~перенос~~
Наш ~~бухара~~ ~~сидим~~!
«Кто на ~~звезда~~ ~~нашим~~ ~~звезда~~?
«Моя ~~такого~~ ~~горю~~ ~~бед~~!»

~~Бенедикт~~ ~~Михай~~ ~~Василию~~
с Д. Мандельштамом в ночь на
25. II. 1924.

«Кто на кредитки пялит зенки?
Мы только горlinks берем!»

Бенедикт Ливищ
вместе с О. Мандельштамом
в ночь на 25.XII.1924.

Историку «Всемирной литературы» неизбежно придется вспомнить о той студии, которую мы, «всемирные литераторы», открыли при содействии Горького в Петрограде на Литейной улице в доме Мурузи.

Студия была организована первоначально для усовершенствования мастерства переводчиков, работающих в нашем издательстве. Однако вскоре она переменила свой профиль и по желанию студийцев превратилась в нечто вроде факультета по изучению русской и иностранной литературы.

«В студии, — писал впоследствии Горький, — собралось человек сорок молодежи, руководителями ее выступили члены редакционной коллегии «Всемирной литературы»: новеллист Евгений Замятин, хороший знаток русского языка; критик Корней Чуковский, филологи Лозинский, Шилейко, Шкловский и талантливый поэт Николай Гумилев»¹.

Из нашей студии впоследствии вышли писатели: Мих. Зощенко, Вл. Познер, Мих. Слонимский, Ел. Полонская, Лев Лунц и другие. Подробно о ней я рассказал в своей статье, посвященной Зощенко².

Студия очень мало отразилась в Чукоккале.

Наиболее интересна запись Шкловского, который был тогда столпом формализма и выразил в Чукоккале свое тогдашнее кредо:

Новая форма в искусстве является не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старую форму, переставшую быть художественной.

Из Виктора Шкловского
с уважением извлек он же.

28 июля 1919 года

Новая форма в искусстве является не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старую форму, переставшую быть художественной.
Из Виктора Шкловского
с уважением извлек он же.
28 июля 1919 года

Каждый из руководителей студии тянул в свою сторону: Шкловский — в свою, Замятин — в свою, Гумилев и Лозинский — в свою. Каждый пытался навязать молодежи свой собственный литературный канон. Мудрено ли, что в

¹ «Литературное наследство», т. 70. М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, стр. 561.

² К. Чуковский Собр. соч., т. 2. М., 1965.

первый же месяц студиицы разделились на враждебные касты: шкловитяне, гумилевцы, замятинцы, чуковисты.

И все эти разнородные касты без конца сражались меж собой. Это отразилось в записи Лунца, который был вначале чуковистом, а впоследствии стал шкловитянином:

Жил же был крокодил
Он по Студии ходил
По-чуковски говорил,
Шкловитистов учил
И меня в том числе очуковливал.
Иуда-шкловитянин
Лева Лунц

Жил да был крокодил,
Он по Студии ходил,
По-чуковски говорил,
Шкловитистов учил
И меня в том числе очуковливал.

Иуда-шкловитянин
Лева Лунц

Формализм был для меня как всеобъемлющая теория неприемлем. Все же я не мог не сочувствовать ему и его проповедникам, так как они разрушали закоряченные догматы свирепствующей в то время вульгарно-социологической школы. И кроме того, у них была милая моему сердцу черта: внимание к форме литературных творений, которое по многим причинам было прежними критиками приглушено и ослаблено.

«Распри» чуковистов и шкловитян запечатлелись на этой странице Чукоккалы:

Чертвое сердце Александры Лазаревны,
остаток ~~от~~ часовнику Корнею
Ивановичу, пахав, о ~~от~~ многозначительном
дне, когда Чуковисты, помыли котелок на Майдане,
Помните композиционную оснву

Чертвое сердце Александры Лазаревны оставляет человечному Корнею Ивановичу память о сем многозначительном дне, когда Чуковисты пошли походом на Шкловитян.

Помните композиционную осн-
нову.

А. Векслер
10 сентября 1919 года

Поменьше литературной фар-
мацевтики!

Мих. Зощенко

А. Векслер
10 сентября 1919 года. Поменьше
литературной
фармацевтики!
Мих. Зощенко

История студии изложена в следующих сатирических стихах Владимира Познера:

*Была весна, открылся дом Мурузи,
Звезда эйделологии зажглась,
И критика там в тройственном союзе
С поэзией и прозою слилась.
И Гумилев, и Левинсон, и Шкловский,
И Лернер, и Данзас блистали там.
При входе в Студию Корней Чуковский
Почтительно сгибался пополам.*

*Настало лето. Прилагал старанья
Сам Шкловский, чтоб вдолбить ряды основ.
«Сантиментальное» осталось «воспитанье»,
Хотя и выгнал сантименты Гумилев.
Но все же всяк, храня завет отцовский,
По грезам тосковал и по мечтам.
Все так же в Студии Корней Чуковский
Почтительно сгибался пополам.*

*Настала осень, Студия пустела;
Один лишь слушатель остался, рьян,
На кофе Муза с ужасом смотрела
И на последнего из могикан.
Безлюден семинарий гумилевский,
Разбросаны таблицы по столам.
Как прежде, в Студии Корней Чуковский
Почтительно сгибался пополам.*

*Зима настала, серебрился иней,
И толстым слоем льда покрылся зал.
На кухне был потоп, пожар в камине,
Никто уж боле лекций не читал.
По комнатам бродил с Потемней Веселовский,
Давая волю вздохам и слезам.
Как древле, в Студии Корней Чуковский
Почтительно сгибался пополам.*

В. Познер

21 ноября 1919 г.

Работая в студии Дома искусств, Михаил Леонидович Лозинский, впоследствии известный переводчик Данте и Шекспира, установил оригинальный метод «соборного перевода»: небольшая группа квалифицированных переводчиков, собравшись в одной из малых аудиторий, переводила больше года под руководством Лозинского сообща строку за строкой какое-нибудь из труднейших произведений французской поэзии, например — сонеты Эредиа. Работа Лозинского про-

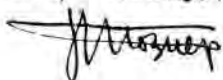
Была весна, открылся чол Мурсы,
Звезда, эфелополити заисудав,
и являлся уам в ^{тризвенном} союзе
с пиздий и прозоту спитас.
и ямилев, и Левинсон, и Шаловский,
и Пернер, и Данзас блисали уам.
При входе в Судию Корней Чуковский
Почтиательно сиделся ~~появлял~~.

Настало лето. Припала старань
там Шаловский, чтоб вдобавь ряди основ.
«Французское» всталось «визитанье»,
хуж и выгнал самуилену, Бучилев.
Но все-же всяк, храня завет оуковский,
по гредом уосковал и по жетам.
Все уа-же в Судии Корней Чуковский
Почтиательно сиделся ~~появлял~~.

Настала осень, будучи пиздети;
Один лишь слушатель ослася, ржан,
Ни Росе-Луза с укасом смозрети,
и ни. Писавшего до томка.
Безлюден смитидий и милевский,
разеробаны, вистины, до стр. ии.
Вая гредом в Судии Корней Чуковский
Почтиательно сиделся ~~появлял~~.

Зима настала, серебрился иней,
и полерым елем ляди поарылся зал.
Ни кучка был поуст пжар в Акалине,
Никто из боле лекции нежал.
Но вспоминал в бродил с Почтой Веселовский,
Давая волно ~~пиздети~~ следом.
Вая гредом в Судии Корней Чуковский
Почтиательно сиделся ~~появлял~~.

не Познер
и Половская

21 ноября, 1919г.

Пам'ятник.

Я пам'ятник вудив сирото-переводчик,
Тот сирота голосе зборнадага рат,
И - сонна злугного сиротини корисен -
Не треба наград за подвиг Благородний.

Слух обо мнѣ пройде у сироту Пелли хомодной
Дружбѣ, зде мнѣ класическѣм Агасѣ,
И похвалѣ восхваляе мнѣ творец,
Как самий рѣдкостный и самий Бездомный.

О мнѣ, та одна нѣтъ судѣ!
Умѣю же в мнѣ стѣну злѣту Фредѣ -
Дрок, сиротой, злог, мак, анемон и мнѣрник.

И пусть Агасѣм Мнѣр, злѣту, зде злѣту
Французскѣм подмѣтник не кунѣт злѣту,
У Благороднѣм Благороднѣм похвалѣ мнѣ Благороднѣм.

9 мая 1923.

М. М. Мнѣр

*) Благороднѣм, «хоть и лонной злѣту, по все таки мнѣрнѣ» который, «как в старину рѣко песни к подложного Бом» презентовать вписывающа мнѣрнѣ и сиротной готовѣ и корю восемь дев» при «Благороднѣм нѣту» 9 мая 1923 в лондѣ завершеніе тѣлѣнѣ работѣ над совершеннѣм переводом сонетѣ из «Порѣе» Фредѣ.

исходила таким образом: кто-нибудь (чаще всего сам Лозинский) предлагал свой вариант перевода первой строки; его соавторы один за другим предлагали улучшенные варианты той же строки. Количество этих вариантов иногда доходило до тридцати. Всякий раз утверждался тот, который был одобрен всем коллективом.

Работа над переводом Эредиа продолжалась несколько лет. Участники «соборного перевода» подарили своему руководителю на память очень редкостный в те времена подарок — кожаный бумажник, по поводу которого Лозинский написал в Чукоккалу следующий выпренный сонет:

Памятник

*Я памятник воздвиг соборно-переводный,
Где слиты голоса четырнадцати феи,
И — сонма звучного счастливый корифей —
Не требую наград за подвиг благородный.*

*Слух обо мне пройдет от струй Невы холодной
Дотуда, где шумит классический Алфей¹,
И поколения восславят мой трофей,
Как самый редкостный и самый бездоходный.*

*О Муза, ты одна поэту судия!
Вплетай же в мой венец цветы Эредиа —
Дрок, сатурой, глог, мак, анемон и шпажник.*

*И пусть Альфонс Лемерр, увидев, что вовек
Французский подлинник не купит человек,
В бессильном бешенстве похитит мой бумажник! **

М. Лозинский

9 мая 1923

* Бумажник, «хотя и полный чувств, но все-таки пустой», который, «как в старину руно несли к подножью бога», презентовали вышеподписавшемуся «смирный юноша и сорок восемь дев» при «*Epigramme votive*» 9 мая 1923 в память завершения трехлетней работы над совместным переводом сонетов из «*Trophées*» Эредиа.

¹ Алфей — река в Греции, впадающая в Ионическое море. Согласно греческой мифологии, Геркулес очистил авгиевы конюшни, повернув к ним русло Алфея.

и души и (фусствн
и сорафвн Сторашини

3

КУССТВ
Герберт Уэллс

КУССТВ
Герберт Уэллс
Зайцев
НАРЕВ

В июле 1919 года я посетил по делам «Всемирной литературы» Москву и там прочитал несколько лекций во Дворце искусств, которым заведовал поэт И. С. Рукавишников. Дворец искусств помещался в том самом доме, где теперь Союз писателей. Мне пришло в голову, что такой же «дворец» необходимо создать и в Питере.

Я стал хлопотать об организации филиала Дворца искусств в Петрограде. Дело долго не сдвигалось с мертвой точки, покуда во главе учреждения не встал А. М. Горький. Ему усердно помогал А. Н. Тихонов (Серебров), взявший на себя всю организационную работу.

Благодаря нашим общим усилиям 19 ноября 1919 года на Невском, 57, в бывшем дворце петербургского богача Елисеева состоялось заседание по открытию Дома искусств, не зависевшего от московского «дворца».

Когда мы все собрались, я попросил А. А. Блока вести в Чукоккале протокол этого заседания. Протокол приводится в печати впервые (стр. 248, 249).

*Открытие Дома Искусства
19 ноября 1919 года*

Протокол заседания, происходившего в помещении «Петербургского Пулеметного Гнезда».

Присутствовали: М. И. Бенкендорф, А. Н. Тихонов, М. В. Добужинский, Ю. П. Анненков, В. А. Шуко, В. И. Немирович-Данченко, К. И. Чуковский, А. А. Блок, А. Я. Левинсон, Ф. Д. Батюшков, А. Е. Кауфман, П. В. Сазонов, Н. С. Гумилев, С. Тройницкий, Альб. Н. Бенуа, С. Ф. Ольденбург, Е. И. Замятин, В. Н. Аргутинский-Долгоруков.

- 1. Избрание председателем В. И. Немировича-Данченко.*
- 2. А. Н. Тихонов читает о целях и задачах «Дома Искусств» — сочинение И. С. Рукавишникова, в котором самое страшное — о мастере и о том, что мастером легко перестать быть, и даже могут выгнать из мастеров.*
- 3. Разносят настоящий чай, булки из ржаной муки, конфеты елисеевские. Н. С. Гумилев съедает 3 булки сразу. Все пьют много чаю, кто успел выпить стакан, просит следующий, и ему приносят.*
- 4. Слово А. Е. Кауфмана. 1. Не хочет быть филиальным отделением Рукавишникова; 2. Хочет теплого угла для холодеющих литераторов.*
- 5. А. Н. Тихонов отвечает, что филиальность не связывает.*
- 6. Ю. П. Анненков ест безостановочно.*
- 7. П. В. Сазонов дополняет слова А. Н. Тихонова.*
- 8. А. Е. Кауфман говорит о толках.*

ОТКРЫТИЕ

Дома Искусства

19 ноября

Протокол заседания, ^{1919 года,} происходившего в помещении
"Петербургского Туземетного Тельода".

Присутствовали: М. И. Бенкендорф, А. Н. Тихонов,
М. В. Добудинский, Ю. П. Анненков, В. А. Шуко, В. И.
Немирович-Данченко, К. И. Туховский, А. А. Блест, А. Д.
Левансон, О. Д. Батюшков, А. Е. Каурман, П. В. Сизанов,
Н. С. Тумилев, С. Тропинкин, Алб. Н. Берже, С. О. Олве-
бюм, Е. И. Замытня, В. К. Врутинский-Долгоруков

1. Избрание Председателя В. И. Немирович-Данченко.

2. А. Н. Тихонов читает о цели и задаче "Дома
Искусств" — сочинение Н. С. Туховского, в котором
самое строгое — о мастерах и о том, где мастера
легко известны и где, а где могут быть и
мастера.

3. Разноят настоящих газ, булки из ржаной муки,
кокорет Емельевских. Н. С. Тумилев сподает, 3 булки
сразу. Вет пьют много газ, кто устал выпить
стакан, просит андучий, и ему прохвасит.

4. Слово А. Э. Казорина. 1. Не хочет быть гласным отделием Губовича; 2. Хочет темное дело до холодных итупить.
5. А. Н. Тихонов отбегает, что гласный не свертывает.
6. Ю. П. Анисимов встает безостановочно.
7. П. В. Седов докладывает слово А. Н. Тихонов.
8. А. Э. Казорин говорит о толпе.
9. К. И. Губович спрашивает, каков?
10. А. Э. Казорин рассказывает о сужии.
11. К. И. Губович отвергает сужии.
12. С. Ф. Овсенбург докладывает К. И. "Аналогичность".
13. А. Н. Тихонов докладывает о сужии, его товарищах и секретарях, докладывает А. М. Турбин, М. В. Добуткин и Е. И. Зайтун. Присутствующие.
14. М. В. Добуткин отговаривается.
15. Его просят не спешивать.
16. Бывший согласен.
17. Выбирается второе товарище. Отговаривается П. В. Седов, С. Ф. Овсенбург и К. И. Губович.
18. Присутствующий Ю. П. Анисимов ставит три слова.
19. П. В. Седов соглашается быть товарищем. Аналогичность.
20. Е. И. Зайтун докладывает.

Это становится серьезным. Обедом Седов приходит и М. И. Бенкедорф.

Анисим

9. К. И. Чуковский спрашивает, какие?
10. А. Е. Кауфман рассказывает слухи.
11. К. И. Чуковский опровергает слухи.
12. С. Ф. Ольденбург благодарит К. И. «Аплодисман».
13. А. Н. Тихонов предлагает избрать председателя, его товарища и секретаря, выдвигая А. М. Горького, М. В. Добужинского и Е. И. Замятина. Принято.
14. М. В. Добужинский отказывается.
15. Его просят не спячиваться.
16. Бедный согласился.
17. Выбирают второго товарища. Отказываются П. В. Сазонов, С. Ольденбург и К. И. Чуковский.
18. Перед Ю. П. Анненковым стоят три стакана чаю.
19. П. В. Сазонов соглашается быть товарищем. Аплодисменты.
20. Е. И. Замятин предлагает.
Дело становится серьезным. Обязанности секретаря переходят к М. И. Бенкендорф.

Ал. Блок

Чай с сахаром и булка были в то время такими необычными явлениями, что Блок счел необходимым занести их в протокол, а художник Ю. Анненков нарисовал их в Чукоккале. Мало того: М. В. Добужинский счел этот рисунок недостаточным и сделал булку фундаментом Дома искусств.

Происхождение роскошных яств объясняется тем, что в качестве хозяйственника я по чьей-то рекомендации пригласил некоего П. В. Сазонова, оказавшегося впоследствии темным дельцом. Чтобы завоевать симпатии будущих руководителей Дома искусств, он решил пустить нам пыль в глаза.

Я забыл сказать, что во время моей работы в Доме искусств мне приходилось не раз ездить в Москву по делам нашего учреждения и читать во Дворце искусств одну или несколько лекций.

Во время одной из таких поездок я виделся с Вячеславом Ивановым, и он по моей просьбе отозвался на мою анкету о Некрасове:

1. Любите ли Вы стихотворения Некрасова? — *Нет!*
2. Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими? — *«Власа» люблю и ценю особенно и с детства, — следовательно, не за Достоевским. — «Ой, полна, полна коробушка...» — удивительная песня!*
3. Как Вы относитесь к стихотворной технике Некрасова? — *С большим уважением; его искусство не пленяет, но порой обнаруживает силача.*
4. Не было ли в Вашей жизни периода, когда его поэзия была для Вас дорожке поэзии Пушкина и Лермонтова? — *Никогда.*
5. Как относились Вы к Некрасову в детстве? — *«Власа» узнал и полюбил я на восьмом году жизни. Какой-то довольно ранний сборник его стихов попал мне в руки, когда я был лет 10—11. Я испытал живое ощущение ненастного унылого дня, когда моросит дождь; защемило сердце. Сильно врезались в душу: «Я жил, как многие, в глуши...», «Пахарь», «Правда, не клуб ли вороньего рода...», «Не гулял с кистенем...», «Заунывный ветер гонит...», ноне как цельные произведения и замыслы, а частностями, иногда отдельными строфами.*
6. Как относились Вы к Некрасову в юности? — *Как-то — забыл, что меня удивляет, так как сам в юности был поэтом-народником (эти juvenilia не напечатаны и растеряны).*
7. Не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество? — *Не думаю.*
8. Как Вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала»? — *Может быть, и не ночевала, но, во всяком случае, приходила к нему по ночам, иногда на минуту, чтобы взглянуть на него безумными глазами, как будто полными укора, и уйти — в ночь и ненастье, на осеннюю*

улицу. Некрасов был по-своему «проклятым» поэтом, поэтом во всяком случае, но таким, у которого отнята благодать.

9. Каково Ваше мнение о народолюбии Некрасова? — В искренность Некрасова верю всецело.
10. Как Вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек? — Едва ли не как к сплетне, отличие которой всегда составляет внутренняя психологическая ложь.

Вячеслав Иванов

Москва, 10 августа 1919 г.

Комментировать эту анкету не буду. Скажу только, что, когда Вяч. Иванов на мой вопрос, любит ли он стихотворения Некрасова, ответил лаконическое: «Нет!» — и поставил при этом восклицательный знак, я ожидал, что в дальнейших ответах он отнесется к Некрасову столь же сурово. Но, к моему удивлению, чем больше мы говорили о Некрасове, тем восторженнее отзывался о нем Вяч. Иванов и, наконец, вспомнив «Власа», «Коробейников» и другие стихи, достал с книжной полки «Стихотворения» Некрасова и стал читать их с большим восхищением. Это восхищение сказалось в его дальнейших ответах. Сообщаю этот эпизод для того, чтобы лаконичное «Нет!» Вячеслава Иванова не ввело никого в заблуждение.

В этот же приезд я собирался на одной из своих лекций сказать несколько слов о статье Вячеслава Иванова, посвященной пушкинским «Цыганам», которая в свое время мне очень понравилась. Вячеслав Иванов знал об этом и пришел послушать мою лекцию.

В самый последний момент администрация предложила мне сократить ее чуть ли не вдвое, так как выяснилось, что после нее намечается обширный концерт. Из-за этого мне пришлось выбросить весь тот кусок, где говорилось о статье Вячеслава Иванова. Поэт, не зная причины моего умолчания, объяснил его лукавым маневром и, взяв у меня в тот же вечер Чукоккалу, вписал свой стихотворный экспромт, который я считаю одним из лучших стихотворений в Чукоккале: такое оно классически четкое, остроумное, меткое. Начинается оно похвалами, а кончается суровой хулой:

Чуковский, Аристарх прилежный,
Вы знаете — люблю давно
Я вашей злости голос нежный,
Ваш ум, веселый, как вино.

И полной сладким ядом прозы
Приметливую остроту,
И брошенные на лету
Зоилиады и занозы,

Суровый, приставить привередный,
Мы знаем — остро давно
А нашей злости готовь илронной
Маша. ушь веселой, как. вино,

И торной саживая Ядоху прохв
Приятливую остроту,
И брошенном на-лету
Зонтиком и заносы,

Мору-цимири, нору-лиризию,
Всей притворчившей Рукавост,
Ручей словорившей картаваит
И махадой авантаризики.

Москва,

12 авг. 1919

Вечеслав Иванов

*Полу-цинизм, полу-лиризм,
Очей притворчивых лукавость,
Речей сговорчивых картавость
И молодой авантюризм.*

Вячеслав Иванов

Москва

12 авг. 1919

Как известно, в Древней Греции существовало два типа критиков: Аристарх и Зоил. Аристарх был благодушен, справедлив, работающ. Зоил, напротив, отличался мелочной и недоброй придирчивостью. Язвительность экспромта Вяч. Иванова в том, что, назвав меня в первой строфе Аристархом, он в следующей приравнял меня к Зоилу.

Дом искусств сделался центром, объединяющим петроградскую интеллигенцию.

В Доме искусств устраивались выставки картин (Замирайло, Кустодиева, Петрова-Водкина, Александра Бенуа и других). Ежедневно читались лекции по вопросам литературы и искусства. Этими лекциями заведовал я, а художественной частью — Александр Бенуа и М. В. Добужинский.

Наша студия из дома Мурузи тогда же перекочевала в Дом искусств, где чрезвычайно расширилась. Нам, руководителям Дома искусств, приходилось очень много заседать. На одном из таких заседаний художник Петр Иванович Нерадовский, директор Русского музея, очень похоже нарисовал Александра Бенуа.

Кроме того, Дом искусств стал общежитием для десятков бездомных литераторов и художников. Там поселились в отдельных комнатенках писатели Николай Гумилев, Николай Тихонов, Всеволод Рождественский, Ольга Форш, А. С. Грин, А. Л. Волынский, Вал. Чудовский, Мих. Слонимский, Мих. Зощенко, Осип Мандельштам, Вл. Пяст; художник В. Милашевский, скульптор Ухтомский и другие.

Вначале в виде опыта решено было предоставить комнаты лишь очень немногим. В Чукоккале сохранились два документа, относящихся к этому расселению писателей.

При Доме искусств открывается общежитие для писателей и художников.

Имеется 6 теплых меблированных комнат. Комнаты сдаются временно — по 1-е марта. Записываться у секретаря.

Просят снимать калоши.

В первую очередь записаны следующие лица:

Волынский, Андрей Белый, А. Ф. Даманская, Мих. Кузмин, А. М. Ремизов, Шкловский, Пяст.

11 дек. 1919 г.
М. П. Мухоморов

Портрет
Александра Блока
Зом Невин

Многоуважаемый Яков Александрович!

Из числа лиц, которым по постановлению Совета предоставлены комнаты в Доме Искусств, некоторые (в том числе В. Шишков) отказываются от комнат. Одну из освобождающихся комнат нижеподписавшиеся члены Комитета считают необходимым предоставить поэту О. Мандельштаму.

Евг. Замятин, К. Чуковский

17/X 1920 г.

Романист и археолог Алексей Михайлович Ремизов был совершенно не приспособлен для суровой жизни двадцатых годов в Петрограде.

Единственное, что он умел, — это обращаться ко всем, главным образом не к тем, к кому следовало, с самыми трогательными (в большинстве случаев демонстративно нелепыми) просьбами о помощи, написанными старинной затейливой вязью.

Некоторые из этих прошений, обращенных в Дом искусств, сохранились в Чукоккале.

*В Дом Искусств
В совет старейшин
Алексея Ремизова
Жалобное о помощи*

Прошу, если возможно, не откажите, выдайте мне денег долгосрочно:

*захирел
и озяб;*

То, что получаю, мне никак не хватает при всяких выдумках, терпении и внушениях.

Если бы я был как человек, я бы безропотно держался и тем, что есть.

О моей боли расслабляющей и потом требующей, знает всякий, с кем судьба сводила в делах и так — у дел за много лет.

И если еще жив и обманываю своим лётном стрекозым и опухом соблазняю, жив и живу добротой человеческой.

Передаю через Вячеслава Яковлевича Шишкова, который и свидетельствует.

*Алексей Ремизов
В[асильевский] О[стров]
14 л[иния] 31, кв. 48
209—69*

*14 VI.
МСМХХ*

Моя дочь и чувства
моя соработница старушкин

АЛЕКСЕЯ РЕЧИЦОВА

Малолетное о помощи

прошу, если возможно, не откажитесь, выдать ли
денег дохворости

захироты
и озада

то, что получаю, мне никак не хватает
при великих величинах, терпении и выносливости *
если бы я был, как человек, я бы
безропотно держался и твоей, что есть *
о моей боли разслабляющей и потому пре-
бывающей, знает великий, с кем я работаю своим
в делах и паху - и где за мною *
и если еще живу и обманываю своих
летом стрессовым и опухшим содержанием,
живу и живу добротой человеческой *

Таким же удивительным почерком А. М. Ремизов нередко писал даже частные письма. Привожу одно из них — ко мне.

5 февраля 1917
В. О. 14 л. 31 (кв. 48)
209-69

Дорогой Корней Иванович!
Приходил Зиновий Исаевич,
сказал мне, что забракованную
Радугю сказку мою про лису ле-
тучую передал он вашей милости.
Смилуйтесь, пожалуйста, ве-
лите прислать мне за нее ра-
душный сторублевый гонорар.
А если ее и у вас забраковали,
известите меня — завтра масле-
ница. Алексей Ремизов

Почему вы не привлечете та-
кого детского писателя, как
Мих. Мих. Пришвин * (В. О. Туч-
ков пер. 11, кв. 19, т. 130-18) (до
12 и после 7). Детям рус[ским]
надо и рус[ский] язык. Наверное,
только в России такая чепуха: пи-
шут по-тарабарски и очень до-
вольны.

* Ученик Вас. Вас. Розанова и
член Совета М[инистерства]
Т[орговли] и Промыш[ленности].
Его Превосходительство. (На
адресе.)

Письму бы не пришло в голову детского писателя, как
Мих. Мих. Пришвин * (В. О. Тучков пер. 11 кв. 19 т. 130-18 (до 12 и после 7)) Зеттуха:
Письму бы не пришло в голову детского писателя, как
Мих. Мих. Пришвин * (В. О. Тучков пер. 11 кв. 19 т. 130-18 (до 12 и после 7)) Зеттуха:
Письму бы не пришло в голову детского писателя, как
Мих. Мих. Пришвин * (В. О. Тучков пер. 11 кв. 19 т. 130-18 (до 12 и после 7)) Зеттуха:

5 февраля 1917

В. О. 14 л. 31 (кв. 48. 209-69)

Дорогой Корней Иванович!
Приходил Зиновий Исаевич,
сказал мне, что забракованную
Радугю сказку мою про лису ле-
тучую передал он вашей милости.

Смилуйтесь, пожалуйста, ве-
лите прислать мне за нее ра-
душный сторублевый гонорар.

А если ее и у вас забраковали,
известите меня — завтра масле-
ница. Алексей Ремизов

Почему вы не привлечете та-
кого детского писателя, как
Мих. Мих. Пришвин * (В. О. Туч-
ков пер. 11, кв. 19, т. 130-18) (до
12 и после 7). Детям рус[ским]
надо и рус[ский] язык. Наверное,
только в России такая чепуха: пи-
шут по-тарабарски и очень до-
вольны.

* Ученик Вас. Вас. Розанова и
член Совета М[инистерства]
Т[орговли] и Промыш[ленности].
Его Превосходительство. (На
адресе.)

Еще в дореволюционное время Алексей Михайлович Ре-
мизов из озорства, для потехи создал шуточную Великую
Обезьянью Палату, кавалерами которой были выбраны
некоторые из его друзей-литераторов, в том числе и я. Ка-
валеры Обезьяньего знака сокращенно назывались каво-
безны, и среди них была установлена Ремизовым строгая
иерархия.

Одно из приводимых здесь писем обращено ко мне, как к
кавалеру Обезьяньего знака, от лица других членов Обезья-
ньей Палаты: Ал. Блока, С. Алянского, Алексея Кирил-
лова.

Кавалеру Обезьяньего Знака
Корнею Ивановичу Чуковскому

от сотрудников Алконоста
кавалеров Обез[ьяньего] зн[ака]

Алянского, Блока, Ремизова, б[ывшего] канцеляриста,
политкома Об[езьяньей] вел[икой] вол[ьной] пал[аты]
Кнорре (Алексея Кириллова)

Всемиловейшее прошение

Припадая и проч., просим содействия на получение
из Райпродукта предметов первой необходимости:
соломенных или фетровых шляпов
сорочек внешних

воротничков мягких
помочей или подтяжек
носков или чулков по возможности

ВИК ОБ. ЗН. С. Алянский
Б.К.ПК. ОБ. ЗН. Алексей Ремизов
ожидающие хотя бы частичного успеха.

п.4 IV
22 III — 21 (6)

Эта челобитная была совершенно бесцельна: Дом искусств не имел никакого отношения ни к шляпам, ни к воротничкам, ни к подтяжкам.

В Доме искусств мне почти каждый вечер приходилось читать лекции или вести студийные занятия.

Портрет работы С. В. Чехонина изображает меня в моей привычной позе во время чтения лекции.

Лекциями и семинарами не ограничивалась наша работа в Доме искусств. Организационные дела и хлопоты поглощали у нас много сил. Помню, что, когда мы с Евгением Ивановичем Замятиным и Александром Николаевичем Тихоновым поздно ночью составляли второй номер журнала «Дом искусств», мы испытывали такую усталость, что никак не могли вспомнить (и целую минуту вспоминали), какой же месяц следует за февралем, после чего Тихонов все время говорил о каком-то великом поэте, фамилия которого начинается на Ф, — и оказалось, что это Тютчев.

Переутомление было тогда моим обычным состоянием.

Поэтому мне так дороги сочувственные строки, написанные в это трудное время одной из студийек — Ольгой Дьяковой.

*На самых скучных лицах меньше скуки.
Идет. Еще один аршинный шаг —
И на столе живут большие руки
Вокруг больших, внушительных бумаг.
Вот вкрадчивым, приветливым вступленьем
Погладил публику, как будто лапкой кот,
И как артист, влюбленный в исполнение,
Свою статью торжественно поет.
Но прежнего веселья не осталось,
Он в шутку не пройдет на руках,
Надломленная светится усталость
В его молчанье и его словах.
Не мчится мысль, как быстрые салазки,
Весь город мертвый, тусклый, снежный шар.
Не слушает он ласковые сказки,
Которые воркует самовар.*

*Все в голове одни мелькают строчки,
А были ведь и роца, и река,
И синие меж листьями платочки,
И выпуклые облака.
Забывать трамваи, лекции, газеты,
Дышать в душистом, золотом тепле.
Он создан для того, чтоб на земле
Его любили дети и поэты.*

Конечно, в альбомных стихах самое обыкновенное дело — похвалы хозяину альбома. Этими похвалами я не обольщаюсь несколько — и спешу противопоставить им злую хулу, с которой обрушивались на меня с давних времен разные газетные зоилы. Наиболее типичной я считаю следующую рецензию Меба об одной из лекций, прочитанных мною в Москве.

*Чуковский — о своей лекции
(По поводу лекции К. Чуковского в Москве).*

Не бывало до сих пор!!!
Вечер шумного успеха!!!
В Петербурге полный сбор!!!
Грандиознейший фурор!!!
Пять скончавшихся от смеха!!!
Сто эффектных номеров!!!
Анекдот из оперетки!!!
Ряд опаснейших прыжков
Без веревки и без сетки!!!
Отменить должны в Москве
В этот вечер все спектакли!
Камни бью на голове,
Ем куски горячей пакли!
Разорвав в клочки платок,
Вновь в одно сливаю части,
Вынимаю кошелек
Из раскрытой львиной пасти!
Двести сорок тысяч слов
Извергаю во мгновение.
Объясняю разных снов
Сокровенное значенье!
Подношу российский «шиш»
Всяким «графам» я и «фонам»,
В заключение матчиш
Я танцую с Пинкертоном.
Небывало до сих пор!!!
Безусловно — не реклама!!!
В Петербурге полный сбор!!!
Грандиозная программа!!!

Все немедленно должны
Поспешить насчет билета!
Дети платят полцены!
При театре — два буфета!!!

(«Раннее утро»)

Стихи талантливые. Судя по словарю псевдонимов, Меб — это Михаил Мартынович Бескин, присяжный газетный фельетонист.

Новый — 1920-й — год я встречал в Доме искусств с молодыми писателями, бывшими слушателями нашей литературной студии. Там мы затеяли игру в буриме. Всем было предложено составить стихи, в которых были бы следующие рифмы, расположенные в определенном порядке: Новый год, встречаем, урод, чаем, и т. д.

Первую премию за лучшее буриме получил Михаил Слонимский, ныне известный писатель, автор «Книги воспоминаний», вышедшей в 1966 году, где студия Дома искусств изображена живыми и светлыми красками.

Для нас Чуковский — Новый Год,
Его мы с радостью встречаем,
Он хоть и сед, но не урод,
Его мы угощаем чаем.

И длиннорук, как канделябр,
И громоглазней громких арий,
Длиннее самых длинных швабр,
Он радостен, как пролетарий.

А завтра он — какой позор! —
Стоит торжественней, как ода,
Но склонный хрунуть, как фарфор,
В дверях Компрос — Комбед — Компрода.

31/XII 1920 г. — 1/I 1921 г.

М. Слонимский!

М. Слонимский.
Фото М. Наппельбаума

На встрече Нового Года
(Буриме)

Для нас Чуковский — Новый Год,
Его мы с радостью встречаем,
Он хоть и сед, но не урод,
Его мы угощаем чаем.

И длиннорук, как канделябр,
И громоглазней громких арий,
Длиннее самых длинных швабр,
Он радостен, как пролетарий.

А завтра он — какой позор! —
Стоит торжественный, как
ода,

Но склонный хрунуть, как
фарфор,
В дверях Компрос — Комбед —
Компрода.

М. Слонимский

31/XII 1920 г. — 1/I 1921 г.

Мнение на том что Некрасов не знал

Подумано. Но о том
таких гражданских воле

Какие описаны лурини? В дескрипте огеи
Кравичи сб (мф 9) фронки "безмудрый эрсадик"
Поимити Кравичи по илюстрирован

Как вы относитесь к ситовор. Тетянина Н-ва?

Слегка иррациональн. Это мой писат. все же
маленький образчик водевилли. Короче бы был

Не тако ли в Н/урии перах, когда сию подлин

Она для нас дороже подлин Пушкин и Лерн?

И сравниваем по полному и интересу
Двери утомительны.

• Как вы относитесь к Н. в веро^е Мракован
цифры во 2 классе на веро^е "Размышления"
Книжки наравн. Филарет и познания

В юности? И сегод. меня замечали
фронкой "на диво аномальной. возок"

Не окаяла ли Н. Влияние на Ваше творчество
неизбежно.

Как вы относитесь к утверждению Мухомова
по поводу и не поговори в стихах Н.?
Утверждению не знаю. И отношусь никак
О кардинальном Некрасове.

Дело ясное.

Как вы относитесь к распростр. мнению, будто
а там только остракизация? Вмн. илюстрирован

Когда я встретился с Маяковским в Москве, при мне не было листка моей анкеты. Зайдя вместе с Владимиром Владимировичем в какое-то кафе, я наспех составил другой. Маяковский, вообще скептически относившийся к подобным листкам, отвечал на все мои вопросы шутливо.

1. Любите ли Вы стихи Некрасова? — *Не знаю. Подумаю по окончании гражданской войны.*
2. Какие считаете лучшими? — *В детстве очень нравились (лет 9) строки «безмятежней аркадской идиллии». Нравились по непонятности.*
3. Как Вы относились к стихотвор[ной] технике Н[екрасо]ва? — *Сейчас нравится, что мог писать все, а главным образом водевили. Хорош бы был в «Роста».*
4. Не было ли в В[ашей] жизни периода, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова? — *Не сравнивал по полному неинтересу к двум упомянутым.*
5. Как Вы относились к Н[екрасову] в детстве? — *Пробовал читать во 2-м классе на вечере «Размышления». Клас[сный] наставник Филатов не позволил.*
6. В юности? — *Эстеты меня запугали строчкой: «На диво сложенный возок»,*
7. Не оказал ли Н[екрасов] влияния на Ваше творчество? — *Неизвестно.*
8. Как Вы относитесь к утверждению Тургенева, будто поэзия и не ночевала в стихах Н[екрасова]? — *Утверждения не знаю. Не отношусь никак.*
9. О народолюбии Некрасова? — *Дело темное.*
10. Как Вы относитесь к распростр[аненному] мнению, будто он был человек безнравственный? — *Очень интересовался одно время вопросом: не был ли он шулером. По недостатку материалов дело прекратил.*

Влад. Маяковский

Один из очень юных и бойких поэтов, мелькавших тогда в Доме искусств, Николай Оцуп, как-то употребил в одном из своих стихов слово «умеревший» вместо «умерший».

Над этим много смеялись, особенно, помню, в семье Блока.

Оцуп был замечателен тем, что временами исчезал из столицы и, возвратившись, привозил откуда-то из дальних краев такие драгоценности, как сушеная вобла, клюква, баранки, горох, овес, а порой — это звучало как чудо — двадцать или тридцать кусков сахара.

Не все привезенные яства поглощал он один. Кое-какие из них он приносил в красивых пакетиках, перевязанных ленточками, высокодаровитым, но голодным писателям,

получая от них в обмен то балладу, то сонет, то элегию. В Чукоккале эта деятельность юного Оцупа была высмеяна слишком жестоко — и едва ли справедливо — поэтом Георгием Ивановым.

Оцуп, Оцуп, где ты был?
Я поэму сочинил,
Съездил в Витебск, в Могилев,
Пусть похвалит Гумилев.

Так уж мной заведено:
То поэма, то пшено,
То свинина, то рассказ,
Съезжу я еще не раз.

Сто миллионов накоплю,
Бриллиантов накоплю.
Посмотрите, как я сыт,
Толсторож и знаменит.

Удивив талантом мир,
Жизнь окончу как банкир,
Свой поглаживая пуп,
Уж не Оцуп, не Оцуп.

21 сентября 1920 г. Г. И[ванов]

Оцуп Оцуп где ты был
Я поэму сочинил
Съездил в Витебск в Могилев
Пусть похвалит Гумилев

Так уж мной заведено
То поэма то пшено
То свинина то рассказ
Съезжу я еще не раз

Сто миллионов накоплю
Бриллиантов накоплю
Посмотрите как я сыт
Толсторож и знаменит

Удивив талантом мир
Жизнь окончу как банкир
Свой поглаживая пуп
Уж не Оцуп не Оцуп.

Г.И.

21 сентября

1920

Мне эта злоба кажется ничем не оправданной. Оцуп был бесхитростен, добр и питал глубочайшее уважение к поэзии. Из рукописей, полученных им от поэтов в обмен на «пшено», он издавал (или пытался издавать) альманахи, где рядом с Сологубом, Гумилевым, Лозинским печатал (или пытался печатать) и свои произведения.

Когда Блок впервые услышал его имя, он спросил у меня, что такое ОЦУП, очевидно, полагая, что это — аббревиатура какого-нибудь учреждения. Я ответил, что, насколько я знаю, это Общество Целесообразного Употребления Пищи. Блок, как мы видели, использовал это определение в Чукоккале (стр. 209).

Несколько позже мать Блока Александра Андреевна Кублицкая-Пиотух в одном из писем ко мне отзывалась об Оцупе так: «...интересен Оцуп — самый добродушный и

безвредный из современных поэтов: все у него съедобное: небо — кипящий котел с супом; сам он — боится растаять, как сахар, и одиночество свое сравнивает с одиночеством хлебной крошки на столе. Поистине — опыт целесообразного употр[ебления] пищи. — Уж и припечатали же Вы его».

Словно для того, чтобы подтвердить этот отзыв, Оцуп вписал в Чукоккалу стихотворение, где встречается такая строфа о России:

*Кто она? Эти ль бабы в теплушках
На разбегах стоверстных дорог,
Где Сибирь о селеньях-ватрушках
И Урал — широчайший пирог.*

В Доме искусств очень часто бывал Вильгельм Александрович Зоргенфрей, поэт и переводчик. Он вспоминается мне как отличный человек, очень молчаливый и скромный, с тихими словами и мягкими жестами. У нас во «Всемирной» он переводил Гейне под руководством Ал. Блока, с которым был знаком с давних лет.

Его стихам не хватало энергии. При всех своих формальных достоинствах они были растянуты, вялы и бледны. Это особенно бросалось в глаза по сравнению со стихами Блока, которому он подражал. Блок был его любимым поэтом. Недаром сборник своих стихотворений «Страстная суббота», вышедший в 1924 году, он посвятил «Благословенной памяти Александра Александровича Блока».

На одном из вечеров Дома искусств он прочитал цикл своих стихотворений, которые показались кощунственными нашим студийцам, так как и по ритму, и по звуку, и по общей тональности слишком уж явно имитировали поэзию Блока. Особенно возмутило их стихотворение Зоргенфрея «Эпилог», в котором явственно был слышен перепев блоковского стихотворения «Ночь как ночь». В самом деле — у Блока сказано:

*Ночь, как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?
Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.*

*Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!*

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День, как день; ведь решена задача:
Все умрут.

4 декабря 1908 года

У Зоргенфрея:

Все как было, все как прежде:
Ночь без сна,
Сердце, верное надежде,
Тишина.

Так. Судьбе в слепые очи
Загляни.
Будут медленные ночи,
Будут дни.

Особенно разгневали эти блокообразные стихи младшего из всех наших студийцев Владимира Познера, и он написал в Чукоккале такую стихотворную отповедь подражателю Блока:

*Блок как Блок, и все же портят Блока.
Так всегда!*

*Но едва ли в этом много прока:
Вот беда!*

*Я и сам могу распространяться,
Портя стих.*

*Будет вместо блоковских «Двенадцать»
Сто моих.*

*Все он в Блоке, все он в Блоке знает,
Каждый звон.*

*И в который раз перелагает
Блока он;*

*И в который раз стихи похожи,
Но длинней.*

*Зоргенфрей как Зоргенфрей, на что же
Зоргенфрей?*

Влад. Познер

24.VIII 1920

В Чукоккале сохранилась и насмешливая «Ода-акростих» Познера о массовом насаждении литературных кружков¹.

¹ В 3-й строфе «Оды» Познер упоминает о благодушном старике, приходившем в нашу Студию выпастся. Я писал о нем в своих воспоминаниях о Зощенко (К. Чуковский, Собр. соч., т. 2, М., 1965, стр. 497).

КОРНЕЮ ЧУКОВСКОМУ.

/Ода-акrostих./

Подражание Брюсову.

Крутим потоком словоблудий,
О, страж критической мечты,
Рукой железной сотни студий
Неутомимо держишь ты.

Едва-ль прервешь свою работу.

Плят бессильные враги.

~~Ишь свет в окошке твоем багровый~~

Устремлены твои шаги.

Кипят "Всемирная" усилия.

Отличен англофильский вид --

Ведь над тобой, простерши крылья,

Старик проснувшийся парить

Кипи, бушуй и став неистов,

Отбросив лишний разговор.

Меж многочисленных студистов

Устрой "критический разбор".

19 марта 1920.

В. Маяковский

В то время Питер внезапно оказался необыкновенно богат всякими литературными студиями. Выдавались такие месяцы, когда в неделю мне приходилось вести одиннадцать литературных кружков — в том числе в Горохре (Городская охрана) и Балтфлоте.

Анну Андреевну Ахматову я знал с 1912 года. На каком-то литературном вечере подвел меня к ней ее муж, поэт Николай Степанович Гумилев. Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей.

То было время ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов. Прошло два-три года, и в ее глазах, и в осанке, и в обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: «царственная», монументально-важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии. С каждым годом Ахматова становилась величественнее. Она нисколько не старалась об этом, это выходило у нее само собой. За полвека, что мы были знакомы, я не помню у нее на лице ни одной просительной, заискивающей, мелкой или жалкой улыбки.

Даже в очереди за керосином и хлебом, даже в поезде, в жестком вагоне, даже в трамвае всякий не знавший ее чувствовал ее «спокойную важность», хотя держалась она со всеми очень просто и дружественно, на равной ноге.

Замечательна в ее характере и другая черта. Она была совершенно лишена чувства собственности. Не любила и не хранила вещей и расставалась с ними удивительно легко. Подобно Гоголю, Кольриджу и другу своему Мандельштаму, до такой степени не ценила имущества, что охотно освобождалась от него, как от тяжести. Даже в юные годы, в годы краткого своего «процветания», жила без громоздких шкафов и комодов, зачастую даже без письменного стола.

Вокруг нее не было никакого комфорта, и я не помню в ее жизни такого периода, когда ее обстановка могла бы называться уютной. Самые эти слова «обстановка», «уют», «комфорт» были ей органически чужды — и в жизни и в созданной ею поэзии. И в жизни и в поэзии Ахматовой — чаще всего неприютность.

Конечно, она очень ценила красивые вещи и понимала в них толк. Старинные подсвечники, восточные ткани, гравюры, иконы древнего письма и т.д. то и дело появлялись в ее скромном быту, но через несколько недель исчезали. Единственной «утварью», остававшейся при ней постоянно, был ее потертый чемоданишко, который стоял у нее в углу

наготове, набитый шершавыми клочками неразборчивых прокопсией — чаще всего без конца и начала.

Даже книги, за исключением самых любимых, она, прочитав, отдавала другим. Только Пушкин, Библия, Данте, Шекспир были ее вечными спутниками, и она нередко брала их с собой в дорогу. Остальные, побывав у нее, исчезали.

Вообще она была природная кочевница, и в последние годы, приезжая в Москву, жила то под одним, то под другим потолком, у разных друзей, где придется.

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, нет,

очень точно сказала она о себе.

Блиские друзья ее знали, что стоит подарить ей какую-нибудь, скажем, нарядную шаль, как через день или два нарядная шаль украсит другие плечи.

И чаще всего она расставалась с такими вещами, которые были нужны ей самой. Как-то в 20-м году, в пору лютого петроградского голода, ей досталась от какого-то заезжего друга большая и красивая жестянка, полная сверхпитательной, сверхвитаминовой «муки», изготовленной в Англии достопочтенной фирмой «Нестле». Одна маленькая чайная ложка этого густого концентрата, разведенного в кипяченой воде, представлялась нашим голодным желудкам недостижимо сытным обедом. А вся жестянка казалась дорожее бриллиантов. Я от души позавидовал обладательнице такого сокровища.

Было поздно. Гости, вдоволь наговорившись, стали расходиться по домам. Я почему-то замешкался и несколько позже других вышел на темную лестницу. И вдруг — забуду ли я этот порывистый, повелительный жест ее женственно прекрасной руки? — она выбежала вслед за мной на площадку и сказала обыкновеннейшим голосом, каким говорят «до свидания»:

— Это для вашей... для Мурочки...

И в руках у меня очутилась драгоценная «Нестле».

Напрасно повторял я: «Что вы! это никак невозможно!.. да я ни за что, никогда...» Передо мной захлопнулась дверь, и, сколько я ни звонил, не открылась.

Таких случаев я помню немало.

Не об этой ли необычайной своей доброте проговорились Анна Ахматова в нескольких строках «Предыстории», где она вспоминает свою покойную мать:

И женщина с прозрачными глазами...
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила, —
Ненужный дар моей жестокой жизни.

Анна Ахматова.
Фото М. Наппельбаума

Такой же значительной чертой ее личности была ее огромная начитанность. Она была одним из самых образованных поэтов эпохи. Терпеть не могла тратить время на чтение модных и пустопорожних сенсационных вещей, о которых кричали журнальные рецензенты и критики. В круг ее чтения входили главным образом Овидий, Вергилий, Монтень, Пушкин, Лев Толстой, Достоевский; в последнее время — Кафка и Джойс.

Пушкина знала она всего наизусть — и так пристально, долго и зорко изучала его и всю литературу о нем, что сделала несколько немаловажных открытий в области научного постижения его жизни и творчества.

В одной из ее пушкинских статей есть такая строка: «мой предшественник Щеголев». Для многих это прозвучало загадочно. Щеголев не поэт, но один из крупнейших историков, специалист по двадцатым — тридцатым годам XIX века. Если бы она написала «мой предшественник Тютчев» или «мой предшественник Баратынский», это было бы в порядке вещей. Но не многие знали, что ее предшественниками были не только лирики, но и ученые нашей страны. Павел Елисеевич Щеголев глубоко ценил ее знания и часами беседовал с ней о Пушкине и его современниках.

Историю России она изучила как профессиональный историк, и, когда говорила, например, о протопопе Аввакуме, о стрелецких женках, о том или другом декабристе, о Нессельроде или Леонтии Дубельте, казалось, что она знала их лично и вспоминает их как своих знакомых. Этим она очень напоминала мне Юрия Тынянова и академика Тарле.

Мне кажется, что биографам Анны Андреевны Ахматовой будет далеко не бесполезна страница Чукоккалы, где Ахматова говорит о своем отношении к Некрасову.

1. Любите ли Вы стихотворения Некрасова? — *Люблю.*
2. Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими? — *Влас, Внимая ужасам войны и Арина, мать солдатская.*
3. Как Вы относитесь к стихотворной технике Некрасова? — *Некрасов несомненно обладал искусством писать стихи, что доказывают особенно ярко его слабые вещи, кот[орые] все же никогда не бывают ни вялыми, ни бесцветными.*
4. Не было ли в Вашей жизни периода, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова? — *Нет.*
5. Как относились Вы к Некрасову в детстве? — *Некрасов был первый поэт, которого я прочла и полюбила.*
6. Как относились Вы к Некрасову в юности? — *Скорее отрицательно.*
7. Не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество? — *В некоторых стихотворениях.*

1/ Любите ли Вы стихотворения Некрасова. *Люблю.*

2/ Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими.

Влас, Вильям ухаживает Вайну и Арина, любовь и дружба.

3/ Как Вы относитесь к стихотворной технике Некрасова.

Некрасов неоспоримо обладал искусством — самими стихами, что доказывают особые зрелища его стихов, способные вести, как все же некуда не бывающих в жизни, или безответных.

4/ Не было ли в Вашей жизни человека, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова.

Нет.

5/ Как относились Вы к Некрасову в детстве.

Некрасов был первым поэтом, которого я прочел и полюбил.

6/ Как относились вы к Некрасову в юности.

Скорее с симпатией.

7/ Не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество.

В несколько стихотворений.

8/ Как Вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова "поэзия и не почевала".

Мне кажется, что Тургенев говорил это о тех стихах Некрасова, что действительно не поэзия.

9/ Каково Ваше мнение о народолюбии Некрасова.

Я думаю, что любовь к народу была единственным источником его творчества.

10/ Как Вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безразличным человеком.

Это, распространенное мнение, конечно никак не может представлять о Некрасове.

Анна Ахматова.

8. Как Вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала»? — Мне кажется, что Тургенев говорил это о тех стихах Некрасова, где действительно нет поэзии.
9. Каково Ваше мнение о народолюбии Некрасова? — Я думаю, что любовь к народу была единственным источником его творчества.
10. Как Вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек? — Это «распространенное» мнение решительно никаким образом не меняет моего представления о Некрасове.

Анна Ахматова

[Март 1920]

Преподавая стиховедение в Доме искусств, я составил из русских хореев мозаическое стихотворение и предложил студийцам на экзамене отгадать, каким поэтом написана та или иная строка. В то время любовь к поэзии была так велика, что двое или трое студийцев ответили на каждый вопрос. Каким-то образом эта учебная страничка попала в Чукоккалу, и я воспроизвожу ее здесь для нового поколения читателей как своего рода викторину. Пусть попробуют выдержать этот экзамен.

2 февраля 1920 г.

Ходы русского хорея

Что чье?

Экзамен для студистов.

Анна Ахматова, Александр Блок. Н. Гумилев, В. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, А. Майков, Н. Некрасов, И. Никитин, А. Пушкин

Вчера в «Д.И.» я прослушал замечательную лекцию молодого московского ученого Романа Якобсона об эмансипации поэзии от семантики, об ослаблении смыслового момента. «Мы не вправе инкриминировать поэту идеи, — выразился Роман Якобсон. — Главное в поэзии не семантическая ее сторона, а установка на выражение, на словесную массу». Нисколько не желая острить по поводу этой теории, признавая всю ее плодотворность, я сделал опыт: взял стихи русских поэтов и отвлек их от семантики, и должен признать, что лично для меня эти стихи остались волнующей прекрасной поэзией и что, составляя их, я так увлекся движением их словесной массы, что, странно сказать, почувствовал даже некоторый трепет вдохновения.

1. В темном аде под землю
2. Сквозь лазоревый туман
3. Лысый с белой бородою
4. Старый русский великан

5. С догарессой молодую
6. Упадает на диван.
5. Догаресса молодая,
4. Кольхаясь и сверкая,
5. С той же ночи понесла
1. Византийского орла,
6. И чрез миг одна стояла
7. Голубеющего рая
1. Обожженная скала!

2. Магдалина! Магдалина!
1. Богоносица святая!
4. Посмотри, в тени чинары
1. Из подземного из ада
7. Дьявол щелкает бичом.
1. Собирайтесь, паликары,
7. Чтобы грешников громада,
5. Как испуганное стадо,
7. Вышла бешеным смерчом!

2. На луну взглянуть нет мочи,
1. Сердце в ужасе застыло,
5. И мрачнее черной ночи
2. Перепуганные очи
8. Императора Петра.
- Рододендрон! Рододендрон!
1. Дон Фернандо! Дон Фернандо!
1. Лехо Дойди Ликрас Калле,
9. И помчались в Палестину
7. Завитые шулера.

Частушка

8. Вижу, вижу, ты со мной,
4. Кабардинец удалой.
8. У постылого окна
2. За бутылкою вина
4. Черноокая далеко.
8. Что мне долгие года?
5. Ах, ужель ты улетела
5. Изменила навсегда?

8. У затихшего жилища
2. Подколотная змея.

Говоря о Литературной секции нашего Дома искусств, невозможно не вспомнить веселую, молодую, приветливую Мусю Алонкину, которая была секретарем этой секции. В своей «Книге воспоминаний» Михаил Слонимский справедливо называет ее «душою Дома искусств», «энтузиасткой рождающейся советской литературы». Молодые литерато-

ры то и дело влюблялись в нее, но она была не склонна поощрять их ухаживания. С большим уважением относились к ней именитые старцы Дома искусств: почетный академик А. Ф. Кони, беллетрист Вас. Ив. Немирович-Данченко, бывший политэмигрант Л. Г. Дейч. Каждому из них было в то время без малого восемьдесят. Несколько моложе их был критик Аким Волынский, впрочем, тоже довольно маститый. Все они благоволили к милой Мусе и подолгу разговаривали с ней. Это вызвало такую эпиграмму смешливого подростка Вовы Познера:

*На лестнице, на кухне, на балконе
Поклонников твоих толпится ряд:
Лев Дейч, Волынский, Данченко и Кони —
Тысячелетия у ног твоих лежат.*

*А ты всегда с бумагами, за делом,
И если посмотреть со стороны,
Ты кажешься, о Мусенька, Отделом
Охраны Памятников Старины.*

В «Книге воспоминаний» М. Слонимского приводится другой вариант восьмистишия. Благодаря этой книге я вспомнил, что Серапионовы братья посвятили Марии Сергеевне Алонкиной свой первый альманах, вышедший в 1922 году. Несколько позже она вышла замуж за чешского коммуниста и вскоре умерла от чахотки.

В Доме искусств бывали почетные гости. Мы встречали их горячо и радушно. В числе этих гостей был молодой московский филолог профессор Григорий Осипович Винокур — полиглот, знавший больше десятка языков.

Дому искусств

*Пальмиры хладной гость случайный,
В нее Судьбою занесен,
Не знал я, что Искусства Тайны
Сим Домом буду приобщен.*

*Гостеприимства не нарушив,
Он кров мне дал: здесь ел я, спал,
И лингвистическую душу
Свою стихами напоял.*

Г. Винокур.

Ниже привожу исполненную мною 4/II 1920 песнь лингвиста на тринадцати языках:

*1) Что за счастье, что за счастье любить дочку,
любить дочку пастора. О, ты прекрасна, о, ты прелестна,
о, ты прекрасна, дочка пастора.*

Дому искусств

Пальмиры молодой тучь сукотинки,
В нее Судного занесен,
Не знал я, что Кенгуры Тайны
Сим Фомом буду приобщен.

Гостеприимства не нарушив,
Он кров мне дал: здесь съел я, спал,
И сивцефареску душу
Свою сплелась напоил.

J. Hunsby

Нидие правителю исполнителю мнот 4/5 191
тесов сличива на 13 мотко:

- 1) Про та славо, про та славо ~~својот~~ ~~дојду~~, ~~својот~~ ~~дојду~~, ~~најде~~
 Оти крајна, оти крајна, оти крајна ~~дојду~~ ~~најде~~.
- 2) Со та славо, со та славо ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~
 Оти крајна, оти крајна, оти крајна, ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~.
- 3) Кој биде, кој биде ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~
 Неи ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~, Неи ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~, Неи ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~, Тај, ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~ ~~својот~~ ~~дојду~~ ~~најде~~.
- 4) (Majestas) Kas fer draugmas, kas fer draugmas, ~~feret~~ ~~meile~~
 fu duarel: kunig. Tu divinoji, tu divinoji, in tu miloj
 kunigo durte.
- 5) Quel plaisir, quel plaisir est l'amour avec la jeune fille
 des pasteurs! O merveilleuse (3 fois) jeune fille du pasteur.
- 6) Quae voluptas, quae voluptas est amore cum filio pastoris
 o mirabunda (3 fois) fili.. pastoris.

1) ~~Wunder~~ wo andagei, wo andagei prizon daukhar, prizon
(Tozenn) daukhar prizon gidjins. pu sildaleika, pu hainjo-hai
pu sildaleika, daukhar prizon gidjins.

2) Was für Freude, was für Freude ist die Liebe mit der ~~Schö~~ T-
ler des Pastors. O wunderschöne, o wunderschöne, o wunderschöne
Tochter des Pastors.

3) What's ^{it's to} the pleasure, what's the pleasure ^{pastor's} love the daughter
^{charming girl!} ~~the daughter of pastor.~~ ^{she is the prettiest, she is the sweetest!} O wonderful, o beautiful
^{he is the} wonderful daughter of pastor's little girl

4) (Caucasian) Gathana mahat fustigea mahadi ca pritor
du hitur brahmanat. Sa pithugroni, sa lobhaniya, sa
infini dukita brahmanat.

5) Tora glory, roia glory 'soti otappler vpr dypatse rou
'isgows. O dypatse, o dypatse, rou dypatse dypatse dypatse.

6) Quel plaisir, quel plaisir e l'amore la filia del pastore
O ammirabile! o pin ammirabile, o ammirabile filia del
pastore

7) Boc gaga cunite, boc gaga cunite uet du aute mat de
muset gon rana. O unexedure, o yudepore, o au-
reque mathe gon rana!

2. II. 20
Thurman

Почетным гостем был и Герберт Уэллс, приехавший в Россию по приглашению Горького.

В его честь Домом искусств был устроен банкет. Председательствовал на этом банкете Горький. И Горького и Уэллса нарисовал в Чукоккале присутствовавший на банкете художник С. Яремич (стр. 280, 281).

В дополнение к тому рисунку, который был сделан в Чукоккале Уэллсом в 1916 году (см. стр. 173), английский писатель нарисовал себя вновь в одежде, типичной для 1920 года, и написал:

Г. Д. Уэллс, переведенный на русский язык.

Мне этот визит Герберта Уэллса доставил много неприятностей.

Писатель остановился на квартире у Горького. Горький попросил меня показать именитому гостю какую-нибудь петроградскую школу.

Я был очень занят в тот день, но, конечно, отложил все дела и тотчас же повез Герберта Уэллса в ту школу, где учились тогда мои дети. Школа была на Моховой и сохраняла свое старое прозвище: «Тенишевская».

— Товарищи! — обратился я к тенишевцам, едва только мы вошли в общий зал. — К нам приехал... кто бы вы думали?.. Герберт Уэллс.

Я произнес его фамилию с мягким знаком, как она произносилась в то время у нас.

Школьники загудели от радости и стали наперебой выкликать:

30 Oct 1920
H. H. Hanson & Co.
New York

— «Человек-невидимка»!.. «Машина времени»!.. «Первые люди на луне»!.. «Война миров»!.. «Когда спящий проснется»!..

Книги Уэллса были хорошо им известны, тем более что незадолго до этого Собрание его сочинений выходило приложением к «Вокруг света» или к другому журналу такого же рода.

Многих из тенишевцев я знал с первых классов. Это был начитанный народ. Не только Герберт Уэллс, но и Вальтер Скотт, и Диккенс, и Стивенсон, и Стендаль были их любимыми спутниками.

Почти все они писали стихи, увлекались Блоком и Маяковским, деятельно участвовали в школьных рукописных журналах. Среди их учителей были люди высокой культуры, чудесные мастера педагогики: историк Анциферов, биолог Ягдовский, музыковед Соллертинский.

Большинство из учеников Тенишевского училища были дети юристов, инженеров, врачей.

Велико было мое негодование, когда месяца через два я узнал, что Уэллс высказал в своей книге «Россия во мгле» уверенность, будто я предупредил тенишевцев о его предстоящем приезде и подучил их заранее оказать ему радушный прием: «...мой литературный друг, критик г. Чуковский, горячо желая показать мне, как любят меня в России, подготовил эту невинную инсценировку, слегка позабыв обо всей серьезности моей миссии».

Дальше Уэллс сообщал в том же тоне, что во второй школе, которую он посетил без меня, ни один ученик даже не слышал его имени и не знал ни одной его книги.

Смысл этих игриво-язвительных строк ясен, конечно, для всякого. Ими великий фантаст стремится внушить читателям, будто перед тем, как привести его в школу, я тайком побежал к школярам и подговорил их, чтобы они, якобы никогда не читавшие Уэллса, притворились, что знают и любят его, и тем самым обманули бы его. Этот фантастический вымысел перепечатан без всяких комментариев в русских изданиях «России во мгле»¹.

Когда на квартире у Горького была устроена вечеринка в честь Герберта Уэллса, петроградские хозяйственники поручили ее организацию некоему Родэ, бывшему владельцу ресторана.

Ресторан был загородный и назывался «Вилла Родэ». При вилле был первоклассный притон, пользовавшийся большой популярностью среди кутящей «золотой молодежи»...

Во время вечеринки у Горького решено было сняться. Когда все уселись перед фотоаппаратом, лукавый Родэ неслышными шагами подкрался к центральной группе и стал

¹ См., напр.: Герберт Уэллс, Россия во мгле, М., 1958, стр. 56.

между Горьким и Уэллсом — без их ведома. Получилось невероятное трио: два всемирно известных писателя, и над ними в качестве их близкого друга недавний владелец шато-кабака.

Впоследствии А. М. Горький подарил мне этот снимок, назвав его «Родэ и другие».

Среди этих «других»: Горький, Уэллс, М. И. Бенкендорф (Будберг), М. Ф. Андреева, А. К. Глазунов, Ф. И. Шаляпин и сын Уэллса (у ног М. И. Будберг).

Следующая страница Чукоккалы вызывает во мне горячую благодарность к Блоку. Его вечер в Большом драматическом театре, устроенный Домом искусств в 1921 году, имел огромный успех. Театр был переполнен. Моя роль на этом вечере была больше чем скромная: я сказал вступительное слово, и сказал очень плохо, бесцветно. Это огорчило меня. Блок разыскал меня за кулисами, подарил мне цветок и привел с собой фотографа М. Наппельбаума, который по желанию поэта и снял нас вдвоем.

На следующий день Блок выразил желание, чтобы гонорар за наше выступление в Большом театре был

разделен пополам. Я, сознавая, что такое разделение гонорара неправильно, отказался писать какие бы то ни было заявления об этом.

Тогда Блок собственноручно написал приводимую ниже бумагу, не упоминая о распределении надлежащей нам суммы.

Эту бумагу я счел себя вправе подписать, хотя, как потом оказалось, Блок все же распределил полученный гонорар по-своему.

В Комитет «Дома искусств»

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, просим предоставить нам полностью, без вычета, гонорар за устроенный нами под фирмой «Дома искусств» «вечер Александра Блока» в помещении Госуд. Больш. Драм. Театра, так как расходы по устройству были значительны, а помещение было предоставлено А. Блоку персонально. Литературное Бюро «Дома искусств» со своей стороны относится к этой нашей просьбе сочувственно.

Ал. Блок
К. Чуковский

26 апреля 1921 года

В Комитет Дома Искусств

Заявление.

Мы, нижеподписавшиеся, просим
предоставить нам полностью, без
вычета, гонорар за устроенный нами
под фирмой «Дома Искусств» «вечер
Александра Блока» в помещении Госуд.
Больш. Драм. Театра, так как расходы
по устройству были значительны, а
помещение было предоставлено А. Блоку
персонально. Литературное Бюро «Дома
Искусств» со своей стороны относится
к этой нашей просьбе сочувственно.

26 апреля 1921 года

Ал. Блок

К. Чуковский

ДОМ ИСКУССТВ

МОСКВА. 59

Четверг, 5-го Марта.	Евг. Замятин —„Герберт Уэллс“. Для студенческих организаций. (Билеты в продажу не поступают).
Понедельник, 7-го Марта	Борис Зайцев ПРОЧТЕТ СВОИ НЕНАПЕЧАТАННЫЕ РАССКАЗЫ.
Вторник, 8-го Марта.	Проф. Н. И. НАРЕЕВ „Французская революция в истории романа“.
Среда, 9-го Марта.	ВЕЧЕР „ОПОЯЗ“ К. Д. Полынов—„Катюша Мухомова в Японии“. Ю. М. Тельнов—„Гайне в России“. Викт. Милославский—„Пророк вне отечества“.
Четверг, 10-го Марта.	Н. Чуковский —„Некрасов и Муравьев“. Для студенческих организаций. (Билеты в продажу не поступают).
Понедельник, 14-го Марта.	ЦЕХ ПОЭТОВ ВЕЧЕР СТИХОВ Участники: Н. Гумилев, Георгий Иванов, М. Лозинский, В. Шендальштам, Сергей Наумович, Борис Соловьев, Ада Осипович-Цылева, Ник. Сизов, Василий Голдштейнский, Владимир Ходосевич. „Возвращательное слово о творчестве участвующих“.
Вторник, 15-го Марта.	А. Г. Горнфельд —„о Достоевском“.
Среда, 16-го Марта.	Вечер памяти А. Ф. ПИСЕМСКОГО. Почет. гл. А. Ф. Немец—„Воспоминания о Писемском“. А. В. Амелинцев—„Творчество Писемского“.
Четверг, 17-го Марта.	Петров-Воднин —„Наука видеть“. Для студенческих организаций. (Билеты в продажу не поступают).
Воскресенье, 20-го Марта.	Почет. гл. А. Ф. Кони —„Житейские драмы“ из личных воспоминаний.
Вторник, 22-го Марта.	В. И. Немирович-Данченко —„Сервантес и его время“.
Среда, 23-го Марта.	Проф. П. М. Гревс —„Тургенев-живописатель культуры“.
Четверг, 24-го Марта.	Б. М. Эйхенбаум —„о Л. Н. Толстом“. Для студенческих организаций. (Билеты в продажу не поступают).

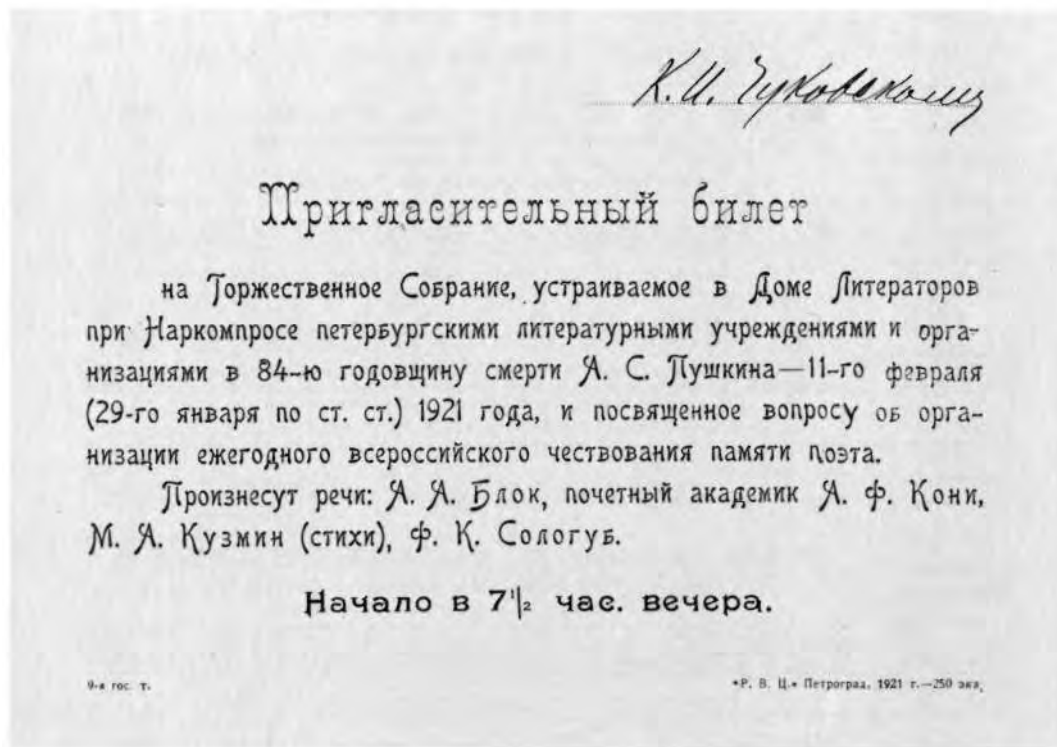
Начало в 7 часов вечера.

Билеты в Кассе Дома Искусств ежедневно от 11 час. утра до 7 час. вечера.

Параллельно с Домом искусств существовал на Басейном улице Дом литераторов, являвшийся главным образом средоточием журналистов и газетных работников.

Здесь 11 февраля 1921 года состоялся вечер памяти А. С. Пушкина, на котором Александр Блок произнес свою историческую речь «О назначении поэта».

Блок говорил очень медленно, с большими паузами, гневным, страдальческим голосом. Мы слушали его с необыкновенным волнением.

В 1920 году Дом искусств издавал под редакцией Горького журнал «Дом искусств», в редколлегия которого входили Е. Замятин, Абрам Эфрос, М. В. Добужинский и я.

Журнал выходил при таких неблагоприятных обстоятельствах, что Добужинский имел основания нарисовать его в Чукоккале как хилое и хрупкое растение, с трудом пробивающееся сквозь груды мусора (стр. 287).

В первом номере журнала «Дом искусств» была напечатана моя большая статья «Ахматова и Маяковский».

А. М. Горький прислал нам в редакцию следующий отзыв об этой статье:

Статья К[орня] И[вановича] — на мой взгляд — самое значительное и продуманное из всего, что он написал до сего дня.

Но — слишком много слов и есть ненужные повторения — например, стр. 30-я...

20-я. «Улицу» следовало бы заменить толпой.

30-я. Маяковский — «сам свой предок» — не допустима ли здесь некоторая оговорка — указание — на его зависимость — подмеченную автором — от Игоря Северянина и — раньше — от Саши Черного? Последний давал в стихах своих немало резкостей и грубостей порою не менее значительных и правдивых, чем Маяковский. Это не важно, что острие сатиры Черного было направлено против интеллигента, — здесь речь идет о форме, о преемственности. Как-то в Мустомяхах Маяковский изъяснялся в почитании Черного и с удовольствием цитировал его наиболее злые стихи.

Новый (1922) год мы встречали в Доме литераторов на Бассейной за одним столиком дружной компанией: Константин Федин, Евгений Тарле и еще два-три человека.

В Чукоккале появились записи:

Русская общественность вновь возродилась в ночь на 1-е января 1922 года: я открыто выпил рюмку водки.

Конст. Федин

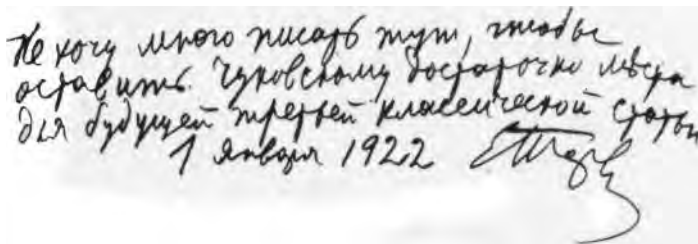
Дом литераторов, Сильвестрова ночь 1921 года.
Всем, всем, всем.

Русская общественность
вновь возродилась в ночь
на 1-е января 1922 года:
я открыто выпил
рюмку водки.
Конст. Федин
Дом литераторов,
Сильвестрова ночь 1921 года.
Всем, всем, всем.

продолжение
Сл. нрб.

Историк Евгений Викторович Тарле был расположен к моим статьям, посвященным Некрасову, и утверждал, что две из них, а именно «Жена поэта» и «Поэт и палач»

являются моей кульминацией (по его выражению). Он настойчиво требовал, чтобы я бросил сочинять все другое, в том числе детские сказки, и всецело отдал себя историко-литературным исследованиям. Этим и объясняется его новогодняя запись:

Не хочу много писать тут, чтобы оставить Чуковскому достаточно места для будущей третьей классической статьи.

Е. Тарле
1 января 1922

В 1921 году мы вместе с художником Добужинским организовали (под эгидой Дома искусств) в Псковской губернии близ города Порхова в имении князей Гагариных «Холомки» и в соседнем имении «Бельское Устье» — колонию для петроградских писателей и художников. В колонию поселились писатели Зощенко, Слонимский, Мих. Лозинский, Евг. Замятин, Е. П. Леткова-Султанова, Чуковский, художники Милашевский, Попов, Добужинский, Радлов и многие другие.

Наша работа в основанной нами колонии изображена в карикатуре Николая Эрнестовича Радлова.

Я выступаю здесь в роли изнуренного пахаря, а Мстислав Валерианович Добужинский — в роли бодрого сеятеля (стр. 290).

Перед открытием колонии нам с Добужинским пришлось еще зимой посетить Холомки для выяснения многих хозяйственных вопросов. Нужно было добыть лошадь, договориться насчет сада и сена.

Печать Дома искусств, украшавшая наши бумаги, производила большое впечатление на представителей местной власти. Поэтому Добужинский, изображая меня, покрыл мою одежду оттисками этой печати (стр. 291).

По распоряжению В. И. Ленина имение Гагариных не было конфисковано ввиду крупных заслуг его владельца, создавшего на свои средства под Петроградом Политехнический институт.

Дочь владельца этого имения, с которой нам приходилось договариваться, была невысокого роста и казалась особенно миниатюрной рядом с нами.

Этот контраст и подчеркнул в своем рисунке «Заседание в Холомках» М. В. Добужинский (стр. 292, 293).

На рисунке изображены художник Попов, я (в профиль), Добужинский (спиной к зрителю) и дочь владельца Холомков.

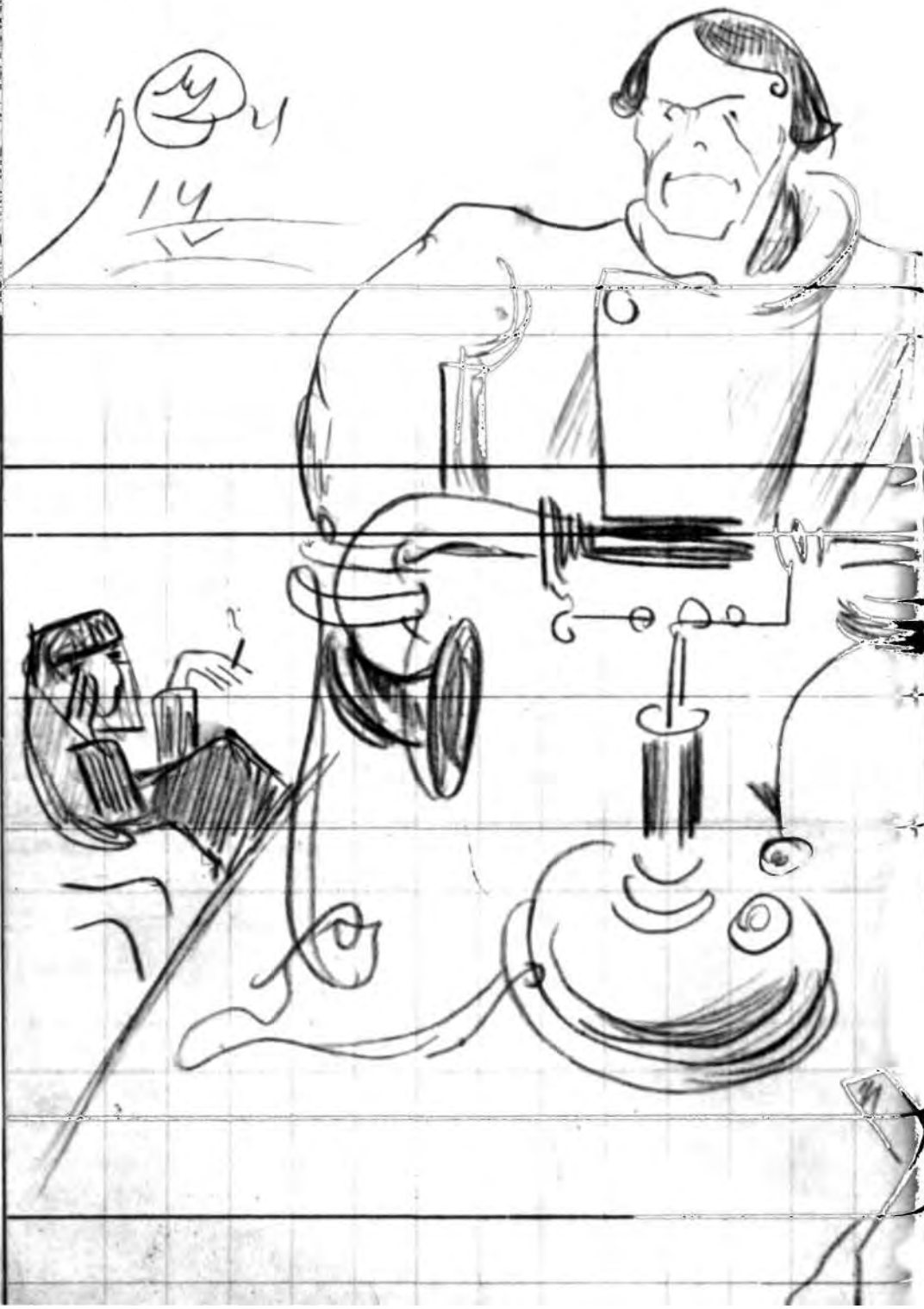

Рисунок
Н. Радлова.

Гусевы и Давыдовы в Бирюковском НСХЗ

(Удз на бор.)

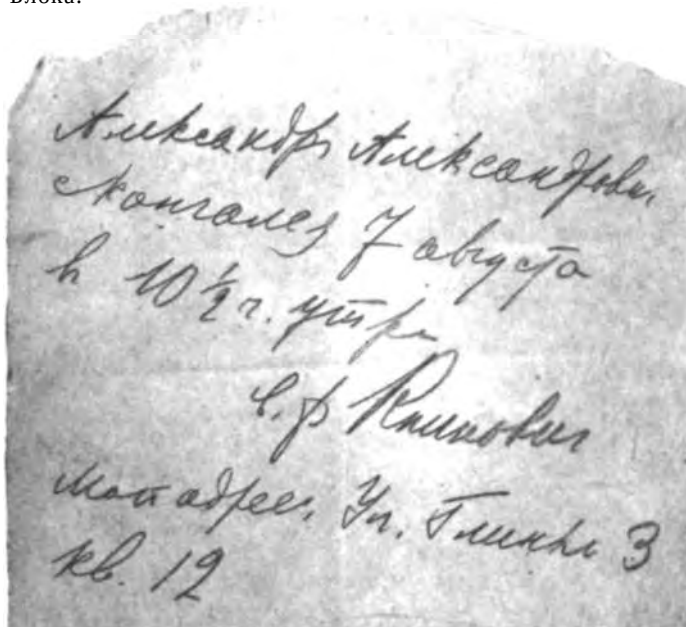

Ворнею Ивановичу Губовско-
му с2 гербовымъ Двойной Салютомъ
къ нему Чисто ; и къ нему - за-
быва, Второй для нас обо-
ихъ такъ много значитъ.

Боясь есть тотъ, кто пожелаетъ
пожалованіе русскихъ къ златому
Бездарову Всеченскаго свѣта;
игоудетъ нѣтъ, пока жива Россія;
потому что онъ Русскій, а не
русскій, потому что она есть
Цена, такъ и Невзета ея

Андрей Рублевъ
заказанъ 21 года Непочинитъ

Живя вдали от Петрограда, я заканчивал свою «Книгу об Александре Блоке», когда неожиданно мне прислали с оказией запоздалую записку от Евгении Федоровны Книпович. Евгения Федоровна была близким человеком в семье Блока.

Александр Александрович скончался 7 августа в 10¹/₂ ч. утра.

Е. Ф. Книпович

Мой адрес: ул. Глинки 3, кв. 12.

Записку я получил в городе Порхове и, покауда медленно ехал обратно в Холмки, испытал такую страшную тоску, какую перед этим мне пришлось испытать лишь единственный раз, в 1904 году, когда, живя в Лондоне, я узнал, что умер Чехов. И там и здесь тоска была особенно тягостна тем, что не с кем было разделить ее.

Приехав в Петроград, я написал «Воспоминания о Блоке» для «Записок мечтателей», издаваемых Алконостом (С. М. Алянский).

Прочтя эти записки, Андрей Белый потребовал у меня Чукоккалу и написал в ней следующее:

Корнею Ивановичу Чуковскому с чувством двойной симпатии к нему лично; и к нему — за Блока, который для нас обоих так много значит.

Блок есть тот, кого понесут поколения русских к золотому бездорожью вселенского света; он будет жив, пока жива Россия, потому что он Русский, а не русский, потому что Она есть Жена, Мать и Невеста его.

Андрей Белый

9 октября 21 года. Не поминайте лихом.

Въ граммахъ.
 — Минута, минута, забейте
 меня нѣтъ.
 — Ну, такъ, выдѣте! Что
 я тогда возмощусь
 минута, что-то?

Москва, чертъ знаетъ, а
 Москва.

Вѣдь мы в Мертв
 славомъ
 рассланны
 1) Вифинскъ
 3) Парфе

дѣстны
 1) Горька
 2) Кирюшка
 3) Рискъ съ нголь, вѣдннн.

317

30
1921

205945

Kenneth

Wm. B. Davis

В Холмах мой портрет нарисовал В. А. Милашевский, талантливый художник, впоследствии иллюстрировавший некоторые романы Горького и народные сказки.

Дорогой Корней Иванович!

Я — Ираклий Андроников. А то, что я вписываю в Вашу «Чукоккалу», — не совсем мой рассказ. Это воспоминание о рассказе Всеволода Вячеславовича Иванова, хотя я и не поручусь, что он рассказывал именно так. И не знаю, записан он у него или нет. Но если Вы вспомните, как я изображаю Всеволода Иванова, то это станет записью одного из моих устных рассказов.

* * *

Словно удивляясь своим словам, расширяя умные узенькие глаза, уторопленно, с увлечением, с придыханием, с легким пришепетыванием он говорил:

«В тысяча девятьсот двадцатом году в Петрограде писатели собирались на Невском, в Доме искусств, в котором главное лицо был Алексей Максимович Горький. Мы — молодые писатели — пришли в литературу кто откуда; иные — с гражданской войны. Образование у всех было разное, у кого даже и очень слабое. И Горький, значит, задумал, чтобы мы слушали лекции по литературе, а читали бы нам известные профессора и писатели. А кроме того, это давало ему возможность подкормить и тех и других.

По истории западных литератур у нас был Блок, а я у него — старостой. В помещениях стоял мороз. Поэтому перед лекцией, чтобы чернила оттаяли, я расстегивался, ставил чернильницу на желудок, а в конце лекции выставлял ее на стол. Тогда Блоку было возможно расписаться в журнале. На нас, когда он читал, он не смотрел, потому что, значит, смотрел в окно. И я даже не был уверен, видел ли он когда мое лицо.

Однажды Горький говорит, чтобы я зашел к нему на квартиру, на Кронверский. Прихожу, — а ходил я, как из Сибири приехал: в прогорелой шинели и в опорках, которые еле держались на ногах, — и Горький выносит мне пару здоровущих солдатских ботинок американских, на толстой подошве — и предлагает переобуться.

Помню — иду я от него в этой обнове и в радостном настроении через Марсово поле: ясный день, но без солнца. Город пустой, безлюдный. И пелена снега на Марсовом, которую я взрываю своими тяжелыми коваными ботинками...

Дохожу до угла, сворачиваю на Мойку, на ту сторону, где Пушкин жил... Справа — черная узорная решетка набережной, впереди — чистый, легкий нетоптанный снег, сле-

ва — желтая стена конюшен времен Николая Первого... изысканное сочетание тонов, как на цветной гравюре... И вижу: издаля приближается высокая, легкая, статная фигура мужчины — черное пальто, черная котиковая интеллигентная шапочка... И когда расстояние сократилось — я вижу: Александр Александрович Блок!.. У него — светлые, выпуклые остзейские глаза. И лицо словно помазанное слабым иодом. И на этом белом фоне он кажется каким-то загадочным бедуином... Левая рука засунута глубоко в карман. И он локтем прижимает к боку здоровую краюху свежееиспеченного хлеба...

Я нагнул голову, чтобы проскочить мимо, — думаю, он меня не узнает, удивится, что я ему кланяюсь! — а он поравнялся и очень дружелюбно говорит:

— Что вы так торопитесь, Иванов? Мне давно хотелось с вами поговорить. О чем вы пишете? Откуда вы приехали?..

Я, значит, остановился и очень свободно стал отвечать ему, объяснил, что именно я пишу и как, значит. Горький относится к нам... И Блок — так очень благожелательно и просто:

— Как замечательно, что Алексей Максимович столько делает для вас — новых писателей. Вам очень повезло, Иванов!.. А я со вниманием приглядываюсь, потому что хочу угадать, кто же впоследствии будет выражать в литературе это необыкновенное время, в которое мы живем?..

А я — сам не замечаю как, бессознательно отколупываю куски от его краюхи и закидываю в рот. И когда, оказывается, я уже много отъел, Блок по-мужицки завел правую руку себе за спину, легонько сзади ударил по краюхе, чтобы она выдвинулась вперед, и говорит:

— Кушайте, пожалуйста! Мне хватит!..

Тут, значит, я понял, какое со мной приключилось паскудство, — забросил в рот последний щипок. И онемел. А Блок улыбнулся еле приметно:

— Мы расстаемся ненадолго, я думаю. Вы, наверное придете завтра на лекцию?

Попрощался спокойно. И пошел — высокий, легкий, прямой, прижимая к боку обципанную ковригу.

А назавтра я являюсь — мороз ударил жуткий, от холода даже пасмурно было, — гляжу — студентов никого нет. Входит Блок:

— А где слушатели?

— Видно, не собрались.

Тогда он обращается очень вежливо:

— Если у вас имеется время, — окажите мне любезность, прослушайте мою лекцию про западные литературы...

- А не слушали?

- Видно, не собрались.

Тогда он обращается ~~к~~ олен ветхих:

- Если у вас имеется время, - охажьте мне мобз-
ность, прослушайте мои лекции про Западные мифо-
рабур...

Я расстегнула, пришла к этикету земнанину, а
он сидит шапожку, сел и, глядя в окно, стал рассказывать о Сервантесе и о Дон-Кихоте. Как Дон-Кихот сошел со скрапи, кинул и продолжал свое путешествие по всем странам и всем эпохам. И превратился в бессмертного и великое выражение Геллерового джентльмена и плащидства...

А вы гаса ждал - куда же ко мне обращаете?

- Если вы разрешите, я минут десять отдохну и прощу
вам време два гаса?

Помыслил. И снова заговорил - коротко, коротко.
Как котик - я поставил земнанину... Он открыл журнал, ука-
кнул на строку, подумал и написал:

"История западных мифур - 1 гас. Ал. Блок".

Потомнулся, сидел коротко шапожку. И вышел.

Только я убрал журнал - вбежал тот, который нам говорил
драма ждал:

- Гас? Кикто не пришел? Подать журнал!..

И встал:

"Теория драмы - 4 гаса" и свои фамилию, которую я
также не желаю пропускать рядом со священным или
ним Блока!

И с той силой мне стала лучше история не только
книжки "двенадцать", а и вся поэзия Блока. Потому что,
кроме земнанина и дрзновения, в эрм Геллеров Бюла
велакая тонкость гурьва и великая великаяность...

Тот-никель не чула, а размахнулся: "4 гаса"! А дрз-
геллер гаса ждал одного Геллеру - только подумал!
А написал - "1 гас". Помыслил Геллер всю жизнь!"

Ваш Мраморный Журналист

Я растянулся, прижал к животу чернильницу, а он снял шапочку, сел и, глядя в окно, стал рассказывать о Сервантесе и о Дон-Кихоте. Как Дон-Кихот сошел со страниц книги и продолжает свое путешествие по всем странам и всем эпохам. И превратился в бессмертное и всемирное выражение человеческого достоинства и благородства...

Два часа читал — потом ко мне обращается:

— Если вы разрешите, я минут десять отдохну. И прочту вам другие два часа?

Помолчал. И снова заговорил — негромко, спокойно. Как кончил — я поставил чернильницу... Он открыл журнал, умакнул перо, подумал и написал:

«История западных литератур — 1 час. Ал. Блок...»

Попроцался, надел котиковую шапочку. И вышел.

Только я убрал журнал — вбегает тот, который нам теорию драмы читал:

— Что? Никто не пришел? Подайте журнал!..

И вкатил:

«Теория драмы — 4 часа». И свою фамилию, которую я даже не желаю произносить рядом со священным именем Блока!

И с того случая мне стала лучше понятна не только поэма «Двенадцать», а и вся поэзия Блока. Потому что кроме гениального дерзновения в этом человеке была великая тонкость чувства и великая деликатность... Тот — ничего не читал, а размахнулся «4 часа»! А этот — четыре часа читал одному человеку — только подумать! А написал — «1 час»!

Помнится через всю жизнь!»

Ваш Ираклий Андроников

ПБГ

3 июля 1922 г.

Понедельник

Нет чудес на свете, и самое страшное дело жить и верить в это.

— И написано не потому, что в Питере и Москве м. б. 50 писателей, а потому — что — говорят: возродится русская литература.

Всев. Иванов

Кажется невероятным, что в 1923 году могли существовать в Советской России жрецы, пророки, чародеи и кудесники. Между тем следующее объявление одного из таких чародеев было сорвано со стены в Киеве и подарено мне поэтом Бенедиктом Лившицем с такой дарственной надписью:

ИБТ } июль 1972
Полковник.

Нет чудес на свете
и самое страшное дело
испытать и верить в это.

— И написано не по-
тому, что в Питере
и Доске м.б. 50 лет
Самеиной,

а потому — что —
говорят:

Возрождается русская
литература.

Деев. Иванов

Нет, для милого дружка
Не сережка из уха:
Дар сережка — ерундовский,
Получай «жреца», Чуковский!

Надписал: Бенедикт Лившиц

Характерно, что, идя в ногу с веком, чародей, именуемый себя жрецом-пауком, счел необходимым выступить под маркой государственного учреждения «Госфортуна».

Помню, что Борис Пастернак из всей моей Чукоккалы больше всего любил читать вслух это объявление жреца-паука.

Приехал Жрец

Северо-Американской Индийской Знаменитости Ясно-видящий Окультист Психолог, Великий поэт мыслитель телепатии и ясновидения не на ограниченное расстояния. Любитель всемирной публики указатель судьбы, отгадчик чужих мыслей и как зовут сколько лет, сколько душ, месяц и день рождения, до прихода ко мне задумывайте нужный вам вопрос я вам отгадаю. Предсказываю прошедшее настоящее и будущее по телепатии мыслей глаз ли, рук и по книгам древних жрецов, а отсутствующим по фотографической карточки и почерку и по желанию устраиваю спиритические Астральные и зеркальные сеансы и по средствам телепатии, ясновидения, показываю в несколько минут отсутствующего от вас человека и узнаете жив ли и что думает о вас и много других тайн нетерпеливых жизни. Предсказываю судьбу и счастливые года месяцы и дни талант искусство к чему больше способны для достижения успеха в жизни даю советы и познания кому жизнь тяжела предупреждаю чего остерегаться и чего удерживаться до какого года проживете и что вас ждет впереди. Талисманы и Амулеты и их действия для не имеющих успеха в выборы спутника или спутницу жизни, также и в семейной жизни. Принесите карточку его и почерк, а если нет, неважно, придите я вам помогу. Излечиваю болезни гипнотизмом, дурные привычки, заикания, удушья, душевные страдания, любовь, влечение расстрой и ослабления нерв и злоупотребления от падучей болезни и галлюцинаций, от пьянства и вечного запоя и глазу и предупреждаю как избегать всяких недугов и ни кротики жизни. Плата в зависимости от подробностей. Прием с 11 до 7 час. вечера.

Жрец-Паук

Б. Владимирская 71
Госфортуна

В 1922 году я сблизился с МХАТ 2-м, так как там ставилась в моем переводе одна из пьес ирландского драматурга Джона Синга. Ставил ее талантливый артист и

Нет, где много друзей
не секретно из улик:
Где секрет - верный признак
ПРѢХАЛЪ ЖИЗНЬ!

Северо Американской Индейской Знаменитости Ясновидящий Ок-
культист психологъ, Великій поэтъ мыслитель телесъ и я
ясновидящій не на ограниченное разстояніе. Любитель всемирной
публики указатель судьбы, огадчикъ чужихъ мыслей и какъ
зовуть, сколько лѣтъ, сколько душъ, мыслей и дѣнь роженія, го
прихода ко мнѣ задумывайте важный вамъ вопросъ я вамъ от-
гадаю, предскажу прошедшее, настоящее и будущее по теле-
патіи, мыслямъ, глазъ ли, рукъ и по книгамъ древнихъ жрецовъ,
и отсутствующихъ по фотографической карточки и почерку и по
желанію устраиваю спиритическіе Астральные и зеркальные се-
ансы и по средствамъ телепатіи, ясноглаголю, показываю въ
мгновенно мнѣ отсутствующаго съ васъ человѣка и узнаете
живъ ли и что думаетъ о васъ и много другихъ тайнъ не тер-
пимыхъ жизни. Предсказываю судьбу и счастливыя года и не-
щя и дни талантъ искусство къ чему больше способны для дости-
женія успѣха въ жизни, даю совѣты и познанія кому жизнь тя-
жела, предупреждаю чего остерегаться и чего удерживаться до
какого года проживете и что васъ ждетъ въпереди. Талисманы
и амулеты и ихъ вѣнцы для не имѣющихъ успѣха выборы
спутника или спутнику жизни, также и въ семейной жизни При-
несите карточку съ и почеркъ а если нѣтъ тоже не важно
придите я вамъ помогу. Излѣчиваю слѣзы и депрессію, бур-
нымъ теченіемъ, злостью, удушью, душевныя страданія, лѣбъ, впе-
ченіе разстрой и ослабленія нервъ снахъ, отъ возбужденія
нervъ и злоупотребленія, отъ падучей болѣзни и галлюцинацій,
отъ пьянства и безчестнаго запоя и глазъ и предупреждаю какъ из-
бавитъ всякихъ недуговъ и ни роетковъ жизни. Плата въ зависи-
мости отъ подробностей. Приемъ отъ 11 до 7 час. вечера.

Искренне съ дружбою и любовью,
В. ВЛАДИМИРСКАЯ
ГОС. ФОРТУНА
названіе: Венеру Мавру

режиссер Алексей Денисович Дикий. Одной из ведущих артисток в труппе МХАТ 2-го была Софья Владимировна Гиацинтова (стр. 306).

Владимир Афанасьевич Подгорный в юности был одним из самых популярных актеров «Летучей мыши». В МХАТ 2-м несколько лет мечтал поставить «Укрощение строптивой» Шекспира. Об этом шли у нас бесконечные беседы и споры всякий раз, как я приезжал в Москву. Не помню, по какому случаю в 1923 году кто-то из его товарищей в шутку придумал отпраздновать его — немыслимый — 17-летний юбилей. Подгорный запротестовал. Юбилей не состоялся. Я жил в то время в Первой студии МХАТ и написал свой стишок о его юбилее, намеренно исказив обстоятельства дела.

Как Подгорный
в Первой Студии МХАТ
справлял свой 17-летний юбилей
Семнадцать только лет?
Пушкин

Если жаль для юбиляра
Золотого портсигара, —
Хоть бы кто ему поднес
Полдесятка папирос,
Или рюмку, или книжку,
Иль бумажную манишку.
Ничего ни от кого!
Позабыли про него!

Он сидит и ждет оваций,
Делегаций, депутатий...
Хоть бы Лидочка ¹ пришла.
Карамельку принесла;
Хоть бы Юленька ² вбежала
Старичка поцеловала;
Хоть бы Сима ³ на лету
Приласкала Сироту!
Хоть бы Катя Карнакова,
Обнимая Лобакова,
Проплясала трепака
Для потехи старика!..

¹ Л. И. Дейкун, — артистка МХАТ.

² Юлия Петровна — секретарь.

³ Серафима Германовна Бирман.

Для чего ж он умывался.
Одевался, наряжался,
Перед зеркалом стоял
И улыбки примерял?

И сидит, сидит Подгорный
За бутылкою трехгорной... ¹
Затуманила слеза
Стариковские глаза,
А вокруг — «Летучей мыши»
Обветшалые афиши.

К. Чуковский

1923

Среди артистов Первой студии МХАТ было много неплохих рисовальщиков. В Чукоккале хранятся рисунки Мих. Чехова и Благонравова (стр. 307, 308).

Александр Константинович Глазунов — знаменитый композитор и дирижер, автор балета «Раймонда». Я познакомился с Глазуновым в двадцатые годы, когда он был ректором петроградской Консерватории.

В Чукоккале сохранилась память об этом знакомстве:

Да здравствует солнце, да
скроется тьма ¹.

Корнею Ивановичу Чуковскому
На память от автора сей
строки душевно преданный ему

А. Глазунов

9 декабря 1922 г.

Корнею Ивановичу Чуковскому
на память от автора
сей строки душевно преданный
ему А. Глазунов
9 декабря 1922 г.

¹ «Трехгорка» — разговорное название определенного сорта пива.

Автопортрет,

Венг. 1930-е!
Минск

И. П. Рубин

М. Рубин, а спонсор - советский мате! (по сцене и мате)

Рисунок артиста I Студии
МХАТ — благодарно

Портрет К. Н.
Зуковская
ка 42 г.
сн хр

Портрет артиста I Студии
МХАТ.
27 ноя
Арт. Зуковская

На этом динамическом портрете я изображен в несколько приукрашенном виде: никогда в те времена не было у меня такого красивого галстука.

Замечательный график Сергей Васильевич Чехонин был иллюстратором моей сказки «Тараканище» в первом издании. Я познакомился с ним еще в 1905 году, когда он был одним из самых ретивых сотрудников революционного журнала «Зритель».

В 1923 году в Россию вернулся Алексей Николаевич Толстой. На вокзале его встретили двое — я и его близкий друг художник Белкин.

Белкин нарисовал А. Толстого тотчас же после его приезда.

4 июня 1923 года Толстому, вчерашнему эмигранту, предстояло впервые встретиться с петроградской общественностью и дать отчет о своем пребывании в эмиграции. Перед этой встречей он записал в Чукоккале:

4 июня 1923 года в первый день приезда в Петроград, в день моей лекции, за $1\frac{1}{2}$ часа до нее, — с таракаными ногами от страха встречи с тем, что я еще не знаю и не чувствую.

А. Толстой

Обед у Пильнякей.

19 апр. 1924 года, — Поварская 20, 8 (тел. 2-32-39).

Шесть часов вечера, присутствуют:

Е. И. Петровская, А. А. Ахматова, О. С. Щербиновская, К. И. Чуковский, И. Ф. Жаке, Е. И. Замятин и я, Пильняк.

Решено было записать 1) о том, что Ключарев сказал у Магарам: «Из уст Ахматовой впервые я Пушкина слышал»¹. О том, 2) что Полонский² сказал об Ахматовой: «А. А. была черным бриллиантом на вечере «Современника», а 3) сама А. А. с тоской говорила, что сегодня у нее было 15 поклонников, и решено было не записывать о том, как А. А. спросила: «а сколько каратов?»

Я читал, что написано на могиле Чехова. А. А. сказала: «Вот и помирай после этого»...

¹ Ключарев, артист МХАТ 2-го, сказал у издателя Магарам: «Из уст Ахматовой я Пушкина слышал». Замятин в шутку перестроил эту фразу по-другому: «Из уст Ахматовой впервые я Пушкина слышал».

² Вячеслав Полонский — историк литературы, журналист, критик.

4 июня 1923 года в первый день приезда в Петроград в день моей лекции, за $1\frac{1}{2}$ часа до нее, — с таракаными ногами от страха встречи с тем, что я еще не знаю и не чувствую.
А. Толстой

Весной 1924 года мы, ленинградские писатели, устроили в Москве вечер нашего журнала «Русский современник».

Сотрудники журнала собрались на обед у писателя Б. Пильняка.

Вот протоколы этого обеда.

Запись Бориса Пильняка:

Обед у Пильняка. —
19 апр. 1924 г., — Поварская 20, 8 (т. 2-32-39)
Присутствуют: Е. И. Петровская, А. А. Ахматова, О. С. Щербиновская, К. И. Чуковский, И. Ф. Жаке, Е. И. Замятин и я, Пильняк.
решено было записать 1) о том, что Ключарев у Магарам: «Из уст Ахматовой впервые я Пушкина слышал»¹. О том, 2) что Полонский² сказал об Ахматовой: «А. А. была черным бриллиантом на вечере «Современника», а 3) сама А. А. с тоской говорила, что сегодня у нее было 15 поклонников, и решено было не записывать о том, как А. А. спросила: «а сколько каратов?»
Я читал, что написано на могиле Чехова. А. А. сказала: «Вот и помирай после этого»...

Portrait of
1925

Много ми е интересно.

Анна Ахматова

Анна Ахматова

Мне!

И у меня возникла мысль в Москве Анна Павловна

✶ + (за неграмотность).

Анна Акулинич

Восемь тысяч человек, приехали в церковь
для похорон и в 12 часов...
О, как приятно было видеть Вдовушку —
еще!

На ленинградском сбирище у Шкапской он тоже сочинил буриме:

Не в желто-буром Коктебеле,
Не на бесстыжем берегу,
И радовались, и скорбели —
(Я память сердца берегу)
Благопристойнейшая Фрима,
И всеобручнейший Макс
О том, что непристойность Крыма
Еще не выродилась в загс.

312

Когда мы прочитали вслух все написанные нами буриме, первый приз получил Евгений Замятин. Его буриме сохранилось в Чукоккале:

буриме. Стихи Евг. Замятина
 В засеянном телами Коктебеле,
 На вспаханном любовью берегу
 Мы о незнающих любви скорбели.
 Но точка здесь. Я слух ваш берегу.
 Под африканским синим небом Крыма
 Без ватных серых петербургских клякс
 Нагая светит телом
 И шествует, пугая женщин,
 Фрина — Фрима,
 Макс.

В засеянном телами Коктебеле,
 На вспаханном любовью берегу
 Мы о незнающих любви скорбели.
 Но точка здесь. Я слух ваш берегу.
 Под африканским синим небом
 Крыма
 Без ватных серых петербургских
 клякс
 Нагая светит телом
 Фрина — Фрима,
 И шествует, пугая женщин,
 Макс.

«Макс» действительно каждый день в определенный час выходил в одних трусах с посохом и в венке на прогулку по всему коктебельскому пляжу — от Хамелеона до Сердоликовой бухты.

В один из приездов Максимилиана Волошина в Петроград он подарил мне свою акварель (стр. 314) с такой надписью:

Дорогой Корней Иванович, спасибо за всё: книги, письма, заботу, любовь. Ждем Вас в Коктебель. Сердце, время, мысли разорваны между людьми и акварелями. Вид пера и чернил отвратителен (до осени).

Максимилиан Волошин

18.VII.1924

Я предложил Волошину высказать свое мнение о Некрасове.

О Некрасове

Некрасова ценю и люблю глубоко. Любимые стихи: «Вчерашний день в часу шестом...», «Песня про Якова Верного...», «Адмирал-Вдовец...», «Я покинул кладбище унылое...», «Влас».

Вместе с «Полтавой» и «Веткой Палестины» — некрасовские «Коробейники» были первыми стихами, которые я знал наизусть прежде, нежели научился читать, т.е. до 5 лет. Некрасовские же стихи «...Чтобы словам было тесно, мыслям — просторно...» были указанием в личном творчестве. Они же и остались таковыми и до текущего момента, потому что все остальное вытекло из них. Как это ни странно, Некрасов был для меня не столько гражданским поэтом, сколько учителем формы. Вероятно, потому, что

М. Волошин

его технические приемы проще и выявленное, чем у Пушкина и Лермонтова. Мне нравилась сжатая простота Некрасова и его способность говорить о текущем.

Это вызвало в самом начале моей литературной деятельности лекцию об А. К. Толстом и о Некрасове, прочитанную в 1901 году в Высшей Русской Школе в Париже. В ней я доказывал эстетическую бедность А. Толстого и богатство чисто эстетических достижений и приемов у Некрасова. Лекция была встречена крайне несочувственно тогдашней эмигрантской публикой, вызвала прения, тянувшиеся несколько дней, и большинство моих оппонентов всеми силами старалось снять с Некрасова обвинения в новизне и совершенстве художественных приемов. Мне кажется, что со стороны поэтов моего поколения (т. е. символистов) моя манифестация в честь Некрасова была хронологически первой. Эта лекция не была напечатана, и рукопись ее утрачена. Статьи Бальмонта о Некрасове, написанной им года 2 спустя, предшествовали нескольким нашим беседам о Некрасове, во время которых мы с восторгом цитировали друг другу любимые стихи Некрасова, и помнится, что он впервые от меня узнал стихотворение «Вчерашний день часу в шестом», в те годы еще [не] входившее в собрание стихотворений.

Из всего сказанного ясно, какое влияние имел Некрасов на мое собственное творчество.

Тургеневская фраза о том, что «поэзия и не ночевала в стихах Некрасова», меня всегда глубоко возмущала, а после современных разоблачений о порче Тургеневым текста тютчевских и фетовских стихов убедила меня вполне в тайном художественном безвкусице Тургенева, которое я давно предугадывал.

Личность Некрасова вызывала мои симпатии издавна своими противоречиями, ибо я ценю людей не за их цельность, а [за] размах совмещающихся в них антиномий.

Но материалы для этого суждения я получил только теперь из статей и исследований К. И. Чуковского о Некрасове.

Максимилиан Волошин

1924, Царское.

Летом 1924 года я жил в Сестрорецке. Там я виделся с Мишей Вербовым (о нем см. стр. 116), который нарисовал в Чукоккале мой портрет и сделал такую надпись:

Великому президенту великой Чукоккалы. С любовью просит принять Народный Артист Чукоккалы

17.VIII.24

М. А. Вербов

Василий Иванович
Тыкоцкий. Сын
Николая Ивановича
17. VII. 24

М. А. Беглов
1924
Сестрорецк

Сейчас уже не помню, при каких обстоятельствах Александр Бенуа нарисовал в Чукоккале портрет своего сына и внука (стр. 318).

К сожалению, в Чукоккале очень мало материалов, относящихся к Серапионовым братьям. Эта литературная группа возникла в Доме искусств. То были молодые писатели, многие из которых впоследствии сыграли заметную роль в советской литературе: Константин Федин, Мих. Зощенко, Мих. Слонимский, Всеволод Иванов, Елизавета Полонская, Вениамин Каверин, Лев Лунц, Николай Тихонов, Николай Никитин. На их собраниях часто бывали Юрий Тынянов, Евгений Шварц и Валентин Стенич.

В 1922 году тяжело заболел Лев Лунц. Ему пришлось спешно уехать за границу лечиться. Серапионы устроили прощальную вечеринку. В тот день у меня не было возможности участвовать в ней, и я попросил Евгения Шварца, бывшего в то время моим литературным секретарем, передать мой привет отъезжающему, причем предложил Евгению Львовичу взять с собой на вечеринку Чукоккалу, чтобы каждый участник чествования написал там о Лунце хоть несколько строк. Но Шварц, опасаясь брать с собой такую книгу на пиршество, оставил ее дома в ящике своего стола. Явившись ко мне на другой день с повинной, он объяснил свой нерадивый поступок такими стихами:

*Отрывок из трагедии
«Секретарь XV».*

*Монолог секретаря.
д. V, картина VIII*

Секретарь

*Корней Иванович! Чукоккала была
В руках надежных! Невозможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пированьи
Забыли осторожность. Лева Лунц,
И Федин, и Замятин, и Каверин,
Полонская известная, Гацкевич¹
И Харитон² (которые дрожали
Благоговейно) — все они
Чукоккалу пытались обесчестить.
Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля!*

¹ Гацкевич — впоследствии жена одного из Серапионов, Николая Никитина, — Зоя Александровна Никитина.

² Харитон — Лидия Харитон, постоянная участница собраний Серапионов.

И вот я, притворившись огорченным,
 В разгаре пира, глядя, как Радищев¹,
 Ваш родственник (и сам в душе палач),
 Пьет пиво и кричит «Эван-эвоз!»,
 Как Лева Лунц почесывает челюсть
 Слегка испорченную. Как старик Замятин
 Жует мундштук с английскою улыбкой, —
 Я произнес дрожа, как прокаженный:
 «Увы мне! Братья...» Все остоленели —
 Радищев уронил котлету. Лева
 Воскликнул: «мама!»², засмеялась Зоя,
 Замятин плюнул. «Братья!» — я заплакал.
 «Чукоккала лежит в моей квартире.
 Нечаянно покинутая. Фреры!³
 «Экрир е дифисиль!»⁴ И трудно
 Служить безукоризненно. И я,
 Обычно аккуратный — опозорен!»
 Умолкли все. И в мертвой тишине
 Стучали слезы в грязные тарелки.
 И вдруг М. Л. Слонимский,
 Потомок Венгерова, Вестника Европы
 И Стасюлевича⁵, заговорил, качаясь:
 «Мы возьмем бумажки и напишем
 Слова для Лунца лестные. К завтра
 В Чукоккалу их, поплевав, наклеим». —
 Восторженные вопли! — и котлета
 Исчезла в пасти сына вашего. И Лева
 Сказал: «Не надо мамы!» И опять
 Замятин улыбнулся по-английски.

Все. Дорогой учитель! Неужели
 Я плохо вел себя. Рукопожатья
 Я ждуг за мудрую лукавость. Dixi⁶.
 Ваш верный ученик

Евгений Шварц

¹ Радищев — ранний псевдоним моего сына Николая Чуковского.

² В студии часто дразнили Лунца, который по молодости лет, говоря о литературе, постоянно ссылаясь на авторитет своей матери. Мне запомнилось насмешливое двустушие Владимира Познера:

А у Лунца мама есть,
 Как ей в студию пролезть?

³ Фреры — русифицированное французское слово «братья».

⁴ «Экрир е дифисиль» — «Писать трудно» (франц.). По словам Горького, девиз Серапионовых братьев, которым они приветствовали друг друга при встречах.

⁵ Отец Михаила Леонидовича Слонимского был известный публицист, сотрудник «Вестника Европы», выходившего под редакцией М. М. Стасюлевича. Дядей М. Л. Слонимского был профессор-литературовед Семен Афанасьевич Венгеров.

⁶ Dixi — я сказал (латин.); употреблялось древними римлянами в конце письма или речи.

Корней Иванович. Чудовка была
В руках надежных! Невозможно было
Чтоб мы в своем веселом тире
Заблели осторожность. Лева Луц,
И Фредик, и Замедик, и Каверин,
Полохская известная, Тацлевич
и Харитон (которые дрожали
Благотворейно) — все они
Чудовку пытались обесчестить.
Мне не слышно, когда маляр келюшней
Мне паккает мажани Радича!
И вот я приговорившись огорченным,
В ризаре тира, глядя, как Радичев
Ваш родственный (и сам в душе пачок)
Пьет пиво и кричит „Зван-звон!“
Как Лева Луц потаскивает келюшу
Слегка испорченную. Как старик Замедик
Мечет мундштуки с английской улыбкой —
Я прощусь дрожа, как прощались мы:
„Увы мне! Братцы!“ все ослепшими —
Радик в урочку пот. су. Лева
Воскликнул „к-к-к!“, засмеялась Зоя,
Замедик плюнул „Братцы!“ и затаялся,
„Чудовка лезла в мои квартиру
никак не пачкует. Воррер!
Зарри е дичишь. И трудно
Слушать табурирование. И я
Обычно inaccurate — опозорен!“
Учопали все, и в мертвый дичишь
Стучали слезы в крадущие дичишь.
И в Вурдуплохмский, Подомов Венгрова
Звездица Вропи и Спасского
Валоворил пачка, ~~и~~ ~~Вурдуплохмский~~ Мо,
Возомел Буманки и напички
Слова для Луца пестрые и дичишь
В Чудовку их, потлевав напички. —
Восторженные вопли! — и козле
Испугли в пачки сыны вашего. И Лева
Спадал, на мадо мамы!“ и отпад
Замедик улыбулся по английски.
Все. Боротый ухитрил! Кухня
Я плохо вел себя. Рухнописав
Я иду за мудрую мудрость. Дичишь.
Ваш верный ученик Евгений Шварц

К сожалению, здоровье Льва Лунца за границей не стало лучше. До нас доходили тревожные слухи, что болезнь его признана безнадежной. Незадолго до его кончины я получил от него следующее письмо, в котором трагический тон причудливо сочетался с веселым задором. Для того, чтобы подразнить меня, Лунц даже в этом последнем письме высказал убеждение, против которого я всегда возражал: что Чехов — плохой драматург.

*Возлюбленный мэтр, ментор
и учитель жизни, Корней Иванович!*

Тронут Вашим милым письмом. Не сомневался, что Вы не забудете меня, хотя и не сомневался, что Вы, злой человек, будете спорить с Замятиным. А я, назло Вам, взглядов своих не переменял и в бреду, при 41°, кричал, что Чехов плохой драматург! Да, да, да! Мой папа, который Вам нежно кланяется, уверяет, что все это потому, что меня мало драли в детстве. А мама вздыхает: «Почему у всех дети как дети, а мои — это черти?» Вероятно, Марья Борисовна говорит то же самое. Единственное утешенье, что мамы наших мам употребляли те же выраженья.

Я написал новую пьесу, страшно умную и плохую. Женя тоже собирается писать и, конечно, тоже пьесы. Это свинство. Точно мы — Слонимские¹, где каждый ребенок уже при рождении заносится в Венгеровский словарь.

Был бы весьма тронут, если б Вы прислали мне, больному ученику, Ваши новые произведения. Но это, кажется, очень трудно...

*Жаркий поклон Марье Борисовне и всем младенцам.
Спасибо!*

Лева

К 1924 году Серапионы сочли себя вынужденными поступить на государственную службу и стать работниками разных издательств. Михаил Слонимский пишет об этом в своих мемуарах так:

«К тому времени мы уже состояли в редакциях. В только что основанном журнале «Звезда» работал К. Федин, до того редактировавший журнал «Книга и революция». Александр Лебедев, в ту пору начинающий прозаик и ответственный секретарь «Ленинградской правды», привлек меня в редакцию журнала «Ленинград». Нам вместе с друзьями нашими из числа пролетарских писателей прозаиком Сергеем Семе-

¹ Дядя писателей Михаила и Александра Слонимских, профессор С. А. Венгеров — составитель монументального (но незаконченного) «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых».

24/2

Ваш любящий дядя
Похурен. 3 февраля
1924.

Возлюбленной дяди, матери и
друзей жизни, Хорей Ивочки,

Хорошо Ваши письма твоем. Не
сомневался, что Вы не забудете меня,
хоть и не сомневался, что Вы, зной
жизни, будете строить с Заветным. А я,
но зло Вам, взглядов своих не перемены
и в бреду, что что кричал, что бегом моих
граждан. Да, да, да! Мой мама, который
Ваша жизнь хороша, уверяет, что все
то хорошо, что меня мало драм в душе.
А мама говорит: "Почему у всех дети,
как дети, а мои - это зерт?" Веро-
яно, Марк Борисовна говорит то же
самое. Единственное утешение, что мама
наших нам употребил те же выражения.

Я написал книгу про себя, страшно
умно и плохо. Меня тоже собираются
писать и, конечно, тоже про себя. Это будет
Книга про - Словесные, не каждый ребенок
уже при рождении записан в Ветеринарии

новым и поэтом Ильей Садофьевым удалось организовать в Госиздате издание альманаха «Ковш»¹. По этому поводу Евгений Шварц написал в Чукоккале такую сатиру:

*Стихи о Серапионовых братьях
сочиненные в 1924 году*

*Серапионовы братья —
Непорочного зачатья.
Родил их «Дом искусств»
От эстетических чувств.*

*Михаил Слонимский:
Рост исполинский, —
Одна нога в Госиздате
И не знает, с какой стати,
А другая в «Ленинграде» *
И не знает, чего ради.
Голова на том свете,
На дальней планете,
На чужой звезде,
Прочие части неизвестно где.*

*Константин Федин
Красив и бледен.
Пишет всерьез
Задом наперед **
Целуется взасос
И баритоном поет.*

*Зощенко Михаил
Всех дам покорил —
Скажет слово сказом²,
И готово разом ***.*

*Любит радио,
Пишет в «Ленинграде» о
Разных предметах
Полонская Елизавета.*

*Вениамин Каверин
Был строг и неумерен.
Вне себя от гнева
Так и гнул налево.*

* Издаваемый в 1924 г. журнал.

** Намек на композицию романа «Города и годы».

*** Есть вариант более удачный, но менее приличный.

¹ Мих. Слонимский. Книга воспоминаний. М.—Л., 1966, стр. 83.

² «Скажет слово сказом...». — В то время критики хором сообщали читателям, что Зощенко пишет «сказом».

Строки о Саратовской Граждан-
социалистич. в 1924 году.

Саратовская Граждан-
непорочного зачатия.

Родилась из "дом испуск" ¹
от эстетических чувств.

Михаил Соловьевский:

Рост исполнительский
одна нога в босизде
и не знает с какой стороны
А другим в "Ленинграде"
и не знает что ради.

Голова на том свете,
на дальней планете,
на чужой звезде.
Прочие части неизвестно где
Константин Редки
Красив и бледен.
Плывет всерьёз
Видом наперёд
Щелкает в засос
и баритоновом поёт.

Издаваемый в 1924 г. журнал.

В) Намёк на композицию романа
"Город и люди"

Бил быт,
Был бит¹ —
А теперь Вениамин
Образцовый семьянин,
Вся семья Серапионова
Нынче служит у Попова².

1928 15/III Е. Шварц

Все знающие стихотворение Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» могут легко догадаться, что в таком же духе, но, конечно, не так вдохновенно разговаривал с фининспектором не один Маяковский.

Все мы, литераторы, художники, деятели науки, в ту пору считали, что наш интеллигентский труд облагается слишком высоким налогом, так как не учитываются именно те специфические особенности нашего труда, которые указаны в знаменитых стихах Маяковского. Один из таких «разговоров» и повели мы, мастера и подмастерья культуры, в кабинете у фининспектора, вызвавшего нас к себе в канцелярию Комиссии по подоходному налогу.

Стоя в очереди к «гражданину канцеляристу», я, чтобы скоротать время, попросил кое-кого из присутствующих оставить свои записи в Чукоккале. Некоторые из записей приводятся здесь:

В Прихожей Комиссии
по Подоходному Налогу
10 ноября 1925 г.

Счастливый ученый, причисленный к счастливой русской богеме.
профессор астрономии Сергею Глазенап³

Надо быть художником своей собственной жизни.

Юр. Юрьев⁴

¹ «Бил быт, был бит...». — Самые молодые из Серапионов, Лунц и Каверин, восставали в то время против бытовой литературы. Им казалось, что бытовая нравоописательная литература, сыгравшая такую огромную роль в XIX веке, теперь, после катастрофических потрясений, которые пережило человечество, уже не может отвечать запросам нового поколения читателей. Им казалось, что нужна литература бури и натиска, бешеных страстей и трагедий. Против этих взглядов ополчилась тогдашняя критика.

² Ионов — см. стр. 232.

³ Сергей Павлович Глазенап — известный советский астроном, под руководством которого построена обсерватория Петербургского университета. Организатор и председатель Русского астрономического общества.

⁴ Юрий Михайлович Юрьев — народный артист СССР, в то время возглавлявший Ленинградский академический театр (бывший Александринский).

В приложении

Комиссии по Подозрению Наслов
10 ноября 1925г.

Вашим любезным устным, письменным и
официальным русским богам. Профессор
Астрономии Сергей Глаголюк

Надо быть художником или
саблеземным врачом

Юр. Гоголь

Если вы спросите меня: "как
поживаете? выходишь извержением:
"никого себе!..... всё приношу."

Ст. Надаров..

Для меня абстракция — самый трудный раз
новосудья А. Писемский

в восторге
от отидания в свои
часы Маршала

жду

Литату

В Кемьоре

Минд 22-го

Это я не

«Большой дан» был вчера в губернской комиссии по подоходному налогу. Обсуждали комиссионеры публика — кустари, ремесленники и мелкие — уступили вчера место ленинградским литераторам.
Корней Чуковский, П. Шаголев, К. Фазис, И. Саломеев, М. Шагинин, А. Д'Актиль, Н. Кислов, О. Манделштам и др. работники пера понизили вчера жалованья — несправильное обложение подоходным налогом.
Большинство литературных работников просило понизить обложение подоходным налогом доход их от литературного труда на 50%, согласно постановлению Наркомфина СССР.
Постановление это выдано в общем порядке только с нынешнего полугодия. Литераторы же просили применить к ним это постановление при обложении и за предыдущее полугодие. Право понижать облагаемый доход литературных работников за предыдущее полугодие предоставлено только Губфинотделу в административном порядке. Поэтому, губернская комиссия оставила жалобу литераторов без рассмотрения и передала их в Губфинотдел.

Это здание — Берлога
Прогрессивного налога
С. Маршал

Если вы спросите меня: «Как поживаете?», вынужден ответить: «Ничего себе!.. Все финотделу»

Ст. Надеждин ¹

Для меня автограф — самый трудный род творчества.

Я. Перельман ²

Я в восторге от ожидания своей участи.

Тамара ³

Патаму что я выезжаю в цилиндре на красивых лошадях, то думают, что я непман.

В. Труцци ⁴

Это здание — берлога
Прогрессивного налога.

С. Маршак

На следующий день в «Красной газете» появилась такая заметка, вклеенная мною в Чукоккалу:

«Большой день» был вчера в губернской комиссии по подоходному налогу. Обычная в комиссии публика — кустари, ремесленники и непманы — уступили вчера место ленинградским литераторам.

Корней Чуковский, П. Щеголев, К. Федин, И. Садофьев, М. Шагинян, А. Д'Актиль, В. Князев, О. Мандельштам и др. работники пера пришли вчера жаловаться на неправильное обложение подоходным налогом.

Большинство литературных работников просило понизить облагаемый подоходным налогом доход их от литературного труда на 50%, согласно постановлению Наркомфина СССР.

Постановление это вводится в общем порядке только с нынешнего полугодия. Литераторы же просили применить к ним это постановление при обложении и за предыдущее полугодие. Право понижать облагаемый доход литературных работников за предыдущее полугодие предоставлено только Губфинотделу в административном порядке. Поэтому губернская комиссия оставила ходатайства литераторов без рассмотрения и передала их в Губфинотдел.

¹ Ст. Надеждин — артист оперетты.

² Яков Исаилович Перельман — автор «Занимательной физики», друг Циолковского. Я рад, что в Чукоккале сохранился автограф этого чудесного человека. Я познакомился с ним еще в 1905 году в доме его брата Осипа Дымова, известного в ту пору драматурга и беллетриста. Он был один из очень немногих, кто в те далекие годы уверовал в теории Циолковского и пылко пропагандировал их. «А я получил еще одно письмо от Константина Эдуардовича», — говорил он с гордостью.

³ Тамара — опереточная певица.

⁴ Труцци — известный цирковой артист.

Л. Собинов

К. И. Чуковскому

Сестрорецкий курорт
Электролечебный кабинет
7 июля 1924

Картинка с натуры

В уголке отгороженном,
Лампой кварцевой палим,
Охлаждая жар мороженым,
Стройный, словно херувим,
Сам Корней с улыбкой скромною
Мне ладонью огромною

Машет мило в так
приветствия —
Предлагает то же средство.
Тут же сестры милосердия
В электрической клетке
В исцеление предсердия
Держат птичкой взаперти
И меня, раба блаженного:
Знать, и впрямь я много пенного,
И французского, и ренского,
Выпил в славу пола женского.

Леонид Собинов

С Леонидом Собиновым я часто встречался в двадцатых годах на сестрорецком курорте, где мы оба ежедневно лечились в одном и том же электрокабинете. Там я завел с ним разговор о Некрасове и о некрасовских дактилических рифмах, о которых выразился, что они гораздо труднее других.

— Труднее? — сказал Собинов. — Нисколько!

И в доказательство без малейшей натуги набросал следующий превосходный экспромт, построенный на дактилических рифмах:

К. И. Чуковскому
Сестрорецкий курорт. Электро-
лечебный кабинет. Июль 1924
Картинка с натуры

В уголке отгороженном
Лампой кварцевой палим,
Охлаждая жар мороженым,
Стройный, словно херувим,
Сам Корней с улыбкой скромною
Мне ладонью огромною
Машет мило в так приветствия —
Предлагает то же средство.
Тут же сестры милосердия
В электрической клетке
В исцеление предсердия
Держат птичку взаперти
И меня раба блаженного:
Знаю и впрямь я много пенного,
И французского, и ренского,
Выпил в славу пола женского.
Леонид Собинов

В 1924 году мы бродили с Добужинским по Петроградской стороне.

Он нежно любил Петербург, о чем свидетельствуют его поэтические иллюстрации к «Белым ночам» Достоевского и многие другие рисунки.

Гуляя, мы вышли на Бармалееву улицу.

— Почему у этой улицы такое название? — спросил я. — Что это был за Бармалей? Любовник Екатерины Второй? Генерал? Вельможа? Придворный лекарь?

— Нет, — уверенно сказал Добужинский. — Это был разбойник. Знаменитый пират. Вот напишите-ка о нем сказку. Он был вот такой. В треуголке, с такими усищами.

И, вынув из кармана альбомчик, Добужинский нарисовал Бармалея.

Вернувшись домой, я сочинил сказку об этом разбойнике, а Добужинский украсил ее прелестными своими рисунками.

ми. Сказка вышла в издательстве «Радуга», и теперь это издание редкость.

Вот один из первоначальных рисунков М. В. Добужинского, сделанный еще до того, как была написана сказка (стр. 331).

Но я до сих пор так и не узнал, откуда взялась Бармалева улица.

Леонид Иванович Добычин, живший в Брянске, прислал мне в редакцию журнала «Русский современник» один из своих рассказов, который я и напечатал на страницах журнала. Рассказ назывался «Встречи с Лиз».

У нас завязалась переписка. Естественно, я спросил его, давно ли он занимается литературой. В ответ я получил такое письмо:

«...Давно ли «занимаюсь литературой»? Это похоже на насмешку. Я не занимаюсь литературой. Будни я теряю в канцелярии, дома у меня нет своего стола, нас живет пять человек в одной комнате. Те две-три штуки, которые я написал, я писал летом на улице или когда у меня болело горло и я сидел дома».

После появления первого рассказа молодым писателем заинтересовался Михаил Слонимский, один из редакторов альманаха «Ковш». В «Ковше» были напечатаны два-три рассказа Добычина.

В 1931 году вышла его книга «Портрет», несколько позже — «Город Н». В 1936 году, после того как в Союзе писателей кто-то выступил с запальчивой критикой его произведений, писатель покончил с собой.

Он был незаурядным рисовальщиком. Я рад, что у меня в Чукоккале сохранилась памятка о нем — его автопортрет и очень выразительный рисунок: старая дева перед зеркалом (стр. 333, 334).

И. Бабель

С Исааком Эммануиловичем Бабелем я познакомился в редакции журнала «Летопись», когда он принес свои первые рассказы Горькому. Он был тогда в студенческой фуражке, мы много бродили с ним по петроградским улицам, и однажды он даже сопровождал меня в Павловск, где жила дочь Авдотьи Панаевой, у которой мне предстояло раздобыть тетрадь стихотворений Некрасова, написанных рукою поэта.

Мне это никогда не удалось бы, если бы не дипломатические таланты, проявленные моим хитроумным спутником. Он говорил с владелицей драгоценнейших рукописей так вкрадчиво, напористо, азартно, что в конце концов тетрадь оказалась в моих руках и я мог использовать ее для

1904. 12. 14

Handwritten -
"1904. 12. 14"

Handwritten -
"1904. 12. 14"

30 November
1925
(Dobru)

восстановления нескольких подлинных текстов Некрасова, искаленных царской цензурой.

Это милое, вполне бескорыстное хитроумие Бабеля раскрыл перед читателями в своих блистательных воспоминаниях о нем Константин Георгиевич Паустовский¹.

Я же скажу, что и впоследствии мне часто приходилось любоваться им. Всегда меня очаровывала в Исааке Эммануиловиче смесь простодушия с каким-то прелестным лукавством.

Не могу вспомнить, при каких обстоятельствах он написал мне в Чукоккале нижеприведенные строки:

Об чем я думаю? Об выпить рюмку
водки, об дать кому-нибудь по морде,
об иметь немножко удовольствия с
моей супругой.
И. Бабель
Петербург, 12.IV.25
Милому, незабываемому Корнею
Ивановичу...

Об чем я думаю? Об выпить
рюмку водки, об дать кому-
нибудь по морде, об иметь немножко
удовольствия с моей супругой.

И. Бабель

Петербург, 12.IV.25.

Милому, незабываемому Корнею
Ивановичу...

В двадцатых годах мне не давал покоя один сюжет фантастической повести о том, как люди наконец научились управлять солнечными лучами, ветрами, дождями и в Москве возникло учреждение «Госпогода» для рационального распределения тепла и осадков на всем пространстве нашей необъятной страны.

При этом мне представлялось, что на первых порах из-за бюрократических склонностей руководящего работника «Госпогоды» во многих земледельческих районах произойдет невероятный трагикомический сумбур.

Об этом сюжете узнал от меня Всеволод Эмильевич Мейерхольд, и ему захотелось использовать его для буффонадного представления на сцене.

К сожалению, мой товарищ Борис Житков, которого я привлек в качестве соавтора, был завален срочной работой, и ему никак не удавалось подойти вплотную к «Госпогоде». Понемногу и я охладел к своему замыслу.

Вс. Э. Мейерхольд напоминал мне о пьесе при каждой встрече. Об этом же говорит он в своей чукоккальской записи:

¹ К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. М., 1962, стр. 323, 350.

Счастливы я, что в 1926 году встретил очаровательного Корнея Ивановича Чуковского таким же молодым, веселым, энергичным — каким он был в Финляндии... когда? да я даже уж не помню когда, так давно это было...

О, как хочу я, чтобы мы вместе создали для современного театра здоровую пьесу!

Беру с Корнея Ивановича слово, что на стр. 484 его альбома мы заключили договор:

принести в сезон 1926—1927 на русский Театр такую пьесу, которая станет известной не менее, чем его великолепный «Мойдодыр».

Дружески

Вс. Мейерхольд

13/1 1926

На Невском, 28, существовал в 1924 году очень неуютный и замызганный клуб при ленинградском Госиздате, клуб для служащих, и там Юрию Николаевичу Тынянову случилось прочесть лекцию об «архаисте» Кюхельбекере.

Лекция была посвящена исключительно стилю писателя, и, так как слушатели были равнодушны к проблемам, которые ставил перед ними докладчик, и вообще утомлены целодневной канцелярской работой, они приняли лекцию сумрачно.

Когда после окончания лекции мы шли обратно по Невскому и потом по Литейному, Юрий Николаевич так художественно, с таким обилием живописных подробностей рассказал мне трагическую жизнь поэта, так образно представил его отношения к Пушкину, к Рылееву, к Грибоедову, к Пущину, что я довольно наивно и, пожалуй, бестактно воскликнул:

— Почему же вы не рассказали о Кюхле всего этого там, перед аудиторией, в клубе? Ведь это взволновало бы всех. А мне здесь, на улице, вот сейчас, по дороге, рассказали бы то, что говорили им там.

Он насупился. Ему было неприятно при одной мысли, что Тынянов-художник может нанести хоть малейший ущерб Тынянову-ученому, автору теоретических книг и статей.

И должно же было так случиться, что через несколько дней одно ленинградское издательство, функционировавшее под загадочным и звонким названием «Кубуч», вздумало издавать детские книжки — для среднего и старшего возраста — и поручило мне наладить это дело. В план издательства я включил и маленькую тыняновскую книжку о Кюхле — не больше пяти листов. Предполагалась серия таких биографий.

Мы не виделись довольно долгое время — Юрий Николаевич уехал куда-то на юг, но я хорошо помню свое

Составил, что в 1926 году
вместил охарактеризовал
Корней Ивановича Чуковского

■ Яким нас молодым,
всесильным, энергичным - какими
он был в Финляндии... когда?
да я даже уже не помню когда,
так далеко это было....

О, как хочу я, чтобы мы
вместе создали для современников
театр здоровья и силы!

Беру с Корнея Ивановича слово,
что на стр. 484 его альбома
мы являемся договор:

присоединяю в сезоне 1926-1927
на русский театр театру
и силе, который становится "активным"
не менее, чем его величественный
"мощный".

Дружески
И. Мейерхольд

$\frac{13}{1}$ 1926.

изумление, когда он принес мне объемистую рукопись «Кюхли», в которой, когда мы подсчитали страницы, оказалось не пять, а девятнадцать листов!

Так легко писал он этот свой первый роман, что даже не заметил, как у него написалось *четыренадцать лишних* листов!

Вместо восьмидесяти заказанных ему страниц он, сам того не замечая, написал больше трехсот, то есть перевыполнил план чуть ли не на триста процентов.

В работе над «Кюхлей» сильно помогал ему советами и архивными справками ближайший его друг и товарищ (еще с университетских времен) Юлиан Григорьевич Оксман, ныне известный историк, который всегда вызывал у него восхищение своей глубокой и разносторонней ученостью. Таким же авторитетным советчиком во всех своих литературных делах считал он своего друга (и родственника) Вениамина Александровича Каверина.

Но что было делать с издательством? Ведь оно заказало Тынянову тощую книжку — вернее, популярную брошюру, — а получило великолепный роман и по своей социальной насыщенности, и по четкой легкости рисунка, и по стройному изяществу всей композиции, и по высокому качеству словесной фактуры, и по богатству душевных тональностей, и по той прекрасной, мудрой, очень непростой простоте, в которой нет ничего упрощенческого и которая свойственна лишь большим произведениям искусства.

Как виноватые пришли мы в «Кубуч», и первоначальные разговоры с его заправилами живо напомнили мне чеховский рассказ «Детвора»: дети играют в лото и требуют, чтобы самый старший из них поставил обычную ставку — копейку.

— У меня копейки нет, но вот есть рубль. Я ставлю рубль.

— Нет, нет, нет... копейку ставь!

Тынянов давал издательству самобытный, талантливый, познавательный ценный роман, а оно не хотело романа, оно требовало плюговой брошюры.

— Нет, нет, нет... ставь копейку.

Но тут случилось чудо, почти небывалое в тогдашней издательской практике. Один из главарей «Кубуча» (тов. Сапир) догадался не страховать себя трусливой уклончивостью, а взять и прочитать весь роман. Прочитал и сделался таким страстным приверженцем «Кюхли», что героически отстоял его перед синклитом издательства.

Но вот и корректурные гранки «Кюхли». Юрий Николаевич стал очень взволнованно и даже тревожно ждать появления книги. Эта тревога отразилась в той записи, которую за день до выхода книги, 1 декабря 1925 года, он сделал на странице Чукоккалы.

Сижу, бледнея, над экспромтом —
И даже рифм не подыскать.
Перед потомками потом там
За все придется отвечать.

1/XII 1925 Юр. Тынянов

(Накануне рождения Кюхли —)
(поэтому так плохо)

Потомки уже вынесли ему свой приговор, так как тотчас же после появления в печати «Кюхля» сделался раз навсегда любимейшей книгой и старых и малых советских людей от двенадцати лет до восьмидесяти.

Это книга во славу русской культуры, ибо в ней, как ни в одной из наших исторических книг, воспроизведена духовная атмосфера эпохи.

Здесь была сила Тынянова — в изображении одухотворенных людей высокой культуры, и мне всегда думалось, как были бы рады и Кюхельбекер, и Рылеев, и Дельвиг, и каждый из братьев Бестужевых водиться с ним, и беседовать с ним, и смеяться его эпиграммам, каламбурам, гротескам.

Нередко он казался мне их современником, человеком декабристской эпохи. Не сомневаюсь, что молодой Петр Вяземский был бы рад вступить с ним в переписку.

Стихов он писал множество на всякие случаи.

Когда один из столпов. Пролеткульта, выступая на эстраде, заявил, что пролеткультовцы, пожалуй, согласны считать (хоть и с оговорками) своим попутчиком Горького, Тынянов записал в Чукоккалу:

*Сатурново кольцо сказало: „А недурно
В попутчики б теперь мне пригласишь
— Сатурна!“*

Сатурново кольцо сказало:
«А недурно
В попутчики б теперь мне
пригласить — Сатурна!»

К одному литератору, докучавшему нам своими плаксивыми жалобами на непризнание современностью его мнимых заслуг, он в той же Чукоккале обратился с двустушием:

*Если же ты не согласен с эпохой —
Охай*

Если же ты не согласен с эпохой.
Охай.
Юр. Т[ынянов]

В 1927 году отмечалась 50-я годовщина со дня смерти Н. А. Некрасова. Для известного некрасоведа Евгеньева-Максимова открылась широкая возможность печатать в разных газетах и журналах свои исследования, статьи, заметки и очерки, посвященные жизни и творчеству великого поэта. По словам Тынянова, этот некрасовед совершенно заслонил собой чествуемого им поэта.

Отсюда экспромт Юрия Николаевича:

С.С.С.Р. от Кяхты до Касимова
Отликовал сознательно и
Полустолетний юбилей массово
Максимова
То есть, тыфу! — Некрасова.

12/1 21

С.С.С.Р. от Кяхты до Касимова
Отликовал сознательно и массово
Полустолетний юбилей Максимова,
12/1 21 то-есть, тыфу! — Некрасова.

Среди его экспромтов есть один, тоже относящийся к «Кюхле». В экспромте упоминается между прочим тот взбалмошный «владыка Госиздата», который дал приказ своему приспешнику Ангерту снять Юрия Тынянова с работы:

.....
Когда владыка Госиздата,
Столь незначительный когда-то,
Такую силу ощутил,
Что стал разборчив очень, очень,
И мимоходом был проглочен
Ваш восьмилетний Крокодил ¹,
И он «Ковшам» ² велел остаться.
А остальным ко вшам убраться
И Ангерту сказал: «Умучь», —
То рок ли, благосклонный дух ли,
Но, снизойдя к мученьям Кюхли, —
Вы повели меня в Кубуч.

И там, великодушьем муча,
На территории Кубуча
Мне дали Фабер № 2,
И этим Фабером — не перьевым —
В Чукоккалу пишу теперь Вам —
Вот эти самые слова *.

1926 5/V

Юр. Тынянов

* Последняя строка явно для рифмы.

¹ «Крокодил» — моя детская сказка в стихах.

² «Ковш» — альманах, выходивший в Ленинграде.

Был у вас — Арсамас,
Арсамас,
Был у нас —
Опояс —
И литература.
Есть — ^{за} ~~у~~ нас
Касс,
Есть — у нас
Масс,
Есть у нас
Младший класс —
И литература.

Надпись на стене, Пушкина и Архангела,
погоревший Эйхенбауму

1927. 21/

Вот это и есть

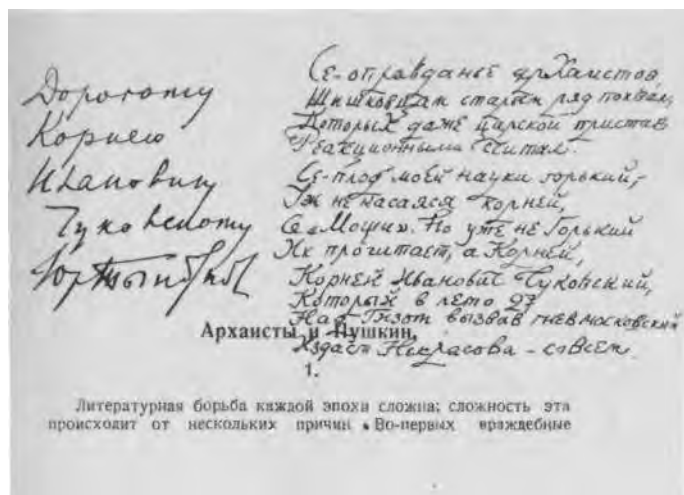
В Чукоккале Тынянов воспроизвел также надпись на книге, подаренной им ближайшему своему товарищу Борису Михайловичу Эйхенбауму.

Был у вас —
Арзамас ¹,
Был у нас —
Опояз ² —
И литература.
Есть — заказ
Касс,
Есть — указ
Масс,
Есть у нас
Младший класс —
И макулатура.

Надпись на статье «Пушкин и Архаисты», подаренной Эйхенбауму.

Юр. Тынянов
1927 21/V

Свою статью «Архаисты и Пушкин» он подарил мне с такой надписью:

Дорогому Корнею Ивановичу
Чуковскому

Юр. Тынянов

Се — оправдание архаистов,
Шишковым ¹ старым ряд

похвал,

Которых даже царский пристав
Реакционными считал.

Се — плод моей науки горький, —
Уж не касаясь корней,
Се «Моци». Но уже не Горький
Их прочтает ², а Корней,

Корней Иванович Чуковский,
Который в лето 27,
Над Гизом вызвав гнев

московский ³,

Издаст Некрасова — со всем.

¹ Шишковы — сторонники А. С. Шишкова, выступавшего в своей книге «О старом и новом слоге» против европеизации русского языка, осуществляемой новаторами (карамзинистами).

² «Но уже не Горький их прочтает...». — Как известно, Горький, который очень высоко ценил произведения Тынянова, в это время находился за границей.

³ В 1927 году в газетах появились резкие отзывы о моих детских сказках, причем были сделаны попытки опорочить мою работу над литературным наследием Некрасова.

¹ «Арзамас» — петербургский литературный кружок (1815—1818), в котором участвовали Жуковский, Пушкин, Вяземский и другие передовые писатели. Этот кружок возник в противовес реакционному обществу «Беседа любителей русского слова», основанному адмиралом А. С. Шишковым.

² Опояз — общество по изучению языка, в которое входили молодые лингвисты той эпохи — Эйхенбаум, Томашевский, Тынянов, Шкловский, Якубинский и другие.

Даря мне свою книжку «Проблема стихотворного языка» (которая, кстати сказать, переиздана в 1965 году), он сделал на ней такую шуточную надпись:

Пока
Я изучал проблему языка,
Ее Вы разрешили
В «Крокодиле».
Корнею Ивановичу Чуковскому.
Юр. Тынянов
1924 19/VI

Пока
Я изучал проблему
Языка,
Ее Вы разрешили
В "Крокодиле".
Корнею Иван-
ичу
Чуковскому
Юр. Тынянов
1924 19/VI

В Чукоккале сохранились экспромты Евгения Шварца. Однажды он написал о Михаиле Слонимском:

Миша-пророк

Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения. Слонимский сказал:

— Федин уехал встряхнуться.

Так и вышло.

Иеромонах Е. Шварц
18/IX 27 г.

А вот стихи, которые Евгений Шварц написал в Чукоккале (стр. 346) по поводу того, что некий администратор, человек бестолково запальчивый, внезапно из пустого упрямства отказался уплатить гонорар ряду авторов (в том числе Юрию Тынянову. См. запись Тынянова на стр. 341).

Экспромт пародирует речь этого взбалмошного деятеля.

Миша-пророк

Федик уехал в Крым за
неделю до землетрясения.

Слонимский сказал:

- Федик уехал в страхе

Так и вышло.

Чертономас В. Шварц

18/271.
1X

Прямую.

Трижды. Бать поэтом
и служил в Госиздате при этом.
Службное положение
Развивает воображение.

19 $\frac{11}{18}$ 2 72.

г. Мвару

Авторы и редакторы

Сочинение в. тварца

Все у нас идет гладко, только
авторы ведут себя гадко. Прямо
сказано: неприязно-не платит рабо-
та. Бесплатно. Всё время предв-
ождают президиум: плати или
за рукописи и за рецензии и
за отзывы и за иллюстрации
так и так, так и так
эскамуции.

своими абстрактными думами - да
или такие сумасшедшие? Может, они
никогда не будут везут себя и т.д.
они не могут справиться с этой проблемой.
Итак, это суперструктура, которая

Приятно
Приятно быть поэтом
И служить в Госиздате при этом.
Служебное положение
Развивает воображение.

11/IX 1927 г. Е. Шварц

Авторы и Леногиз
сочинение Е. Шварца

Все у нас идет гладко,
Только авторы ведут себя гадко.
Прямо сказать неприятно —
Не желают работать бесплатно.
Все время предъявляют претензии:
Плати им и за рукописи, и за рецензии,
И за отзывы, и за иллюстрации.
Так и тают, так и тают ассигнации.
Невольно являются думы:
Для чего им такие суммы?
Может, они пьют пиво?
Может, ведут себя игриво?
Может, занимаются азартной игрой?
Может, едят бутерброды с икрой?
Нельзя допускать разврата
Среди сотрудников Госиздата.

Е. Шварц

В 1928 году я познакомился с великим армянским поэтом Аветиком Исаакяном.

Он отдыхал тогда в санатории ЦЕКУБУ, в Кисловодске. Несколько сутулый, без всяких претензий на поэтический облик, словно удрученный какой-то неотступной печалью, он явно старался ничем не выделяться среди толпы отдыхающих. Было в нем что-то простонародное в высоком значении этого слова, живо напоминавшее мне типичных армянских крестьян, и в то же время утонченное, одухотворенное. К стыду своему, я знал его творчество лишь по переводам Александра Блока, из которых помнил, да и то не совсем, три или четыре строфы:

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране,
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...

А. Исаакян

Я прочитал эти стихи одному из кисловодских армян, часто посещавших Аветика. Он сообщил мне, что теперь эти стихи имеют для поэта особое значение, так как поэт тоскует по любимой жене, которая живет за рубежом и не может вернуться к нему.

В санатории ЦЕКУБУ был обычай устраивать литературные вечера. На одном из таких вечеров я в присутствии всех отдыхающих, среди которых был и Аветик Исаакян, прочитал его стихотворение:

Запевае кузнечик в кровавых полях,
И, в объятьях предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Аветик Исаакян сидел в третьем или четвертом ряду и, услышав, что я читаю его стихи, закрыл лицо руками и в ответ на рукоплескания собравшихся чуть-чуть приподнялся и угловато-застенчиво раскланялся.

В тот же вечер он написал мне в мою Чукоккалу несколько приветливых слов по-армянски; этот автограф — одна из самых больших достопримечательностей Чукоккалы.

Կ. Ի. Իսահակյան:

Խնամեալ «Կոկա-» անթոլոգիայի համարիչ
Խոստովանեալ ինչպէս թէ իմ համար, երբեք
չարեւ իմանալի, իմեալ լաւ լինելու և հաճելու իմանալի:

Ձեր իշխան, խնամեալ Ձեր հարձը քաջանալ
և Ձեր հաճեալներն քիմիականիք, ինչպէս շարժել,
ի՞նչ ևս զի հաճելի անթոլոգիայի:

Մանկեանքի քաջութիւնը իմ Ձեր անունը, իմեալ անթոլոգիայի
հարեալի հայ անթոլոգիայի:

Կեանք և անթոլոգիայի

Ձեր Մանկեալի անթոլոգիայի:

25. Ի. 1928.

Կոկա-:

Перевод:

К. И. Чуковскому

Покидая санаторию «ЦЕКУБУ», я уношу с собою самое яркое воспоминание о Вас, любезный Корней Иванович, как о хорошем товарище и приятном собеседнике.

Ваши выступления, оживленные Вашим высоким талантом и поэтическим темпераментом, доставили многим, как и мне, большое наслаждение.

Особенно дорого мне Ваше имя как имя искреннего друга армянской литературы.

С любовью и уважением к Вам

Ваш Аветик Исаакян

25.X. 1928

Кисловодск

Писательница, принадлежащая к народническому лагерю, Екатерина Павловна Леткова была необыкновенно красива — очень высокая и стройная брюнетка, знавшая в юности Тургенева, дружившая с Михайловским и Глебом Успенским. Она была своего рода иконой для радикальных кругов моего поколения.

У нее с давнего времени были какие-то особые связи с Академией наук СССР (она была в большой дружбе с президентом Академии А. П. Карпинским). В ее юбилейном чествовании приняли участие не только писатели, но и академики Николай Севастьянович Державин, Евгений Викторович Тарле, Николай Александрович Морозов (шлиссельбуржец), Александр Петрович Карпинский, Сергей Федорович Ольденбург, каждый из которых и написал в Чукоккале общепринятые в таких случаях юбилейные фразы.

Запись Слонимского:

Эти стихи сочинил Михаил Леонидович Лозинский за двух Михайлов Леонидовичей (Лозинского и Слонимского) на 50-летнем юбилее Ек. Султановой-Летковой во время пения Н. Н. Ходотова (карандаш, коим написаны стихи, принадлежит Ю. Н. Султанову¹ — он очень просил упомянуть об этом).

Запись Лозинского:

Чуковский, в этот пирный час
Почто, почто смущаешь нас!
Крюшон иссяк, и съеден стрепет*.

* Он же рябчик.

¹ Ю. Султанов — сын Е. П. Султановой.

Эти стихи сочинил Михаил
Леонидович Лозинский за двух Михайлов
Леонидовичей (Лозинского и Соловьевского)
на 50-летнем юбилее Ек. Сургановей-
Летковой во время пенсия Н. И. Хо-
дотова (карандаш, когда написаны
стихи, принадлежит Ю. И. Сурганову-
он очень просил упростить об этом);

Туровский в этот турский час

Поэт, поэт слагавший нас!

Крошечный иссяк, и светит стирелет.*)

Или мы сами похвасты мы извасеб,

Зачем в "младенчеством перь"

Зачем у нас детский лепет?

*) Он на рубчик.

А я думаю о вас. Дел
и дел, и дел, и дел, и дел.

28 февраля № 287. Понедельно
Второго полнолуния. Сидим
за гратами в центре Сурга-
нова. Труновский говорит
что добней — во всем от нас
Сидя. Не смотрит по хро-
ней сфинксо 1. Н. все очень
модерн и в ней. модерное
прошлое. В руках очень
мало поминаний, что распе-
удивительно. И очевидно
конкурс без скандала.
Труновский — идущий этап,
ради бога. Видеть нас в
нашей час — душно, нес-
верженно и уютно

А. Понедельно

Иль мыслишь пользу ты извлечь,
Дабы в «Младенческую речь»¹
Заполучить наш детский лепет?

А карандаш действительно мой.

Ю. С[ултанов]

...Зная, что я обычно ложусь спать очень рано, и увидев меня на юбилее во втором часу ночи, Толстой разыграл пантомиму ужаса — словно увидел привидение — и, прячась за широкую спину поэта Михаила Лозинского, стал шептать смешные заклинания, а потом написал в Чукоккале:

28 февраля 1928 г. Половина второго полуночи. Сидим за столами, в центре Султанова. Чуковский говорит, что юбилей — волшебная сказка. Несмотря на это — действительно Е. П. все очень любят и в ней любят свое прошлое. В речах очень мало пошлости, что тоже удивительно. И очевидно кончится без скандала.

Чуковский — идите спать, ради бога. Видеть Вас в такой час — дико, неестественно и жутко.

А. Толстой

Вечно обаятельная и молодая, неувядаемая Екатерина Павловна — последняя из плеяды незабвенных прекрасных женщин прошлого века — истинный товарищ Анны Павловны Филосовой.

М. Бекетова¹

¹ Мария Андреевна Бекетова, детская писательница, близкая родственница Александра Блока, автор воспоминаний о нем (см.: М. А. Бекетова, Александр Блок. Биографический очерк, 1930). Упоминаемая ею Анна Павловна Филосова, основательница Высших женских медицинских курсов, в голодный 1873 год организовала помощь голодающим крестьянам Поволжья. Переписывалась с Тургеневым.

Вот обаятельная и
молодая, неувядаемая
Екатерина Павловна —
истинная и прекрасная
товарищ Анны Павловны
Филосовой —
М. Бекетова —

¹ Я в то время собирал материалы о детской речи для своей книжки «От 2-х до 5-ти».

27. II. 28. Ненавижу юбилов вообще, но сегодня переменяю мое мнение. Раньше считал, что жить, мучиться, добиваться, страдать, — чтобы пережить сегодняшний вечер. Спасибо всем друзьям!.. Спасибо Курьи! Ивану Диме

И. Леткова
С. Б. Бонин

27. II. 28.

Ненавижу юбилей вообще, но сегодня переменяю мое мнение. Стоило жить, мучиться, добиваться, страдать, — чтобы пережить сегодняшний вечер. Спасибо всем друзьям!.. Спасибо, Корней Иванович.

Ек. Леткова-Султанова

Я сидел у себя в комнате и, скучая, томился над корректурными гранками. Вдруг телефонный звонок. Настойчивый голос Михаила Кольцова:

— Хотите посмеяться? Бросьте все и приезжайте ко мне в «Европейскую». Ручаюсь: нахохочетесь всласть.

Я бегу что есть духу в гостиницу — сквозь мокрые вихри метели — и, чуть только вхожу к Михаилу Ефимовичу в большую теплую и светлую комнату, чувствую уже на пороге, что сегодня мне и вправду обеспечена веселая жизнь: на диване и на креслах сидят первейшие юмористы страны — Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров.

И тут же Кольцов, их достойный собрат.

Он, как всегда, возбужден. Шагает на высоких каблучках по ковру от двери к окну и обратно. Присядет на минуту, отхлебнет из стакана и снова начинает шагать. Невысокого роста, подвижной, худощавый, он очень похож на подростка, который только притворяется взрослым. Загруженный десятками ответственных дел, — он и дипломат, и писатель, и авиатор, и глава одной из крупнейших издательских фирм, — он часто страдает мигренью, часто бывает озабочен, заторможен, издерган, но сквозь все его заботы и тяготы всегда готово пробиться веселье, особенно среди близких его сердцу людей. Порою мне кажется, что, если бы не эти просветы веселости, ему никогда не осилить столько тяжелых работ.

Сейчас он выглядит как молодой режиссер за минуту до поднятия занавеса, и я по глазам его вижу, что он ждет каких-то чрезвычайных утех. Шумно приветствует запоздавшего Леонида Утесова и, потирая руки (его излюбленный жест), приступает к организации «веселого вечера».

— Итак, мы начинаем! — говорит он, взглянув на часы.

М. Зощенко.
Фото М. Наппельбаума

Л. Утесов

Но ничего не происходит. Все молчат.

Я раскрываю Чукоккалу, чтобы запечатлеть на ее страницах и сохранить для потомства шедевры искрометного юмора, которые сейчас будут созданы здесь, в этой комнате.

Но записывать нечего: чем усерднее старается Кольцов расшевелить знаменитых юмористов и комиков, тем упорнее они хранят молчание. Жуют бутерброды, пьют чай и даже не глядят на Кольцова.

Все же Кольцов, а потом и Утёсов, берут у меня Чукоккалу. Вот, что они пишут:

Если бы Утесов играл, как я пишу — его прогнали бы со сцены.

Если бы я писал, как Утесов играет — меня прогнали бы из газет.

А так ничего, живем. Работаем!..

Мих. Кольцов

Правильно.

Леонид Утесов.

Это было в Одессе в 1914 году. Я вскочил на площадку трамвая. Купил билет. К рядом стоящей женщине подошел кондуктор. Она хватается за карман и обнаруживает пропажу кошелька. Начинает дико плакать. «Сколько денег было у вас?» — спрашиваю я. «Двадцать копеек», — говорит она. Я даю ей 20 коп. Она покупает билет. Кондуктор уходит. «Отдайте мне кошелек тоже», — говорит она.

Леонид Утесов

Е. Петров.
Фото М. Наппельбаума

Я встречался с Ильфом и Петровым в Москве (Кольцов и познакомил меня с ними — как раз в период «Двенадцати стульев»). Там они каждую свободную минуту напропалую резвились, каламбурили, острили без удержу.

А теперь они оба нахохлились над стаканами остывшего чая и сумрачно глядят на угрюмого Зощенко, который сидит в уголке и демонстративно молчит — как тот, кто, страдая зубами, дал себе заранее слово во что бы то ни стало не стонать и не хныкать, а дострадать до конца.

Он пришел на этот праздничный вечер такой нахмуренный, кладбищенски мрачный, что впечатлительные Ильф и Петров сразу как-то завяли и сникли, даже улыбнуться и то невозможно в присутствии такого страдальца.

Чтобы хоть чем-нибудь отвлечь Михаила Михайловича от его горестных мыслей, я кладу перед ним Чукоккалу, которая нередко смешила его. Он даже позаимствовал из нее несколько строк для своего известного рассказа «Дрова».

Если бы Тютчев играл, как я пишу - его
прочтали бы со сцены

Если бы я писал, как Тютчев играет - меня
прочтали бы из газет.

А так - ничего, живем Работаем!...

Михаил Каленчук

Правильно

Андрей Тютчев

Это было в Осее в 1924 году. Я выскочил
на площадь у райкома. Купил билет.
К работам своей? неспешно пошел
кондуктор. Она хвасталась за карман и
обнаружила пропажу нацистка.
Ничего, зато алакар. "Сколько денег
было у вас?" спросила я. "Всего
пять" говорит она. Я даю ей 20 коп.
Она пошла билет. Кондуктор ухаживает
"Всего мне пошла 20 коп", говорит
она.

Андрей Тютчев

...!!! - То не так!!!

Но теперь он оцепенело глядит на нее, словно не понимая, откуда она взялась на столе. И только перед самым уходом набрасывает в ней грустную запись:

Был. Промолчал 4 часа. Несколько оживился, когда предложил Кольцову книжку в Огонек. Согласился. Ну что ж, давайте, говорит.

М. Зощенко

Был. Промолчал 4 часа. Несколько оживился, когда предложил Кольцову книжку в Огонек. Согласился. Ну что ж, давайте, говорит.

М. Зощенко

В записи чувствуется атмосфера «угрюмства» и вялой апатии, которая неожиданно-негаданно воцарилась на этом хорошо организованном «вечере смеха». То, что написали в альманахе другие, носит такую же печать тяжелой скуки или хуже: насильственной резвости. «Вечер смеха» оказался самым скучным и томительным вечером, какой я когда-либо проводил в своей жизни.

Моя жена Валентина в шестилетнем возрасте выучила Вашего «Крокодила» и помнит его до сих пор наизусть. И часто декламирует.

Это обстоятельство лишний раз подтверждает тот факт, что «все течет, все не меняется».

И вообще, когда физкультура и балет сольются воедино, наступит социализм.

Евг. Петров

1 декабря 1929 г.
Ленинград

Моя жена Валентина в шестилетнем возрасте выучила Ваш «Крокодил» и помнит его до сих пор наизусть. И часто декламирует. Это обстоятельство лишний раз подтверждает тот факт, что «все течет, все не меняется». И вообще, когда физкультура и балет сольются воедино, наступит социализм.
Евг. Петров.
1 декабря 1929 г.
Ленинград

Присмирившие, словно виноватые в чем-то, мы тихо ушли из гостиницы.

Кольцов был опечален и даже как будто сконфужен. Он один не поддавался этому гипнозу уныния.

Через несколько месяцев, увидев в Чукоккале запись Евг. Петрова, Ю. Олеша написал:

(По частному поводу)
Евгений Петров (см. налево) умалчивает, что его жене, Валентине, когда она была тринадцатилетней девочкой, был посвящен роман «Три толстяка». Она выросла и вышла замуж за другого.

(По частному поводу)
Евгений Петров (см. налево) умалчивает, что его жене, Валентине, когда она была тринадцатилетней девочкой, был посвящен роман «Три толстяка». Она выросла и вышла замуж за другого.

Не помню, при каких обстоятельствах М. Зощенко написал в Чукоккале:

Самая «умная» фраза, которую
я сочинил —

Смысл жизни не в том, чтоб
удовлетворять свои желания, а
в том чтоб иметь их

Мих Зощенко

22 августа 27 г.

г. Мымры

Всем известна биография Алексея Ивановича Пантелева, одного из замечательных советских прозаиков.

В Чукоккале он сделал оттиск своего большого пальца — и написал над оттиском:

Дефективного поэта —
Уголовная примета

Самая «умная» фраза, которую я сочинил — Смысл жизни не в том, чтоб удовлетворять свои желания, а в том, чтоб иметь их.

22 августа 27 г. Мих. Зощенко
г. Мымры

Дефективного поэта
Уголовная примета:

Ленька Пантелеев
13 мая 1929 г.

Ленька Пантелеев
13 мая 1929 г.

Известно, что он был беспризорным и воспитывался в детской трудовой колонии, которая имела неофициальное название «Республика Шкид» (Школа имени Достоевско-

го). Нравы этой республики юмористически описаны им и его товарищем Г. Белых в повести того же названия.

Повесть была переведена чуть ли не на все европейские языки. М. Горький и С. Маршак приняли большое участие в юных авторах. После «Республики Шкид» А. И. Пантелеев написал еще несколько прекрасных книг: «Пакет», «Часы», «Ленька Пантелеев» и др.

Поэт Михаил Леонидович Лозинский был необыкновенно учтив. Вежливость его происходила не только от хорошего воспитания, но и от сердечной доброты.

В конце двадцатых годов мы отдыхали с ним в Кисловодске. Наконец настало время ему уезжать. Поезда отходили ночью, на вокзале была черная тьма. Я вместе с двумя приятелями провожал Лозинского на этот темный вокзал. К Лозинскому подбежал носильщик, схватил его чемоданы и хотел устремиться к вагонам. Лозинский из вежливости дал ему пятерку вперед. Носильщик тотчас же бросил его чемоданы и кинулся обслуживать других пассажиров. Мы, провожатые, подхватили брошенные чемоданы и стали вместе с Лозинским в очередь. Здесь Лозинский обнаружил, что сзади стоит дама. Он приподнял шляпу и отступил назад. Но сзади оказались еще четыре женщины. Он приподнял шляпу и отступил в глубокий тыл. Мне пришлось вмешаться в это дело и втолкнуть его силой в вагон. Один из своих чемоданов он не успел захватить, и я подал его Лозинскому в окно вагона через головы других пассажиров. Поезд ушел.

На следующий день с ближайшей же станции от Лозинского пришла открытка со стихами:

Не попрощавшись с Вами
на ночь,
Я бы спокойно не уснул.
Спасибо Вам, Корней Иванович,
За всунутый в окно баул.

Не попрощавшись с Вами на ночь,
Я бы спокойно не уснул.
Спасибо Вам, Корней Иванович,
За всунутый в окно баул.

Чукоккальская запись Всеволода Иванова (стр. 301) была сделана в грустную минуту. Через десять лет Всеволод Иванов по тому же поводу высказался так:

Десять лет назад тощий и оборванный юноша написал Вам, дорогой Чукоцкий, мрачные слова — о том, что русская литература не может возродиться. Как я мог так думать? Как я так мог писать? Не предвидеть «Литера-

турной газеты», 11-тиэтажного Госиздата, Ефима Зозули, пишущего Ромэну Роллану?.. Мне стыдно за свое прошлое! Теперь бы мне, — я знал бы, как написать, — но я не напишу — ибо через десять лет в сей «Чукоккале» не хватит места для моего раскаяния; не хватит чувств, ибо за эти десять лет я помрачнел неизмеримо, я растолстею, жена будет говорить: «Ты никогда не понимаешь современности» — так же укоризненно, как она говорит сейчас, — не будем причинять друг другу неприятности, дорогой Чуковский!

— И шутить трудно и мрач-
ным быть надоело. Кроме того,
меня напугало и то, что я уже 10
лет подряд вожу пером по бума-
ге, и то, что некоторые мои
друзья превратились в памят-
ники — заставляет меня отно-
ситься к своим словам с уваже-
нием и с испугом. Эх,
Корней Иванович, — хорошо быть веж-
ливым!..
24/II-31. Справляли день моего
рождения! Чуковский все еще не
пьет! Стыдно-с!

— И шутить трудно и мрач-
ным быть надоело. Кроме того,
меня напугало и то, что я уже 10
лет подряд вожу пером по бума-
ге, и то, что некоторые мои
друзья превратились в памят-
ники — заставляет меня отно-
ситься к своим словам с уваже-
нием и с испугом. Эх,
Корней Иванович, — хорошо быть веж-
ливым!..

Всеволод Иванов

24/II-31. Справляли день моего
рождения! Чуковский все еще не
пьет! Стыдно-с!

Когда-то я завел в газетах отдел «Литературные стружки», где отмечал всякие ляпсусы, допущенные большими писателями. Так, например, Куприн в своем «Поединке», выдержавшем несколько изданий, писал, что голубь держал письмо в зубах. Лев Толстой в «Войне и мире» называл последний этап грозных событий не девятым валом, а седьмым.

Столь же шаткой показалась мне метафора Короленко: «Словно победное знамя выстрелила к небу колокольня»¹, по поводу чего я почтительно заметил маститому автору, что знамена вообще не стреляют. Об этом и говорит критик А. Воронский².

Называя меня по-семинарски «протяженно-сложенным», он имеет в виду мой высокий рост.

Случилось, В. Г. Короленко в одном из своих рассказов написал:

— Словно победное знамя выстрелила к небу колокольня...

Передают как достоверное, что протяженно-сложенный Корней Чуковский, прочитав эту строку,

¹ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 1. М., 1960, стр. 99.

² Александр Константинович Воронский в двадцатых годах был одним из самых влиятельных критиков. В 1921 году вместе с Крупской основал журнал «Красная новь». Автор статей о Замятине, Сейфуллиной, Всеволоде Иванове, Бабеле.

Случилось, В. Г. Короленко в одном из своих рассказов написал:

- Слово поведное знамя востремил к небу колющую...

Передают, как достоверное, что prominently - словенский Корней Чуковский, прочитав эту строку, хватуя кулаком по столу и обиделся, приняв ее на свой счет. Именно поэтому он, будто бы, с сатанинской злобой закричал:

- Знамя не стремит, гадие и поведное. Короленко со стогами в последующих изданиях остротельно строку дал Корней вброшил из рассказа.

С тех пор родителям на чтение описываю на пользу (оцери из-за беззастыдливых Корней ушачивая), Чуковский пронависил как крик, весьма до тошнот.

Вот к чему приводит prominently словенские....

19-23/II-312

А. В о р о н с к и й

хватил кулаком по столу и обиделся, приняв ее на свой счет. Именно поэтому он, будто бы с сатанинской злобой заметил:

— Зная не стреляет, даже и победное.

Кроленко со стыдливостью в последующих изданиях огорчительную строку для Корнея выбросил из рассказа. С тех пор родителям на утешение, отечеству на пользу (о церкви из-за безбожия Корнея умалчиваю), Чуковский прославлен был как критик весьма дотошный.

Вот к чему приводит протяженное сложение!...

23/II 1931

А. Воронский

— Мемуары? О ком? О каком-то Брянском, Краевском, Дружинине, Василии Боткине? Кто станет читать эту рухлядь, которой давно уже место на свалке? В нашу эпоху, когда... Нет, нет, это для нас не подходит...

Так заявляли мне в двадцатых годах руководители ленинградских и московских издательств, возвращая мне проредактированные мною «Записки» Авдотьи Панаевой.

Редактировать их было дьявольски трудно. Они были изданы еще в 1890 году одним из базарных барышников, печатавших главным образом песенники, сонники, жития православных святых. Книга Панаевой была напечатана на гнусной бумаге и буквально кишела ошибками. Чтобы придать этой книге научный характер, я девять лет проверял по ряду других источников каждый факт, упоминаемый в книге. Источники эти в то время были глубоко запрятаны в разных забытых и малодоступных изданиях. По этим источникам я установил, что ошибки Панаевой чудовищны, да и сознательные отклонения от истины занимают в ее тексте немалое место. Девять лет я возился над исправлением книги и заодно расшифровал имена, помеченные условными знаками. И все же ни один из тогдашних издателей даже перелистать не захотел мою работу. «Несозвучно! Никому не нужна». Отверг ее и Александр Кроленко, возглавлявший ученое издательство «Academia», почти исключительно посвященное разработке теорий литературного творчества. Мемуары в программу «Academia» не входили и были, так сказать, противопоказаны ей.

Но, взяв на себя труд прочитать эту книгу — а читается она как роман, — Кроленко счел ее такой интересной, что решил в виде исключения нарушить все планы издательства и обнародовать ее, так сказать, контрабандой.

К великому моему изумлению, книга сразу привлекла к себе широкую массу читателей и была раскуплена в несколько дней. Потребовалось новое издание — и вскоре еще одно.

Панаеву — невинность вешних лет,
 Некрасову — любви несвязный бред,
 Головачеву — всю семью на шею,
 Но больше всех Авдотья принесла
 Чуковскому,
 Корнею.

Лидия Варковицкая
 12/II 32 г.

Басня
 Один развратник *
 Попал в курятник.
 Его петух
 Обидел вдрух.
 Пусть тот из вас, кто без греха,
 Швырнет камнями в петуха.
 1924 г.
 * Е. Шварц 23/XII 1932 г.

В кратком вступлении к изданию ее записок я сообщил между прочим, что в ранней юности она вышла за Ивана Панаева, а в сороковых годах стала гражданской женой Некрасова, после чего на ней женился публицист Головачев.

По этому случаю работавшая в издательстве Лидия Варковицкая написала такой экспромт:

Панаеву — невинность вешних лет;
 Некрасову — любви несвязный бред;
 Головачеву — всю семью на шею,
 Но больше всех Авдотья принесла
 Чуковскому,
 Корнею.
 12/II 32 г.
 Лидия Варковицкая

Басня
 Один развратник х)
 Попал в курятник.
 Его петух
 Обидел вдрух.
 Пусть тот из вас про грех
 Швырнет камнями в петуха.
 х) Е. Шварц
 19 23 XII 32 г.
 1924 г.

Вечером в гостях у одного писателя М. Л. Слонимский сказал жене:

— Идем кормить Сережу! Мы и так опоздали.

Дальнейшее изображено на рисунке художника И. Мах-лиса.

Через несколько месяцев Всеволод Иванов сделал на этом рисунке надпись:

Смотрел я на тебя, Миша, слушал твой роман «Друзья» и думал: грудью-то ты ребенка вскормить сможешь, а романом едва ли.

Вс. Иванов

9/VI 1933

Смост рел & на тедл: Мина, Сучман Тлоил
 роман "Друга" и гучман: гучбо-то рн,
 релента ватор ми то сичоман, а релма-
 нон егва-мн. (x)

Рел. убаво!

9/11-1933

10/X 32

x) Мина Мелана
 1933

Миницинал по не 9.
 Художник - И. Манаис

К сожалению, Всеволод Иванов оказался пророком. Роман Мих. Слонимского «Друзья» (в окончательном варианте «Крепость») остался ненапечатанным. В 1954 году Мих. Слонимский опубликовал новый роман, дав ему старое название «Друзья».

Дано в оргкомитет в вечер чтения М. Слонимским его нового романа.

«Я не знаю другого превосходства, кроме доброты». Это сказал Бетховен.

Ю. Олеша

Так он бы и написал!

В. Катаев

Это будет эпиграфом к моей новой пьесе о бесклассовом обществе.

Ю. Олеша]

Москва, 5 июня 1933

Дано
В оргкомитет
в вечер чтения
М. Слонимским его
нового романа.

«Я не знаю другого превосходства, кроме доброты»
Это сказал Бетховен.
Ю. Олеша
Так он бы и написал!

Это будет эпиграфом
к моей новой пьесе
о бесклассовом обществе.
Ю. О.
Москва, 5 июня 1933.

Синей топора, чугуна угрюмой,
Зарубив н-и-к-о-г-д-а на носу и на лбу,
Средних лет господин в дорогом заграничном костюме,
Вверх лицом утопал, что Офелия, в мелком гробу.

А до этого за день пришел, вероятно, проститься,
А быть может, и так, посидеть с человеком, как гость.
Он пришел с инфлюэнцей, забыв почему-то побриться,
Палку в угол поставил и шляпу повесил на гвоздь.

Где он был после этого? Кто его знает. Иные
Говорят — отправлял телеграмму, побрился и ногти
остриг;

х х х

Силей топора, пургуна урлающей,
Зарубив н-и-к-о-г-д-а на носу и на лбу,
Средних лей господин в дорогом ^{костюме,} заграничном
Изверх лицом убожал, тито обрамил в маленьком ^{костюме,} гробу.
А то оттого я вене принцип верахитно просипитая,
А вийт шокрей и шале, посидеть с человеком, как гостю.
Он принцип с кнорнушкой, зарубив погашушо просипитая,
Палму в урем поситавил и ~~кнорнушкой~~ шиту повесил на ^{звезде.}

Тое он был после отто? кий его жамб. и кне
Говорит-аюправды италерашину, пошрилел и ногил
но мене на преуансе обилит, уауа ^{вспирит;} впервые,
Уконал баровей и скарал: "до свиданья, барин!"
А шенер, энергично пошрилел, как пудий не ванил,
а в гостил,

Он шотуа и шентал: "то кридеит, так кридеит, от кридеит..."
И в подшувайх его башмаков ^{звезде,} как менсильо виднелся
тито, карлосе, на дюйм высотураш иу шалешовк ^{звезде,} подашь.

Он шотил их -то шучейто! -качедатны и кимашетран
Он собил их буротрий мооквою, но ^{никуда,} зра!
И, не втердурав плетки, затмал в районе ^{никуда,} мясничной;

Применяет к рижарю, на котором ^{никуда,} горела ^{звезде.} зерз...
Написано
11 апр 9/3 года
шам

Осброды
1935 год
Осброды.

Описание вырда.

Түрү, уруу, —
Содуу! —
Оруу, дуруу, —
Не зевеова сура,
А — нуузе,
Түзе, —
Түрүтүрүтүрү, —
Нануеууа —
Не зевеова толова
Нану (Нануеууа!)
Толова Мовидадура.
Ун — Сүрө!

7 дуб ММ Силин Момега
За разговором о надежде,
В счастливой пенитенции.

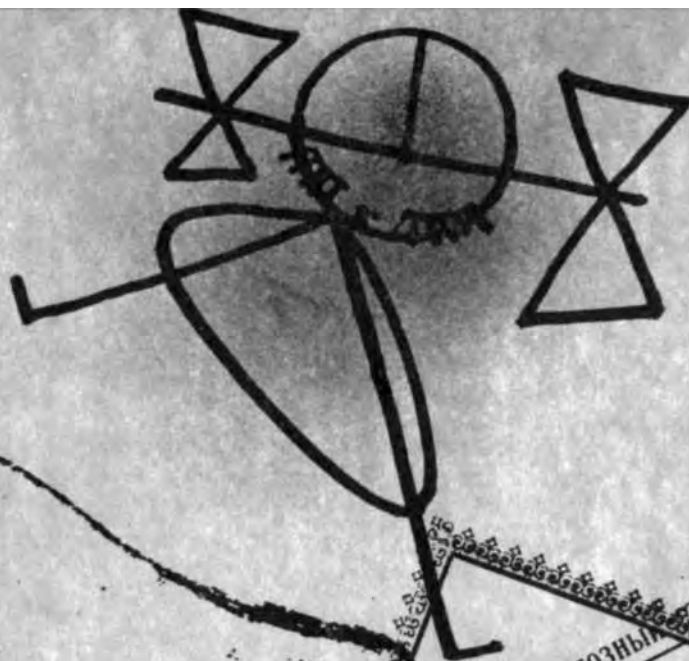
А теперь, энергично побритый, как будто не в омут,
а в гости,
Он тонул и шептал: ты придешь, ты придешь,
ты придешь...
И в подошвах его башмаков так неистово виделись гвозди,
Что казалось, на дюйм выступали из толстых подошв.
Он точил их — но тщетно! — наждачным километром
Ниццы,
Он сбивал их булыжной Москвою, но зря!
И, не выдержав пытки, заплакал в районе Мясницкой,
Прислонясь к фонарю, на котором горела заря...

Это стихотворение написано на смерть Маяковского.

Толстой охотно согласился и пришел для предварительного разговора в столовую Ленкублита, где и написал приводимые ниже стихи, посвященные погоде:

Тучи, гром, —
Содом!..
Гром, дожделло, —
Не Зевсова сила...
А — пуце,
Гуще —
Тучитучитучи, —
Напустила —
Не Зевсова голова,
Нет... (молонья!)
Голова Мойдодыра.
Ух — сыро!

7 янв. 1932
За разговором о повести
в столовой Ленкублита.

2-й ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
0615

МАНДАТ

Выдан тов. **Чуковский**
делегату 2-го Всесоюзного съезда
писателей от **Московской**
организации Союза советских
с правом РЕШАЮЩЕГО ГОЛАСА

Москва, 1954 г.

Председатель
мандатной комиссии
Тир. 800. Моск. печ. ф-ка

Первый Всесоюзный съезд писателей состоялся в Москве в августе 1934 года.

Мы, ленинградские писатели, ехали на съезд веселой и дружной компанией. Тогда же в поезде появились записи в Чукоккале:

Съезд писателей

Наибольшие всего завидую, Корней Иванович, тем Вашим читателям, которые лет через 50 будут читать Ваши дневники и весь этот Ваш замечательный материал.

Мих. Зощенко

Сие дрожание — не от прогрессивного паралича — пишу в поезде. 15 авг. На съезд.

15/VIII 34

Серapiоны в 1922 году в Москву ездили на подножках вагона. Нынче — в 1934 — они прогуливаются в пижамах по коридору вагона-Лих, под звуки радио, перечисляющего их по именам. И предводителъствует их Тихонов (Пуанкарэ) война!

Конст. Федин

Поезд

1934. август

Литературный
Ленинград
в Москву поехал
на парад,
и безусловно будет
рада
Москва параду...
Ленинграда.

Борис Корнилов

Поезд на Москву
15/VIII 34

Кто приехал на съезд?
Во-первых, Б. Рест,
Во-вторых,
Г. Белых,
Шишков,
Казаков,
К. Чуковский

(Украшение Большой Московской),

Съезд писателей

Наиболее всего заведует, Карен
Кваравиц, и др. Наши китайцы,
которые были через 50 лет китайцы
Великие и великие и все было нам
Знаменитым матерям.

Мих. Золотник

Сидящие - не все прозрели. Нарисов
та - пишу в письме. 15 авг. На съезд

15/11/34

Серафимов в 1922 году
в Москву ездили на подножках
вагона. Ныне - в 1934 - они
прогуливаются в пчелках
по коридору вагона. Их, под
звуки радио, перечисляют
еще их по именам. И
предводительствует их
Пихонов (Пуханков) война!

Конц. Недим

17/12/39

1934

август

Литературный
Ленинград
в Москву поехал
на парад
и безусловно бучу
рада

Москва парад

...Ленинграда

Борис Корнилов
поезд на Москву 15/VI 34.

Лебеденко,
Черненко,
Миттельман

(Который о съезде напишет роман),
Моргулис

(Которые еще, в сущности, не проснулись),

И, наконец, я сам:

Который от счастья близок к небесам!

Академик *

15/VIII Столовая (Бывшая Филиппова)

Все хорошо. Только плохо, что гостей не кормят.

22/VIII 34

Е.

Тагер

* Е. Шварц, после обеда.

Я с 27-го года мечтал о настоящем председателе — Железной руке. И вот, наконец, мечта свершилась: Тихонов ведет нас!

— Побольше бы таких председателей, — говорили рабочие, расходясь с собрания!

М. Чумандрин

Я с 27-го года мечтал
о Железной руке —
И вот, наконец, мечта
свершилась: Тихонов
ведет нас!

Побольше бы таких председателей,
говорили рабочие, расходясь с собрания!

М. Чумандрин

Дорогой Корней Иванович
С каким восторгом я увидел
сегодня, как Вы входили в эту
столовую. Ура!

Весь Ваш

Н. Олейников

Дорогой Корней Иванович
С каким восторгом я увидел сегодня
как Вы входили в эту столовую

Ура! Весь Ваш

Н. Олейников

Перечень расходов
на одного делегата

Руп
На суп,
Трешку
На картошку *,
Пятерку
На тетерку,
Десятку
На куропатку **,
Сотку
На водку
И тысячу рублей
На удовлетворение страстей

Н. Олейников
Е. Шварц

* Вариант — на тешку.

** Вариант — на шоколадку (мармеладку).

Сегодня у меня два
радостных события,
сдал экзамен на
"Воршиловского стрелка"
и встретил в Москве
любимого Корнея
Ивановича Чуковского

Сегодня у меня два радостных
события: сдал экзамен на «Во-
рошиловского стрелка» и встре-
тил в Москве любимого Корнея
Ивановича Чуковского.

Михаил Пришвин

Михаил Пришвин

На съезде писателей я встретил трех молодых людей, которые взирали на меня с восхищением и очень почтительно попросили меня позировать им для портрета. Я был польщен и даже начал опасаться, что они изобразят меня слишком подслащенным красавцем.

Но, как видно по этому рисунку, мои опасения были напрасны. Молодые люди, к моему ужасу, оказались Кукрыниксами.

Кукрыниксы: М. В. Куприянов,
П. Н. Крылов, Н. А. Соколов.
Фото М. Наппельбаума

Тогда же поэт Архангельский написал над этим рисунком:

Ты и на полусклоне дней
Все так же свеж и юн, Корней.

22/VIII 1934

Однажды летом я жил в Жданных, на Мсте. Сдружился с Верочкой, ей около-четырёх лет, она очень подвижная, но малорослая и щупленькая. Смешно строила фразы, т. е. не строила умышленно, но фразы по-смешному звучали. Я фраз не помню, только выражения, слова. Увидела начатый художниками мой портрет:

— У-у, какой страшный... Начирковали как... Волосы подыманы ды-ы-бо-ром...

Кооператив у нее — «кирипатив». Пошли мы как-то в этот кирипатив (в 1½ верстах от Жданей), купили сахару, пошли назад. Она устала:

— Возьми на ручки.

Взял ее на ручки, нес-нес, тоже устал:

— А ну, иди...

— Нет, дядя, донеси меня вон до того деревца. А там пойду...

Донес до деревца.

— Донеси вон до того камушка.

— А ну, слезай.

А ей слезать не хочется, и говорит мне, хитрая:

— Вот донеси до собачки... Вон-вон собачка впереди бежит.

Я нес и нес Верочку, а собачка все бежала и бежала впереди. Так мы и вернулись.

Вяч. Шишков

Москва. Гранд'Отель.

16.VIII. 34

Миша Слонимский ходит без романа. Идут два съезда: Писателей и «Серапионов». А он без романа.

Сегодня, Корней Иванович, Вы доставили мне большую радость, за не я Вас zelo уважаю.

Вс. Иванов

17/VIII 1934

Москва. Колонный зал.

Роман, между прочим, есть и лежит в столе. Сам Волин сказал: «Слово запрет исключено». Тем не менее... А Корнея Ивановича я люблю 31 год (подпольный стаж).

Съезд «Серапионов» удался.

М. Слонимский

18/VIII 34 г.

Только и на полусклоне дном -
Все такие сван и юн, Корнеев

А.А.

Кукровский
22/III 54

Кочевники и все - кочевники

Домы на нас-то в этом кочевии
есть (в 1 1/2 верстах от Дзюна)

Кочевники, дома, дома.

Она ушла: - Вода на ручье

Вода на ручье, нес-нес, вода

ушла: - А ну, иде...

- Нет, да, да, вода на ручье, вода на ручье.
А ну, иде...

Домы на ручье.

- Домы на ручье, вода на ручье.

Домы на ручье.

- А ну, иде.

А ну, иде, не вода на ручье, а вода на ручье,
вода на ручье, вода на ручье!

- Вот дома на ручье... Вот-вот
вода на ручье, вода на ручье.

А не вода на ручье, а вода на ручье,
вода на ручье, вода на ручье.

Вот вода на ручье.

В. Л.

Москва

Гранд'Ом-5.

16.VIII 34.

- Мина Слонимски хача
без романа. И ет два с'езда:
Писателите и "Српници". А
и без романа.
Сенду Корне иван в
зачувани ме Солуну разоту,
Зона и Вос zelo убамао!
Де иван

17/11 1974

Москва. Колонизатор.

Сет Раману Менду прочит
Сам Ваши и левит в стопе.
Закрат величико. Тен не мене
и Корне Иванович и мост
31/10/1974 подготвен етот.
сеп "Српници" и удели
Иван

18/11 1974

В Чукоккале сохранилось несколько стихотворений Николая Олейникова (он же Макар Свирепый). Олейников много сотрудничал в ленинградских детских журналах, но не здесь было его подлинное призвание. Его необыкновенный талант проявился во множестве экспромтов и шуточных посланий, которые он писал по разным поводам своим друзьям и знакомым. Стихи эти казались небрежными; иные считали их тогда однодневками, не имеющими литературной ценности. Лишь впоследствии стало понятно, что многие из этих непритязательных стихов — истинные шедевры искусства. Я и до сих пор помню некоторые отрывки, например:

Страшно жить на этом свете:
В нем отсутствует уют —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика жуют.

Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыба бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Дико прыгает букашка
С беспредельной высоты.
Разбивает лоб бедняжка, —
Разобьешь его и ты!

или

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких
и смешных приспособлениях:
О щипчиках для сахара, о мундштуках для
папирос.
Хвала тому, кто предложил печати ставить в
удостоверениях,
Кто к чайнику приделал крышечку и нос.
Кто соску первую построил из резины,
Кто макароны выдумал и манную крупу,
Кто научил людей болезни изгонять отваром
из малины,
Кто изготовил яд, несущий смерть клопу...

На именинах у известного ленинградского хирурга профессора Грекова он произнес приветствие, из которого мне запомнились лишь несколько строк:

Вдруг профессор в залу входит
С острым ножиком в руке,
Лучевую кость находит
Локтевой не遠далеке.

Лучевую удаляет
И, в руке ее вертя,

Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя.

Молодец, профессор Греков,
Исцелитель человек!
Он умеет все исправить,
Хирургии властелин.

Честь имею Вас поздравить
Со днем Ваших именин.

Когда меня, как детского писателя, порицали за то, что в моих сказках нет актуальной тематики, Олейников пришел мне на помощь, написав две образцовые строки, причем порекомендовал мне писать именно в этом духе:

Детские стихи

Весел ласков и красив
Зайчик шел в кооператив.

25/IV - 1926 г.

Н. Олейников

Н. Олейников

Детские стихи

Весел, ласков и красив
Зайчик шел в кооператив.

Н. Олейников

25/IV 1926 г.

При кажущемся своем благодушии это был человек очень насмешливый, колкий, занозистый. Недаром Маршак, щеголяя причудливой рифмой, сказал о нем:

Берегись Николая Олейникова,
Чей девиз: никогда не жалея никого.

Я, как всякий автор, читающий пародию на свои стихи, нахожу пародию Олейникова на мою «Муху Цокотуху» не слишком удачной.

Привожу ее лишь потому, что в Чукоккале она находится в ближайшем соседстве с превосходной эпитафией жареной рыбе.

К. И. Чуковскому от автора

I

Муха жила в лесу,
Муха пила росу,
Нюхала муха цветы —
(Нюхивал их и ты!)
Пользуясь общей любовью,
Муха питалась кровью.

К.И. Чуковский
от автора

I

Муха жила в лесу,
Муха пела росу.
Клохала муха цветы —
(Клохивал их и ты!)
Ползучеев общей любовью,
Муха играла в кровлю.
Взрыв раздается крик:
Муху поймал старик.
Был тот старик паук —
Страстно любил он мух
II

IV

Доедает муху паук.
У него 16 рук.
~~Иногда паук~~
~~Иногда паук~~
У нее ни одной руки,
У нее ни одной ноги.
Ноги сотрал паук,
Руки сотрал паук.
Остается от мухи дух
Испускает ту муху дух

V

Жизнь коротка, коротка
Но перед смертью она
Сладка.

Автор!

... Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка

Видела муха лес —
Полный красот и чужды:
Жук пролетел на закат,
Жабы в траве греются,
Сверкает травка сухая

...
Милую жизнь вспоминаю
Где та муха, рыдая

III

... И умираю

Жареная рыбка
Бедный мой карась
Где же ваша улыбка
Что было вчера?
Жареная рыбка
Бедный мой карась
Вы ведь жисте мочили
Если бы не страсть
Что же вас случилось
Бросило сюда?
Где не так уж мало,
Еще скорота
Помню вас ребенком
Кохотили вы
Ходили вонхо
По лесу и по полям

Вдруг раздается крик:
Муху поймал старик.
Был тот старик паук —
Страстно любил он мух.

II

...Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка.
Видела муха лес,
Полный красот и чудес:
Жук пролетел на закат,
Жабы в траве гремят,
Сыплется травка сухая
.....
Милую жизнь вспоминая,
Гибла та муха, рыдая.

III

...И умирая.

IV

Доедает муху паук.
У него 18 рук,
У нее ни одной руки,
У нее ни одной ноги.
Ноги сожрал паук,
Руки сожрал паук,
Остается от мухи пух.
Испускает тут муха дух.

V

Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка.

Автор!

* * *

Жареная рыбка,
Бедный мой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Жареная рыба,
Бедный мой карась!
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,
Где не так уж мило,
Где сковорода.

*Помню вас ребенком,
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под водой Невы.*

В Чукоккале эта эпитафия приведена не полностью. Ее конец я пишу по памяти, не ручаясь за полную точность:

*Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.*

*Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки.*

*А ведь жизнь прекрасной
Рисовалась вам!
Вы считались страстным
Попромежду дам!..*

*Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.*

*Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.*

*Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любовь «корюшкою»
Он не назовет.*

*Так шуми же, мутная
Невская вода!
Не поплыть карасику
Больше никуда!*

Близкими друзьями Олейникова были Шварц и Хармс.

Сейчас кажется почти невероятным, что остроумные стихотворения Хармса, к которым дети (особенно маленькие) всегда относились с таким жарким сочувствием, в тридцатых годах вызывали яростный гнев у большинства педагогов.

Теперь, после многолетнего перерыва, детские книжки Хармса снова появились в печати, и я думаю, многим его

новым читателям будет приятно увидеть в Чукоккале автограф этого дерзновенного автора, который, кстати сказать, был совсем не Хармс, а Даниил Ювачев.

*Вы знаете,
Вы знаете,
Вы знаете,
Вы знаете,
Ну, конечно, знаете,
Ясно, что вы знаете.
Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете.*

*Нет, нет, нет, нет.
Мы не знаем ничего,
Не слышали ничего,
Не слышали,
Не видали
И не знаем ничего.*

*А вы знаете, что У
А вы знаете, что ПА
А вы знаете, что ПЫ,
Что у папы моего
Было сорок сыновей,
Было сорок здоровенных
И не двадцать,
И не тридцать —
Ровно сорок сыновей.*

*Ну, ну, ну, ну!
Врешь, врешь, врешь, врешь.
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда.
А уж сорок,
Ровно сорок, —
Это просто ерунда.*

*А вы знаете, что СО
А вы знаете, что БА
А вы знаете, что КИ,
Что собаки-
Пустолайки
Научились летать,
Не как звери,
Не как рыбы,
Точно ястребы летать.*

Ну, ну, ну, ну!
Врешь, врешь, врешь, врешь.
Ну как звери,
Ну как рыбы,
Ну еще туда-сюда.
А как ястребы,
Как птицы —
Это просто ерунда.

А вы знаете, что НА
А вы знаете, что НЕ
А вы знаете, что БЕ,
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо.
Скоро будет
Золотое,
Не тарелка,
Не лепешка,
А большое колесо.

Ну, ну, ну, ну,
Врешь, врешь, врешь, врешь.
Ну тарелка,
Ну лепешка,
Ну еще туда-сюда.
А большое колесо —
Это просто ерунда.

А вы знаете, что ДО
А вы знаете, что НО
А вы знаете, что СА,
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать.

Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа не достать.

Ну, ну, ну, ну,
Врешь, врешь, врешь, врешь.
Ну доехать,
Ну допрыгать,
Ну еще туда-сюда.
А достать его руками —
Это просто ерунда.

Данни Харис.

Вы знаете вы же

вы знаете

вы знаете

вы знаете

Ну конечно знаете
ясно, что вы знаете
несомненно,
несомненно,
несомненно знаете.

Нет нам нам нам
мы не знаем ничего
не знаем ничего
не знаем
не знаем
и не знаем ничего.

А вы знаете что у
А вы знаете что па
А вы знаете что пы,
что у нас моего
было сорок сыновей
было сорок здоровых
и не двадцать
и не тридцать
равно сорок сыновей.

Ну ну ну ну
время время время время
ещё двадцать
ещё тридцать
ну ещё туда сюда,
а уи сорок
равно сорок
это просто ерунда

А вы знаете что со
А вы знаете что ба
А вы знаете что ки
что собаки
пусто лайки
наугадная лемка.
Не как звери
Не как рыбы,
точно петухи.

Ну Ну ну ну
время время время время
Ну как звери
Ну как рыбы
ну ещё туда сюда
а как петухи
как птицы
это просто ерунда.

Самое трудное — писать в альбом.

Бог проснулся, отпер глаз.
Взял песчинку. Бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.
Держим ухо. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул.
Это скрипнул тихо стул.
Это сонный, обомлев,
Тянет голову сам лев.
Спит двуногая коза.
Дремлет гибкая лоза.
Вот ночную гонит лень,
Изо мха встает олень,
Тело стройное несет,
Шкуру темную трясет.
Вот проснулся в поле пень,
Держит очи. Смотрит день:
Над землей цветок не спит,
Птица пугалица летит.
Смотрит: мы стоим в горах
В длинных брюках, в колпаках.
Колпаками ловим тень,
Славословим новый день.

всё

Даниил Хармс

13 августа, среда, 1930 года

Совершенно не знаю, что сюда написать. Это самое
трудное дело.

Чукоккала меня укокала.

В этой комнате с удовольствием смотрел этот альбом.
Но ничего не выдумал.

Пульхирей Д. Х.

Мы знаем то и это.
Мы знаем фыр
и кыр из пистолета.
Мы знаем памяти
столбы,
Но в книгу прятаться
слабы.

Д. Х.

* * *

Шел по улице отряд,
Сорок мальчиков подряд,
Раз, два, три, четыре,
И четыре на четыре,

И четырежды четыре,
И еще потом четыре.
В переулке шел отряд,
Сорок девочек подряд,
Раз, два, три, четыре
и т. д. Хармс

В декабре 36-го года готовился к изданию первый сборник детских стихов Льва Квитко на русском языке. В Чукоккале по этому случаю появились такие строки:

Дорогой Корней Иванович!
Мы втроем уселись на ночь,
И писали до зари,
И глодали сухари.
А когда воспрянул дворник
Ото сна от своего,
Назван был прекрасный сборник.
Вот названия его:
«Песни мудрого еврея»,
«Как Квитко писал, жирея»,
«Хриплой скрипки голоса»
И «Медвежьи чудеса».
Не судите ж нас сурово!
Думать было нелегко!
Мы целуем Вас.

Живова ¹,
Благинини ²
и Квитко

Дорогой Корней Иванович!
Мы втроем уселись на ночь.
и писали до зари, и глодали
сухари. А когда воспрянул двор-
ник ото сна от своего, назван
был прекрасный сборник. Вот назва-
ния его:
«Песни мудрого еврея» «Как
Квитко писал, жирея» «Хриплой
скрипки голоса» и «Медвежьи чудеса».
Не судите нас сурово!
Думать было нелегко!
Мы целуем Вас.
Живова
Благинини
и Квитко.

¹ Евгения Семеновна Живова — редактор Детгиздата, где должен был печататься этот сборник стихотворений Квитко.

² Елена Александровна Благинини (здесь: Благинини) — поэт-переводчик. Ей принадлежат чудесные переводы многих стихотворений Квитко.

В конце концов книга была названа «В гости».

Известный художник Сергей Герасимов в 1935 году жил на Кавказе и ежедневно уходил на этюды в горы. Один из этюдов он и сделал в Чукоккале.

А вот что написал в «Чукоккале» Сергей Михалков:

Я хожу по городу, длинный и худой,
Неуравновешенный, очень молодой.

Ростом удивленные среди бела дня
Мальчики и девочки смотрят на меня...

На трамвайных поручнях граждане висят,
«Мясо, рыба, овощи» — вывески гласят.

С. Трещинский
Кураторская
38

Я хочу по городу гулять и ходить
неравнодушный, ослепленный.

Роскошное зрелище среди бела дня
маленькие и девочки смотрят на меня....

на правых руках держат вилки
мясо, рыба, овощи - вилки вилки.

Я вхожу в кондитерскую, ~~вхожу~~ в зал,
где дамы сидят в креслах.

Я беру пирошки и еду на ходу
на лавке у лужайки с акациями.

Эм и грустно думать: "Через 30 лет,
попытайся пирошки есть или нет?"

Ковчег по городу ослепленный гулом
моя душа сейчас скажет: "Он ушел!"

Он в среде покоев вконец устал
он ищет возможности вернуть друзей.

Колесница транспорта привезла кавказ
маленькие переживания всегда рядом.

Собственные души где-то улетают,
В урны и мисочки вечно летают.

Посылаю Гуровского автора поэмы с

~~Копию для друзей и знакомых~~
~~и для себя.~~
~~и для себя.~~
~~и для себя.~~

12/12/37.
Москва.

О. Шмидт.

Горького
Копию
для
друзей

*Я вхожу в кондитерскую, выбиваю чек,
Мне дает пирожное белый человек.*

*Я беру пирожное и гляжу на крем,
На глазах у публики с аппетитом ем.*

*Ем и грустно думаю: «Через 30 лет
Покупать пирожные буду или нет?*

*Повезут по городу очень длинный гроб,
Люди роста среднего скажут: «Он усоп!»*

*Он в среде покойников вынужден лежать,
Он лишен возможности воздухом дышать,*

*Пользоваться транспортом, надевать пальто,
Книжки перечитывать автора Барто.*

*Собственные опусы где-то издавать,
В урны и плевательницы вежливо плевать,*

*Посещать Чуковского, автора поэм,
С дочкой Кончаловского, нравящейся всем»¹.*

С. Михалков

С. Михалков

18/IV 37 г. Москва

Сохранился редкостный снимок: Василий Иванович Качалов сидит на диване и сладко зевает. Рядом с ним милая девочка с черными веселыми глазами (стр. 396).

Этот снимок Василий Иванович вклеил собственноручно в Чукоккалу и тут же рядом поместил другой, изображающий двух артисток МХАТ — А. О. Степанову и К. Н. Еланскую, с дружеской лаской прильнувших к нему.

Эти снимки служат иллюстрациями к такому экспромту Василия Ивановича:

*— Вы любите ль детей? —
Был спрошен раз Корней
Чуковский.*

*— Люблю, — он отвечал, —
Уж я таковский,
Я б без детей пропал.*

*А я, как видите, с детьми зеваю,
Детей постарше, вот хотя б таких,
Как эти две, люблю и уважаю,
Но всякий интерес ко мне у них затих,
И в них уж я теперь зевоту вызываю.*

¹ Наталья Петровна Кончаловская — дочь художника П. П. Кончаловского, внучка Сурикова.

Вы свободны-ли дома? —

— Вам спрошен раз Корней

Губовских.

— Неторо — он отвечает —

Где я и находились, —

Я-в Сей день и поны.

А я, как будишь с девушкой зеваш.

Девушек неспирит, вот хитро-и шитро,

Как зину где, шотро и уверасо.

Корнейшес до мне у них злит, $\frac{4}{10}$

, и в них усе я шенере зевоту выжидаш. 1939.

На Ваниль о Борухе Дифору Корнейшес
Губовскому, славному сыну Девуш, от Ванильшес
в Девушес Ванильшес Карошес

И подпись:

*На память о Барвихе дорогому Корнею Ивановичу
Чуковскому, славному другу детей, от впадающего в
детство Василия Качалова.*

4/XI 1939

Приложенные к тексту иллюстрации полностью опровергают напраслину, которую в этих стихах Василий Иванович возвел на себя. Если всмотреться внимательно, можно заметить, что причина его зевоты отнюдь не ребенок, а та газета, которая простерта у него на коленях.

Другой фотоснимок служит таким же опровержением текста: обе артистки так любовно и ласково смотрят на своего старшего друга, что жаловаться на их равнодушие можно, только сильно отклонившись от истины.

Мне показалось, что Владимир Рубин, чрезвычайно молчаливый и хмурый молодой человек, отдыхавший со мной в санатории Академии наук «Узкое», далек от литературных интересов. Каково же было мое удивление, когда в день моего отъезда из «Узкого» он вручил мне свои стихи, в которых сказалось его изысканное чувство балладного стиля, лучшим русским воплощением которого до сих пор, как мне кажется, остается баллада В. Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» в переводе В. А. Жуковского:

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной.

Стихи Владимира Рубина показались мне прекрасной пародией именно на эту балладу, и я очень пожалел, что в течение целого месяца так мало общался с ним.

Баллада

*об отъезде Корнея Чуковского
и случившихся затем фантастических событиях*

*В санатории плач, в санатории вой,
Потрясен он до самых корней.
Покидает всех нас, уезжает домой
Наш любимый Чуковский Корней.
Мы просили его, мы молили его
Провести здесь еще хоть денек.
Он на нас посмотрел, не сказал ничего,
Но остаться он больше не мог.
Сердце скорби полно, мы ведь знали давно,
Что отсрочек, увы, не дано.*

Расставания час, как волнуешь ты нас!
...Вот Чуковский к воротам идет.
На сей раз не Пегас, и не форд, и не «Газ»,
«Эм один» у ворот его ждет.

Приуныл наш мирок, загрустил одинок,
Словно каждый из нас занемог.
Нам давали пирог, но не шел он нам впрок
И ничем нас утешить не мог.

Но легенда иное гласит:
Мрачной тучей навеки покрыт горизонт,
Санаторий навеки закрыт.

Чудеса из чудес! Всюду вырастет лес,
Все замрет в заколдованном сне.
На сосне до небес вдруг поселится бес,
На высокой и стройной сосне.

И тогда наважденье исчезнет, как дым,
И волшебные чары падут.
Санаторий воспрянет от сна молодым.

Вновь мы будем гулять здесь при свете луны,
Вновь начнутся «сеансы» кино.
...Так легенда гласит, мы ей верить должны,
Ведь не верить легендам грешно.

399

В ранней юности я был дружен с молодым беллетристом Сергеем Николаевичем Сергеевым-Ценским. Он подолгу гостил у меня в Куоккале. Вся моя семья полюбила его. В те времена он производил впечатление добродушного, покладистого, непритворного человека, очень здорового, всецело поглощенного своей литературной судьбой и работой. Он много путешествовал, был занятым рассказчиком, отлично читал свои вещи в Пенатах у Репина, на квартире у Куприна, у меня на террасе. В разлуке мы часто переписывались. У меня сохраняется больше восьмидесяти его писем. Вот одно из них, написанное в 1914 году:

Была когда-то на Ивановской улице редакция «Св[ободного] слова», и зашел туда однажды (лет 7 назад) некий Ценский с неким Чуковским, причем последний принес статью о первом. Но был в оной редакции свирепый какой-то мужчина, кажется Рахманов, и начал кричать на Чуковского: «Что вы нашли в этом Ценском! Дайте вам этот Ценский!»

Ценский стоял тут же, но так как он ценит вообще всякое искреннее возмущение, то и тут он спокойно выслушал, как его поносили, но опешил значительно.

Вы были первый, приветствовавший меня печатно, и, вышло ли из меня что или не вышло, и выйдет что-нибудь в дальнейшем или не выйдет, но этот момент с Рахмановым, с письмом Брюсова потом и другие подобные мне вспоминаются, конечно. На страшном судищи Христовом — это вам зачтется.

Была когда-то Ивановской улице редакция «Своб. слова» и зашел туда однажды (лет 7 назад) некий Ценский с неким Чуковским, причем последний принес статью о первом. Но был в оной редакции свирепый какой-то мужчина, кажется Рахманов, и начал кричать на Чуковского: «Что вы нашли в этом Ценском! Дайте вам этот Ценский!»

Ценский стоял тут же, но так как он ценит вообще всякое искреннее возмущение, то и тут он спокойно выслушал, как его поносили, но опешил значительно.

Вы были первый, приветствовавший меня печатно, и, вышло ли из меня что или не вышло, и выйдет что-нибудь в дальнейшем, или не выйдет, но этот момент с Рахмановым, с письмом Брюсова потом, и другие подобные, мне вспоминаются, конечно. На страшном судищи Христовом — это вам зачтется.

В его первом романе «Бабаев» (1907) стиль был эксцентрический и порой провинциально безвкусный. Но все же мне привиделись в нем несомненные проблески свежего и сильного таланта. Талант этот окреп и углубился в его более поздних вещах: «Неторопливое солнце», «Печаль полей», «Наклонная Елена», «Медвежонок», «Движения», которые казались мне ценным опытом сочетания зоркого бытовизма и лирики.

И я приветствовал в статьях и рецензиях наступившую зрелость большого писателя.

В тридцатые годы наши отношения испортились, так как я был сильно разочарован попытками Сергеева-Ценского создать обширный цикл историко-литературных новелл: «Гоголь уходит в ночь» (1928), «Невеста Пушкина» (1933), трилогия о Лермонтове — «Поэт и чернь», «Поэт и поэт», «Поэт и поэтесса» (1933).

Эти книги, скороспелые, фельетонно поверхностные, не дающие представления о той недостижимо высокой культуре, которая питала творчество наших великих людей, — эти книги я счел недостойными Сергеева-Ценского и высказал ему это свое мнение, может быть с излишней горячностью. Переписка наша сама собой прекратилась. Да и встречаться у нас не было случаев, так как он навсегда поселился в Крыму.

Но прошли годы, Ценский приехал по какому-то делу в Москву, и я с удовольствием принял участие в чествовании давнего друга своей писательской молодости по случаю 40-летия его литературной работы.

Чествование состоялось в Союзе писателей 26 октября 1940 года. Было приглашено человек двадцать — не больше. Нам был предложен ужин. Председательствовал А. Н. Толстой. Тон всего праздника был интимный, не чопорный. Толстой тут же сочинил шуточный стишок о юбиляре и попытался нарисовать его почему-то в качестве Абдулы Меджида.

Я попросил юбиляра написать хоть две строки в мою Чукоккалу. Он процитировал здесь самого себя. « У него было лицо, как широкая захолустная улица днем, летом», — то есть привел начало длинной, затейливой, широко развернутой метафоры, над которой в свое время долго глумилась газетно-журнальная критика как над «вычурным образцом декантщины»...

Присутствующий тут же критик А. Дерман (автор книг о Короленко и Чехове) отозвался с похвалой о том произведении Ценского, откуда заимствована эта цитата. Он был давнишним поклонником первоначальных произведений Сергеева-Ценского, вполне разделяя мое мнение о гоголевско-пушкинско-лермонтовских новеллах писателя.

Абдул Меджид — Сергеев-Ценский.

Рисовал А. Толстой.

Птица поет, чтобы славить. Но не для того, чтобы славили птицу. А если слава достигнет птицу — это настоящая слава.

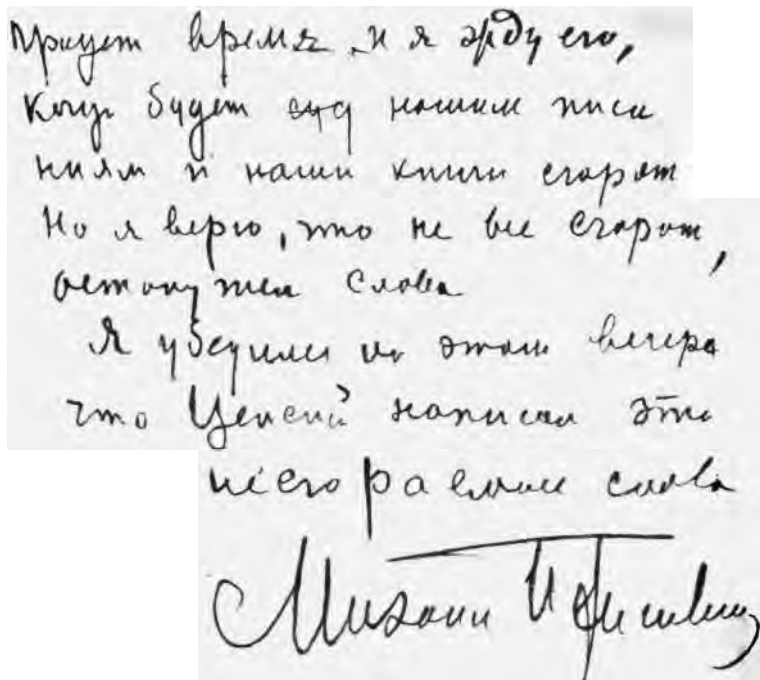
Для уточнения: птица есть Ценский.

Михаил Пришвин

Придет время, и я жду его,
когда будет суд нашим писаниям
и наши книги сгорят. Но я верю,
что не все сгорит, останутся
слова.

Я убедился на этом вечере, что
Ценский написал эти несгораемые
слова.

Михаил Пришвин

Придет время и я жду его,
Когда будет суд нашим писаниям
и наши книги сгорят
Но я верю, что не все сгорит,
останутся слова
Я убедился на этом вечере
что Ценский написал эти
несгораемые слова
Михаил Пришвин

В эвакуации Чукоккала была со мной в Ташкенте, но, по понятным причинам, писательских записей в ней появлялось очень мало. Было не до того. Хотя я часто встречался в Ташкенте и с Алексеем Толстым, и с Николаем Погодиным, и со многими другими писателями, в Чукоккале эти встречи не отразились никак.

В первые же месяцы войны на фронте погиб мой младший сын, Борис, молодой инженер. В Чукоккале сохранилась дорогая для меня память: его детский рисунок (стр. 404). Другой мой сын, Николай, подвергся смертельной опасности в осажденном Ленинграде, и меня томила тревога о нем. Я работал тогда в правительственной комиссии по устройству эвакуированных детей, встречал на вокзале каждый эшелон, привозивший десятки и сотни военных сирот, писал статьи для Советского Информбюро и для местной газеты,

"Чукоккала"

ЮБИЛЕЙ С.Н. СЕРГЕЕВА - ЦЕНСКОГО.

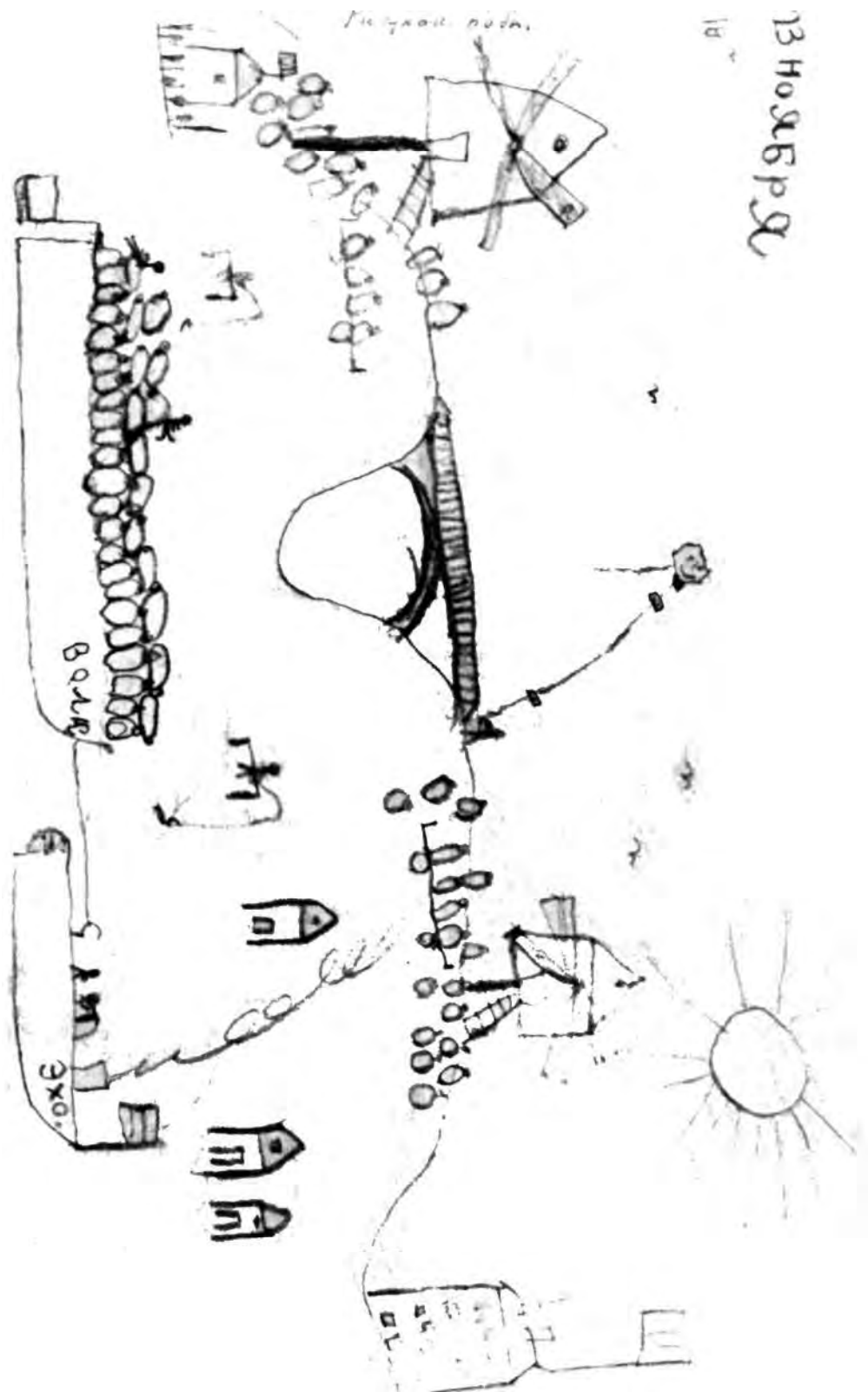
26 октября 1940 года.

Ведущий вечерний
-Сергеев ценский
Киселова ч. А. Мелодия
птица поет, тогда слава
но не для того, тогда слава
птицу.
А если слава достигнута
птицу - это настоящая
слава
Делайте так: тогда еще
ценский
Михаил Гирин

3402592

14

сочинял антивоенную сказку «Одолеем Бармалея» — и совсем забыл, что на дне чемодана у меня лежит истрепанная Чукоккала.

Но случилось так, что в феврале 1942 года группа московских писателей по инициативе Иосифа Уткина решила собираться по воскресеньям в том доме, где он проживал (вместе со своим другом Погодиным). В первое воскресенье Погодин должен был читать свою новую драму, но заболел — и нужно было спешно его заменить. Тут я вспомнил о своей Чукоккале и продемонстрировал ее перед собравшимися.

Один из них, поэт Вильгельм Левик, обладавший удивительной способностью к импровизации, мгновенно набросал следующие стихи:

Создателю Чукоккалы

Как часто думал я с тоской,
Что вы живете на Тверской,
А я в Крапивинском, так близко, —
Но мы друг другу далеки,
Как будто я жилец Оки,
А вы — туземец Сан-Франциско.

И вот настал такой момент,
Когда загнали нас в Ташкент,
И, право, сей Ташкент — кудесник:
Едва в одну попали грязь,
Тотчас же обрели мы связь,
То было в первый же воскресник.

И Репин, Горький, Брюсов, Блок, —
О, всех желаний потолок! —
Те, кто бессмертны и велики,
Те гении недавних лет,
Чей не сотрется гордый след,
Они пред нами — в вашем лице.

Вы снова дар явили свой.
Рассказ то грустный, то живой,
То саркастичный, то фривольный,
Ваш острый ум, лукавый взгляд,
Слегка опасный речи яд —
Все будит в нас восторг невольный.

Есть место в уткинском доме
Таланту, сердцу и уму!
Здесь дышишь славной стариною!
И я, в преддверии Москвы,
Уже готов грустить, что вы
Не отплываете со мною.

Но я надеюсь много раз
И видеть вас, и слышать вас,
Вернувшись в наш уют московский.
Пока нудной сей глуши,
Благодарю вас от души,
Корней Иванович Чуковский!

В. Левик

8/II 1942 г.

Там же, в Ташкенте, под весенним дождем я познакомился с исхудалым и болезненным мальчиком, который протянул мне тетрадку своих полудетских стихов и сказал:

— Если эти стихи вам понравятся, я буду писать дальше.

Потом помолчал и прибавил:

— Если же они вам не понравятся, я все равно буду писать дальше.

Стихи произвели на меня впечатление, и мне посчастливилось при содействии Алексея Толстого несколько облегчить жизнь даровитого подростка (ему в то время было тринадцать лет). Он был помещен в санаторий. И когда через месяц явился ко мне, я не узнал его: таким он стал круглолицым.

Тогда же он написал мне это стихотворение.

Но тебе, Чуковскому Корнею,
Автору и деду моему,
Напишу посланье, как умею,
И размер классический возьму.

Это ты виновен, что в починке
Я пробыл среди больничных стен,
Получил зеленые ботинки,
Гимнастерку, брюки до колен,
Щеголем с какой-нибудь картинки
Стал я после долгих перемен.

Ты сказал, и сделано. Не странно,
Что всего достичь ты словом
мог.

Ведь в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это бог.

Берестов

Ташкент. Март 1943

Но тебе Чуковскому Корнею,
Автору и деду моему.
Напишу посланье, как умею,
И размер классический возьму.
Это ты виновен, что в починке
Я пробыл среди больничных стен,
Получил зеленые ботинки,
Гимнастерку, брюки до колен,
Щеголем с какой-нибудь картинки
Стал я после долгих перемен.
Ты сказал и сделано. Не странно
Что всего достичь ты словом мог
Ведь в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это бог.

Берестов

Ташкент Март 1943 г.

Впоследствии он стал популярным детским писателем, и между нами до сих пор сохраняется крепкая дружба.

Лев Абрамович Кассиль, мой товарищ по служению детям и сосед по Переделкину, известен как талантливый журналист и прозаик.

Но когда дело коснулось моей сказки «Бибигон», он, к моему удивлению, превратился в поэта и прислал мне следующие иронические стихи.

В стихах упоминается сестра Бибигона Цинцинелла, которую я в окончательном варианте сказки исключил из текста.

К. И. Чуковскому

Переделкинская

Бибигония

У меня зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Бибигон.

— Откуда?

— От соседа.

— В чем дело?

— Нужда заела.

— Кого?

— Автора моего.

— А велика ли нужда-то?

— Спросите у Детиздата,

А я сам еще маленький...

А потом — диньдилинь — диньдинела —

Позвонила ко мне Цинцинелла:

— Вы не знаете? Новостей целый вагон!

В Переделкине ныне живет Бибигон,

Бибигон, Бибигуля, моя душечка!

Бибигончик мой, Бибигушечка...

И пошел перезвон,

Затрещал телефон:

— Бибигон! Бибигон!

— Бибигон! Бибигон!

Я в «Мурзилку» звоню, но и там Бибигон.

Я приемник включил: «Говорит Бибигон!»

В огороде я был, во саду ли,

Всюду толки о том Бибигуле.

И звонили весь день, друг за дружкой в угон,

То Цинцинелла, то Бибигон.

А потом, уже глядя на ночь,

Позвонил сам Корней Иванович.

К. И. Чуковскому

Переделкинская Бибигония

У меня звонил телефон.
- Кто говорит?
- Бибигон.
- Откуда?
- От соседа.
- В чем дело?
- Нужда заела.
- Кого?
- Автора моего.
- А велика ли нужда то?
- Спросите у Фетиздага,
А я сам еще маленький...

А пором - диньдинь-диньдинь-
Позвонила ко мне Цинцинелла:
- Вы не знаете? Новостей целый вагон!
В Переделкинске ныне живет Бибигон,
Бибигон, Бибигон, моя душенька!
Бибигончик мой, Бибигончик...

И пошел перезвон
Затрещал речевой:
- Бибигон! Бибигон!
- Бибигон! Бибигон!

Я в музее звоню, но чужаки Бибигон.
Я приедем выложить, говорит Бибигон!"
В огороде я был, во саду ли -
всюду толки о том Бибигоне.

И звонили весь день, друг за дружкой в чок,
То Цинцинелла, то Бибигон.

А пором, уже глядя на новь,
Позвонила сам Корней Иванович.
- Как вам понравился мой Бибигон?
Оригинален он или этногон?
Что вы скажете о Цинцинелле?
Нет ли тут в сказке какой параллели?
Новый путь?.. Или та же аллея,
Где казнили мово Бармалея?
Но я верю, о верю, за мной Рубикон!
Бибигон! Бибигон!
Бибигон! Бибигон!

— Как вам понравился мой Бибигон?
 Оригинален он иль эпигон?
 Что вы скажете о Цинцинелле?
 Нет ли тут в сказке какой параллели?..
 Новый путь?.. Или та же аллея,
 Где казнили мово Бармалея?..
 Но я верю, о верю, за мной Рубикон!
 Бибигон! Бибигон!

Бибигон! Бибигон!

Ах, когда б Детиздат
 За него дал деньжат,
 Я б купил для внучат
 И цыплят, и зайчат,
 Мармелад, виноград,
 Эскимо, шоколад..
 И хоть мой Бибигон
 И большой хулиган,
 Но купил бы флакон
 Я духов «Убиган»
 И отдал бы их Марье Борисовне!

Я пишу — динь-дилень! —
 День и ночь, ночь и день.
 И писать мне не лень
 День и ночь, ночь и день..
 Сочинил Бибигона для смеха Вам,
 А теперь бы мне взяться за Чехова...

Вот и мчатся всю жизнь, друг за дружкой в угон,
 Чехов, Репин, Уайльд, Мойдодыр, Бибигон..
 Ох, нелегкая это работа —
 Целый век так придумывать что-то...

Лев Кассиль

Переделкино. 19.IX 45

Л. Кассиль. Автопортрет

Вскоре я обнаружил, что Лев Кассиль не только даровитый поэт, но и неплохой рисовальщик. Доказательство — его автопортрет, нарисованный им в Чукоккале.

Описание
 как получилось это произведение

В этих строчках каждый атом —
 Правда. Я случайно влип.
 Как-то раз часу в девятом
 Слышим мы шарнирный скрип.

Дверь открылась, входит дед?
Деду восемьдесят лет.

Так и дрогнули мы все:
Длинный, бритый, непригожий,
На щелкунчика похожий —
Грызть щебенку на шоссе.

Он потер квадратный нос
И с обидой произнес:

«Уж живете около
Какой годок,
А что есть Чукоккала —
Невдомек ?

Вхожи лишь приятели
В этот сад,
Как плоды — писатели
в нем висят.

Только Вас на веточке
Нет пока...
Пожалейте, деточки,
Старика!»

(Мы слегка переглянулись:
Подозрительнейший тип
И совсем еще не гриб!)

Я спросил у деда строго,
Есть ли в книжке Геродот?
Он прошамкал: «Ради бога,
Рядом с Вами будет, вот!»

Спросит правнук: «Где Леонов,
А Леонова-то нет!»
Этой дивной лестью тронув
Нашу совесть, смолкнул дед.

Выдав деду пирожок
Мы сказали: «ешь, дружок!»

(И потом на радостях, что
все обошлось так хорошо —)
Мы придвинули тетрадь,
Чтоб немедленно писать.

Леонид Леонов

27 авг. 1945

Onuam, na nanyam, na nanyam.

B'na nanyam nanyam -
Nanyam. Nanyam nanyam.
Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam nanyam.

Nanyam nanyam, Nanyam nanyam
Nanyam nanyam nanyam.

Nanyam nanyam nanyam:
Nanyam, Nanyam nanyam,
Nanyam nanyam nanyam -
Nanyam nanyam nanyam.

Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam nanyam:

Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam,
Nanyam nanyam nanyam -
Nanyam nanyam?

Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam,
Nanyam nanyam nanyam.
Nanyam nanyam

Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam...
Nanyam nanyam, Nanyam nanyam,
Nanyam nanyam!

(Nanyam nanyam nanyam:
Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam nanyam!)

Nanyam nanyam nanyam,
Nanyam nanyam nanyam?
Nanyam nanyam nanyam:
Nanyam nanyam nanyam, Nanyam!

Nanyam nanyam nanyam, Nanyam,
Nanyam nanyam nanyam!

Nanyam nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam, Nanyam nanyam.

Nanyam nanyam nanyam
Nanyam nanyam nanyam:
Nanyam nanyam nanyam!

(Nanyam, Nanyam nanyam, Nanyam
Nanyam nanyam nanyam -)

Nanyam nanyam nanyam,
Nanyam nanyam nanyam.

27th 1925

Nanyam nanyam

B Nanyam nanyam
B Nanyam nanyam
B Nanyam nanyam

25 июня 1958

Дорогой Корней Иванович, так как Вы все равно достанете образцы этой сонной, ничего не значащей мазни, то пусть лучше все же она будет от меня. Я утром тогда с Вами говорил, что я головой и сердцем совсем не тут, а в ближайших, имеющих со мною скоро случиться, происшествиях, отчасти — в переписке. Это все время продолжается и отнимает у меня все время. Так что ничего Вам об этих, притом таких немногочисленных, пустых страничках ни думать, ни говорить не надо.

В поселке Переделкино по соседству со мною жил Борис Леонидович Пастернак. Мы были знакомы еще с первых годов революции и, встречаясь, разговаривали обо многих вещах — больше всего о литературе. В последнее время Борис Леонидович относился к своей поэзии с беспощадной суровостью, так как стал предпочитать ей свою прозу. Прислав мне как-то несколько своих новых стихов, он приложил к ним такую записку:

Июнь 1958
Дорогой Корней Иванович, так как
Вы все равно достанете образцы
этой сонной, ничего не значащей мазни,
то пусть лучше все же она будет
от меня. Я утром тогда с Вами
говорил, что я головой и сердцем
совсем не тут, а в ближайших,
имеющих со мною скоро случиться,
переписках, отчасти — в переписке.
Это все время продолжается и от-
нимает у меня все время. Так
что ничего Вам об этих, притом
таких немногочисленных, пустых страни-
чках ни думать, ни говорить не
надо.

Прислав мне свои новые рукописи, он порою приходил через несколько дней, чтобы заменить ту или другую строку или просто вычеркнуть несколько строк. Из всех этих автографов я с давнего времени приобщил к Чукоккале только два. Одно являет собой вариант «Липовой аллеи», напечатанной в его последнем одномотмнике.

Липовая аллея

Под каменной широкой аркой
Шоссе невиданной красоты
Бежит, сворачивая к парку,
Чрез перелески и овысы.

Там стаями вокруг балкона
Мелькают ласточки, кружа.

¹ Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965, стр. 454—455.

*Дом издали, с крутого склона,
Сам кажется гнездом стрижа.*

*Там липы в несколько обхватов
Справляют в сумраке аллеи,
Верхи в ненастном небе спрятав,
Свой двухсотлетний юбилей.*

*Дорожки, как во тьме туннеля,
Без цели сходятся вдали.
Вдруг цель пришла в конце недели
Парк ожил. Липы зацвели.*

*Гуляют люди в летних шляпах.
Когда они заходят в дом,
Их сзади настигает запах
Цветов, закапанных дождем.*

*Благоуханной этой данью
Опять, как в глубине веков,
Оправдано существование
Прудов, дорожек, облаков.*

Здесь изображается Узкое, бывшее имение князей Трубецких, в котором я бывал еще до революции. Ныне это санаторий Академии наук СССР. Когда по Калужскому шоссе едешь туда из Москвы, слева возникает красивая старинная желтая арка, которая в первую минуту кажется парящей в воздухе. Ее исстари называют в тех местах «золотыми воротами». К дому, который очень живописно стоит на горе, ведет извилистая длинная дорога, бегущая «через перелески и овсы». Чукоккальский вариант так далек от окончательного текста, что я воспринимаю его как отдельное стихотворение.

Другая рукопись Бориса Леонидовича — тоже издавна хранящаяся в Чукоккале — привлекла меня главным образом своими первыми строфами, где поэт исповедует глубоко демократическую веру в людей, обитающих «без помпы и парада» на чердаках и в подвалах.

Перемена

*Я льнул когда-то к беднякам
Не из возвышенного взгляда,
А потому, что только там
Шла жизнь без помпы и парада.*

*Хотя я с барством был знаком
И с публикою деликатной,
Я дармоедству был врагом
И другом голи перекатной.*

Перемена

Я еще когда то и бедняком
Не из восточнаго возледа,
А потому, что тогда шаг
Шел мимо бел почин и параша.

Котел я с барсиком один этаким
И с пудиком фликейкой,
Я зарюбаску не врагом
И зуроч вол перекатом.

И я старался дружку свести
С людуш и тируш этаким,
За что и делам мне гест,
Меня считают тоже рваным.

Тогда одевался без дуга,
Вещиш белен, мелен, всок
Умел поделом без прикрад
И черзак без закалок.

И я испортился с тех пор,
Как времен кошмар порга,
И горе возвел в позор,
Меня и оптимист корга

Всем тебе, кому я доверял,
Я с давних пор уже неверен.
Я человека поисрал
С тех пор как всем то повесил

*И я старался дружбу свести
С людьми из трудового звания,
За что и делали мне честь,
Меня считая тоже рванью.*

*Был осязателен без фраз,
Вещественен, телесен, весок
Уклад подвалов без прикрас
И чердаков без занавесок.*

*И я испортился с тех пор,
Как времени коснулась порча,
И горе возвели в позор,
Мещан и оптимистов корча.*

*Всем тем, кому я доверял,
Я с давних пор уже не верен.
Я человека потерял
С тех пор как всеми он потерян...*

Мало кто знает, что поэт Михаил Исаковский не только лирик, но и юморист. Привожу шуточное стихотворение, которое он подарил мне для Чукоккалы.

Шутка

Холестерин

*(Семейная повесть о том, как у меня в крови
было обнаружено избыточное количество холестерина,
и что после этого случилось)*

*К. И. Чуковскому
25/II 1952 М. Исаковский*

*Это все случилось нынешней зимой.
Я пришел из поликлиники домой,*

*Я принес жене анализы свои:
Посмотри, мол, на бумажки на сии...*

*Как взглянула на анализы жена,
Как взялась меня отчитывать она! —*

*Все словами медицинскими —
Непонятными, латинскими:*

*«Дескать, что же ты наделал, сукин сын,
Для чего же ты развел холестерин? —*

*От него же начинается склероз,
От него же получается тромбоз;*

Щерба

М. Исаковский

К. И. Щерба
27/11/952 М. Исаковский

Холестерин

(Семейная повесть о том, как у меня в крови было
обнаружено избыточное количество холестерина и
что после этого случилось).

Это все случилось выпенюней зимой.

Я пришел из поликлиники домой,

Я принес тебе анализы свои:

Рассмотри, мол, на бланках ка сии...

Как взглянула на анализы тебя,

Как вздрогнул меня отчитывать она! —

Все словами медицинскими —

Непонятными, латинскими:

„Дескать, это же ты надевал, сукин сын,
Из чего же ты развел холестерин? —

От него же начинаешь склероз,
От него же получаешь тромбоз;

От него болит и печень у людей, —
 Для чего ж ты накопил его, злодей?!
 Нет, уж я теперь тебя не пощажу:
 На такую на диету посажу,
 На такую, на придуманную мной,
 Что и запах-то забудешь ты мясной;
 Не увидишь ты у собственного рта
 Даже рыбы, даже рыбьего хвоста. —
 Таково мое решение, гражданин! —
 Будешь знать, как разводить холестерин!...»
 В общем, ради долголетия
 Очутился на диете я.
 Друг за другом — непрерывные —
 Потянулись дни безрыбные,
 Безмясные, безколбасные, —
 Скажем попросту, — злосчастные.
 Наступило время грустное —
 Винегретное, капустное,
 Время просто невозможное —
 Простоквашное, творожное,
 Крупяное и молочное, —
 В общем, очень худосочное...
 Я не жил, а только маялся,
 То раздумывал, то каялся,
 То ругался, то печалился
 И в конце концов отчаялся:
 Тяжела была трагедия,
 Но спасла энциклопедия.
 Нужный том я положил себе на стол,
 Все, что надо мне, скорехонько нашел.
 И прочел заметку длинную
 Про напасть холестеринную.
 Я прочел про это пакостное зло,
 И на сердце просветление нашло.
 Из заметки я узнал секрет один:
 Растворяется в спирту холестерин.
 Ну, а если растворяется,
 Значит, водка одобряется.

М. Исаковский

*Значит, это не такая уж беда,
И полезно, значит, выпить иногда.*

*Так я вывел заключение
Относительно лечения.*

На елке в Колонном зале мне случилось выступить вместе с Василием Ивановичем Лебедевым-Кумачом. Прочитанное им стихотворение, очень горячо принятое молодой аудиторией, так понравилось мне, что я попросил Василия Ивановича подарить мне его автограф для Чукоккалы.

Елки зеленые

*Это — быть, а не сказка, — имейте в виду...
Был я гостем на елке в детском саду.
Я пришел, прочитал два стишка для ребят,
Посмотрел, как ребята у елки шалют.
Спели песенку мы. И настала пора
Мне прощаться. Повисла на мне детвора.
Вдруг я вижу — мальчонка стоит в уголке,
Трет глаза кулаком — и слеза на щеке.
Я — к нему: — Кто обидел тебя? Что с тобой?
Он заплакал, зевнул и промолвил: — Д-о-м-о-й!..
И, прижавшись ко мне, он сопя прошептал:
— Я устал... Я от елков от этих устал...*

*Елку сделал домком,
Сделал мамин местком,
Сделал папин завком,
Сделал тетин группком,
Сделал братьев отряд,
Сделал дом октябрят,
Семь знакомых ребят,
Музыкальная школа,
Райком комсомола,
Мамин брат — дядя Сема...*

*И потом у нас елка есть дома!
И малыш, безнадежно махнувши рукой,
Замолчал, удрученный нагрузкой такой.
Я сказал осторожно: — Зачем же ты, друг,
Подрядился ходить на все елки вокруг?
Ты и маме и всем прямо так и скажи:
«Я устал, мол, от елок». А сам полежи,
На коньках покатайся, пойди погулять.
— Ишь какой! А подарки-то надо мне взять?
И, вздохнув тяжело всей ребячьей душой,
Он взглянул с укоризной: хоть ты, мол, большой
И про елки стихи говорить ты мастак,
А по части подарков — не смыслишь никак!*

Eine Besenke

Второй Всесоюзный съезд советских писателей открылся 15 декабря 1954 года в Большом Кремлевском дворце. На торжественном открытии съезда я сел рядом с Евгением Шварцем, который тут же написал мне в Чукоккалу:

Филиал Чукоккалы № 14.
Во Дворце 15 декабря.

Не всякий Шварец
Попадает во дворец.

Е. Шварец
бывший секретарь
К. Чуковского

Филиал Чукоккалы № 14.

Из Дворца 15 декабря.

Не всякий Шварец
Попадает во дворец.

Е. Шварец
бывший секретарь К. Чуковского.

Съезд открылся большим интересным докладом Алексея Александровича Суркова. Этот доклад, охватывающий значительный период советской литературы (1934—1954 годы), естественно, был более обширен, чем того хотелось некоторым нетерпеливым слушателям.

На Втором, на Всесоюзном
съезде
С Верой Инбер мы сидели вместе.
И доклад Суркова полной мерой
Мы хлебнули вместе с Инбер
Верой.
Спать хотели, пить хотели
вместе
На Втором на Всесоюзном
съезде.
И в альбом Чуковскому Корнею
Написали это вместе с нею.

17/XII 54 г. М. Алигер

На Втором, на Всесоюзном
съезде
с Верой Инбер мы сидели вместе.
И доклад Суркова полной мерой
мы хлебнули вместе с Инбер
Верой.
Спать хотели, пить хотели вместе,
на Втором, на Всесоюзном
съезде.
И в альбом Чуковскому
Корнею
написали это вместе с нею.
17/XII 54 г. М. Алигер

Когда Суркова речь
 чуть окала —
 уже мне чудилась
 чукоккала!

Когда Суркова речь
 чуть окала —
 уже мне чудилась
 Чукоккала!
 Семен Кирсанов
 15/XII 54

Семен Кирсанов

15/XII 54

На съезде

Те, кого упомянули —
 Те ушли или уснули.
 Те-ж кого тут не назвали —
 Терпеливо преют в зале.
 Те, кого докладчик ест —
 В кулуарах кроют съезд.

На съезде
 Те, кого упомянули, —
 Те ушли или уснули,
 Те ж, кого тут не назвали, —
 Терпеливо преют в зале.
 Те, кого докладчик ест, —
 В кулуарах кроют съезд.

17 XII 54 С. Михалков

С. Михалков

17. XII 54.

Валентин Овечкин обратился на съезде к писателям с призывом покинуть Москву и поселиться вдали от центров, чтобы изучать народную жизнь в ее отдаленных глубинах.

На меня этот призыв произвел большое впечатление своей несомненной искренностью.

Велико было мое удивление, когда, выйдя в кулуары, я увидел на стене большой плакат, на котором огромными буквами была начертана дружеская пародия на речь Валентина Овечкина. Я тогда же переписал эту пародию в Чукоккалу.

Выступление Овечкина

*Довольно! Будя! Пожили в Москве.
От заседаний шумно в голове.
Зачем лишь на столичном пироге
Сидят все сочинители упрямо?
Послать Фадеева обратно в Удэге,
Катаева назад в Одессу-маму!
Сурков пусть едет в город Щербаков:
Он рыбинский, туда ему путевка.
Что делает в Москве поэт Светлов?
Послать его в Гренаду иль в Каховку!
Пусть Первенцев вернется на Кубань,
А Грибачев куда ему угодно!
Для Симонова есть Тьмутаракань,
Где можно сочинять свободно.
Когда мой план свершится наяву,
Когда писателей ватага расселится,
Из Курска перееду я в Москву,
Чтоб написать о буднях сей столицы.*

Макс Поляновский

Вообще вся стена была сверху донизу увешана плакатами, отражающими то, что происходило на съезде.

На одном из этих плакатов красовалось такое двустишие:

*Я помню чудное мгновенье,
Когда он кончил выступленье.*

На другом плакате:

*Спор о самовыражении
Был достоин уважения.
Вызывали возражения
Только сами выражения.*

По поводу выступлений Федора Гладкова и Михаила Шолохова:

Вначале Съезд шел довольно гладковато, а потом пошел шолоховато.

Кипит, шумит, сверкает съезд,
Толпа в живом движении —
И как на ярмарке невест
Писатели в волнении.

Кто упомянут — весел тот,
Ке упомянут — злобен.
А кто на перечни плывёт,
Тот мудрецу подобен.

Но есть один в толпе людей
Кому везет чертовски:
Пополнил свой альбом Корней
Иванович Чуковский.

В. Друзин

21/XII 1954

г. Москва
Книжный Зал.

Ознакомился впервые
с Чукоккалой в дни
Второго съезда писателей.
Корней Иванович, шумя,
молвил мне и ушами.

А. Твардовский

28.XII.54.

Кипит, шумит, сверкает съезд,
Толпа в живом движении —
И как на ярмарке невест,
Писатели в волнении.

Кто упомянут — весел тот,
Не упомянут — злобен.
А кто на перечни плывет,
Тот мудрецу подобен.

Но есть один в толпе людей,
Кому везет чертовски:
Пополнил свой альбом Корней
Иванович Чуковский.

В. Друзин¹

21/XII 1954.

г. Москва, Колонный зал.

¹ Валерий Павлович Друзин —
литературовед, критик и журна-
лист.

Ознакомился впервые с Чукок-
калой в дни Второго съезда писа-
телей. Корней Иванович, глубоко
люблю Вас и уважаю.

25.XII.54

А. Твардовский

Спасибо, дорогой Корней Иванович, за прекрасное выступление, украсившее наш всесоюзный второй кто-кого съезд!

Ваш В. Каверин

Спасибо, дорогой Корней
Иванович, за прекрасное
выступление, украсившее
наш второй кто-кого съезд

Ваш В. Каверин

В разгаре съезд. Бушуют прения.
Почтенный сохраняя вид,
Как будто ангел единенья,
На сцене Симонов сидит.

За ним, различные по струнам,
Не разнимая жарких рук, —
Турсун-Заде с Самед Вургуном
И с Василевской Корнейчук.

18.XII.54

М.

Дудин

В разгаре съезд. Бушуют прения.
Почтенный сохраняя вид,
Как будто ангел единенья
На сцене. Симонов сидит.

За ним, различные по струнам,
Не разнимая жарких рук —
Турсун-Заде с Самед Вургуном
и с Василевской Корнейчук.

Вхаче МДуд

[Дудин]

Хорошо было Суркову — он в докладе цитировал Горького. А кого будет цитировать докладчик на 3 съезде?

Г. Рыклин

16 дек 1954.

Хорошо было Суркову — он в докладе цитировал Горького. А кого будет цитировать докладчик на 3 съезде?

Г. Рыклин

16 дек. 1954 г.

Разгромив сторонников
бесконфликтного вздора,
съезд проходит без конфликта,
без сучка, без задора.

18.12.54.

Д. Заславский

Разгромив сторонников
бесконфликтного вздора,
съезд проходит без конфликта,
без сучка, без задора.

Д. Заславский

18.12.54

25/XII 54.

Скучно. Поздно. Время — за ночь.

Дым табачный очи ест...

Голоснем, Корней Иванович,
и закончим этот съезд!

Александр Жаров

25/XII 54

Скучно. Поздно. Время — за ночь.
Дым табачный очи ест...
Голоснем, Корней Иванович,
и закончим этот съезд!

Александр Жаров

Рад, что в дни Второго Съезда
здесь и мне досталось место
(в филиале Чукоккалы)

25/XII В. Луговской

Рад, что в дни Второго Съезда
здесь и мне досталось место
(в филиале Чукоккалы).

25/XII

В.

Луговской

Проект

Табель о рангах (только прилагательные)

1. Величайший
2. Великий
3. Гениальный
4. Знаменитый
5. Выдающийся
6. Замечательный
7. Большой
8. Крупнейший
9. Крупный
10. Любимый народом
11. Любимый читателем
12. Широкоизвестный
13. Известный
14. Значительный
15. Виднейший
16. Видный
17. Ведущий
18. Признанный
19. Талантливый
20. Даровитый
21. Одаренный
22. Популярный
23. Читаемый
24. Способный
25. Проблемный
26. Хорошо чувствующий современность
27. Проникновенный
28. Вдумчивый
29. Интересный
30. Серьезный
31. Правдивый
32. Искренний
33. Плодовитый
34. Культурный
35. Опытный
36. Много видевший
37. Растущий
38. Самообытный
39. Периферийный
40. Один из старейших
41. Молодой
42. Квалифицированный
43. Начинающий (вечная категория)
44. Детский
45. Имеющий своего читателя
46. Добросовестный
47. Малоопытный
48. Малорастущий

Одним из самых остроумных людей, каких мне случалось встречать, я считаю Эммануила Казакевича. Оставляю его имя без всякого эпитета, так как все обычно употребляемые в советской печати эпитеты к слову «писатель» были исчерпаны им в нижеследующем Табеле о писательских рангах.

- Табель о рангах писателя
(только прилагательные)
1. Величайший	39. Периферийный
2. Великий	40. Один из старейших
3. Гениальный	41. Молодой
4. Знаменитый	42. Квалифицированный
5. Выдающийся	43. Начинающий
(вечная категория)
6. Замечательный	44. Детский
7. Большой	45. Имеющий своего читателя
8. Крупнейший	46. Добросовестный
9. Крупный	47. Малоопытный
10. Любимый народом	48. Малоизвестный
11. Любимый читателем	49. Мало даровитый
12. Широкоизвестный	50. Мало талантливым
13. Известный	51. Мало плодовитым
14. Значительный	52. Мало искренним
15. Виднейший	53. Мало правдивым
16. Видный	54. Мало опытным
17. Ведущий	55. Мало растущим
18. Признанный	56. Мало самообытным
19. Талантливый	57. Мало периферийным
20. Даровитый	58. Мало одним из старейших
21. Одаренный	59. Мало молодым
22. Популярный	60. Мало квалифицированным
23. Читаемый	61. Мало начинающим
24. Способный	62. Мало детским
25. Проблемный	63. Мало имеющим своего читателя
26. Хорошо чувствующий современность	64. Мало добросовестным
27. Проникновенный	65. Мало малоопытным
28. Вдумчивый	66. Мало малоизвестным
29. Интересный	67. Мало малодаровитым
30. Серьезный	68. Мало малоталантливым
31. Правдивый	69. Мало малоплодовитым
32. Искренний	70. Мало малоискренним
33. Плодовитый	71. Мало малоправдивым
34. Культурный	72. Мало малоопытным
35. Опытный	73. Мало малорастущим
36. Много видевший	74. Мало маломноговидевшим
37. Растущий	75. Мало малорастущим
38. Самообытный	76. Мало малосамобытным
39. Периферийный	77. Мало малопериферийным
40. Один из старейших	78. Мало малоодним из старейших
41. Молодой	79. Мало маломолодым
42. Квалифицированный	80. Мало малоквалифицированным
43. Начинающий (вечная категория)	81. Мало малоначинающим
44. Детский	82. Мало малодетским
45. Имеющий своего читателя	83. Мало малоимеющим своего читателя
46. Добросовестный	84. Мало малодобросовестным
47. Малоопытный	85. Мало маломалоопытным
48. Малорастущий	86. Мало маломалорастущим
- (параллельно и дополнено)

27. Хорошо пишущий
современный
28. Проникновенный
29. Печальнейший
30. Интересный
31. Революционный
32. Благородный
33. Исходный
34. Плодотворный
35. Кухотворный
36. Впечатляющий
37. Раздумный
38. Самолюбивый
39. Сило раскрывающий
40. Тонкий
41. Яркий
42. Успешно работающий в жанре
ищущий фантастики
43. Не лишённый дарования
44. Работоспособный
45. Разносторонний
46. Взвзвешивающий тему, но...
47. Так и не понявший
48. Воспитывающий читателя в духе...
49. Призывающий читателя к
борьбе за (против)...
50. Хорошо знающий быт водников
51. Положительно упомянутый
- Забыв «некий» (Заходер).

49. Малодаровитый
50. Надолго замолчавший
51. Незаслуженно забытый
52. Заслуженно забытый
53. Печально известный
54. Честный
55. Незаслуженно раздутый
56. Бездарный
57. Ныне разоблаченный

(Варианты и дополнения)

58. Слабо знающий советскую действительность
59. Сило раскрывающий
60. Тонкий
61. Яркий
62. Успешно работающий в жанре научной фантастики
63. Не лишенный дарования
64. Работоспособный
65. Разносторонний
66. Взвзвешивающий тему, но...
67. Так и не понявший
68. Воспитывающий читателя в духе...
69. Призывающий читателя к борьбе за (против)...
70. Хорошо знающий быт водников
71. Положительно упомянутый

Примечание: К любому из этих прилагательных для их ослабления можно прибавить слова: «безусловно» или «несомненно».

Эм Казакевич

Забыв «некий».

(Заходер)

Внимания и славы не ища,
Стою себе тихонечко на ща.
Другой компании искать себе
не смея
(Иначе был бы, право, бесшабашен!) —
Илья Григорьевич и Александр Яшин,
Не говоря уже про самого

Корнея¹.

¹ Перечисляются писатели, фамилии которых начинаются буквами, стоящими в русском алфавите недалеке от буквы «Щ»: Илья Григорьевич — Эренбург, Корней — Чуковский.

Владимир Маяковский не любил поэта Надсона. Он говорил, что это не поэт, а плаксивый шарманщик. И в своем знаменитом обращении к памятнику Пушкина («Юбилейное») он выразил желание, чтобы памятник Надсону был где-нибудь подальше от него («Между нами — вот беда — поэтаселся Надсон. Мы попросим, чтоб его куда-нибудь на Ща!»).

Вряд ли Маяковский в то время предполагал, что в советской литературе появится поэт, фамилия которого и в самом деле начинается на «Щ».

Это — Степан Щипачев, который через сорок два года ответил Маяковскому в своей шуточной чукоккальской записи:

Внимания и славы не ища,
Стою себе тихонечко на ща.
Другой компании искать себе не смею
(Иначе был бы, право, бесшабашен!) —
Илья Григорьевич и Александр Яшин,
не говоря уже про самого Корнея.

У моего дачного соседа Валентина Катаева был очень
добродушный и покладистый пес Мишка. Мишка сопровож-
дал меня во всех прогулках по Переделкину.

От катаевского Мишки

К. И. Чуковскому

*Нет, я не Байрон,
Я другой.
Сергей Васильев*

*В светлый день весенний,
В зимний смутный день,
В будни, в воскресенье,
С вами ваша тень.*

*Ах, Корней Иванович!
Пламенный привет!
Я не Хармс, не Паньч,
Я не критик, нет.*

*Не писатель детский
И не Дед-Мороз,
Я простой советский
И соседский пес,*

*По прозванию Мишка,
По породе — плебс,
Ни к чему мне книжка,
Но к чему мне хлеб-с!*

*От души желаю
Счастья и добра,
В вашу честь я лаю
Каждый день с утра.*

*От моих хозяев
Долго ждать еды...
Валентин Катаев
Весь ушел в труды.*

*То сюжет, то форма,
То аванс... увы...
Ну, а что до корма,
То уж это — вы.*

*Миллион прогулок.
Миллион бесед...
Сколько вкусных булок,
Дорогой сосед...*

от Караванов
и Мухоморова

К. И. Чуковскому.

«Нет, я не Битлз,
я другой» — Сергей Висников

В ветро́й день всемирный,
в зимний, сумрачный день,
в буре́х, в воскресенье,
в бурю ~~буря~~ день.

5

Ах, Корней Иванович!
Пламенный привет!
Я не хан, не князь,
Я не царица, нет.
Не писателю глумят,
И не ~~звездо~~-молот
Я - просто, ~~созвездия~~
и созвездиям нес,

По провозному мунисе,
По породе - илебе,
Ни ис чену иле кимисе,
Но ис чену иле хлеб-с!

От души желаю
счастья и удачи,
В Вашу честь яжаю
Каждый день с утра.

*Сколько милых шуток,
Корок, сухарей,
Косточек от уток
И других зверей.*

*Мне бы ваш бы ум бы,
Я б наделал дел,
Я б тогда на тумбы
Даже не глядел.*

*Все сидел да ел бы,
Был бы так же мил,
Все б на вас смотрел бы,
Все бы вас кормил.*

*Дай вам бог здоровья,
Долгих, вкусных лет,
Маслице коровье,
Множество котлет,
Толстую сберкнижку,
Золотой фасад...*

*За собаку Мишку
Раскин Александр*

1/IV 56 г. Переделкино

В переделкинском Доме творчества, где ежемесячно отдыхает и работает около пятидесяти писателей, одно время по распоряжению администрации было запрещено приглашать к столу приезжавших гостей.

Это вызывало немало протестов. Один из таких протестов выразила стихами в Чукоккале талантливая юмористка Л. Давидович.

*Снегами отделен от мира,
За переделкинским холмом,
Творенье позднего ампира —
Стоит белоколонный дом.
Здесь не идут на компромиссы,
Будь то Сельвинский иль Барто.
(Здесь, правда, кормят тех, кто в «Зисах»,
А кто в «Победах» — ни за что!)
Как пес катаевский, приبلудный,
Не входит в наш парадный холл, —
Так мерз со всей семьей Рудный,
Но к табльдоту не пошел!
Живет теперь Литфонд по-барски —
Ешь и гуляй, гуляй и пей!*

(Дотацию дает Коварский,
И кормит Фриду¹ Бармалей²!)
Гостеприимную веками
Россию ставили в пример!
Но лишена «пюре с гренками»
Отныне даже Алигер!..

Снисходят на меня с Парнаса
Видения минувших лет:
...Вот для Панаевой Некрасов
Стыдливо прячет винегрет!
Жорж Санд приехала к Шопену,
И он, склонясь у милых ног,
Ей посвятил ноктюрен бесценный,
Но чаю предложить не мог!..
Что говорить о хлебосольстве?
(Ведь это ж просто анекдот!)
Один Гонкур живет в довольстве,
Другой Гонкур — под елкой ждет!

С Литфондом в ссору не входите;
Коль не хотите быть одни, —
Вы тучников к себе зовите,
Ис в их разгрузочные дни!
Будь ты ведомый, иль ведущий,
Одному, друг мой, не мешай!
Да! Жизнью пользуйся живущий,
А уж гостей не приглашай!

С Литфондом в ссору не входите;
Коль не хотите быть одни, —
Вы тучников к себе зовите,
Но в их разгрузочные дни!
Будь ты ведомый, иль ведущий,
Отныне, друг мой, не плошай!
Да! Жизнью пользуйся живущий,
А уж гостей не приглашай!

Л. Давидович

Переделкино
Март 1956 г.

Л. Давидович
Переделкино
Март 1956 г.

¹ Фрида — писательница Ф. А. Вигдорова.

² Под именем Бармалея поэт понимает меня. Литературовед Н. А. Коварский и я, жившие близ Дома творчества, приглашали к себе на обед особенно изголодавшихся гостей.

Вот стихотворение, созданное коллективно, в данном случае всей семьей моего соседа Павла Нилина.

На день рождения Корнея Чуковского.

1 апреля 1957 года

Ода.

Все дороги ведут в Переделкино.
Барабанил и ночью капель.
На деревьях танцуют все белки. Но
Взволновал их не только апрель.

Уловили по шуму московскому,
И по радио было слышать,
Что сегодня Корнею Чуковскому
Исполняется семьдесят пять.

* * *

В эти семьдесят пять
Мы хотим Вам сказать,
Как мы любим Ваш труд,
Как мы ценим Ваш труд,
Как мы верим, что годы
его не сотрут.

* * *

Мы хотим, чтоб опять и опять
Нам пришлось Вам стихи посвящать.

Актив семейства

П. Нилин

М. Юфит

Нилиных:

А. Нилин

М. Нилин

Стихи были написаны не только им, но и его женой, писательницей М. Юфит, и его двумя сыновьями.

Дорогой Корней Иванович!
Я очень, очень люблю Вас и
очень горжусь тем, что Вы хоро-
шо относитесь к моим куклам.

30/III 57 г.

С. Образцов

И в последние годы Чукоккала продолжает существовать
и пополняться шутивными и серьезными записями. Правда,
приток их уменьшился, так как я живу сейчас более
уединенно.

Живу я, в
почве, кореня,
Люблю Чуковского
Корнея
23/IV 59.

Живу я, в почве кореня,
Люблю Чуковского Корнея.

23/IV 59 г. М. Светлов

Хоть и боком я,
А пролез в Чукоккалу.
Чем и горжусь.

Это — аванс, а полная выдача
для Чукоккалы будет немного
позже.

К. Паустовский

20/VI 63

Переделкино

Хоть и боком я,
А пролез в Чукоккалу.
Чем и горжусь!

Это — аванс, а полная выдача
для „Чукоккалы“ будет немного позже.

20/VI-63

К. Паустовский

Переделкино

Поэтесса Елена Благинина, автор нескольких детских книг, с замечательным мастерством переводившая Шевченко и Квитко, однажды прислала мне следующий новогодний привет, выдержанный в стиле восточных газелл. Форма эта требует строгого соблюдения внутренних редифных рифм. По красоте стиха, по изяществу формы это одно из лучших стихотворений в Чукоккале.

В грядущем году будьте здоровы,
Чуковский!
Живите в блистании славы,
Чуковский!
Люблю Вас! О встрече мечтаю
всечасно...
Вам некогда! В этом Вы правы,
Чуковский!
Я тоже похожа на некую белку,
Но хочется все же «попасть в
Переделку»!

В грядущем году будьте
здоровы, Чуковский!
Живите в блистании славы,
Чуковский!
Люблю Вас! О встрече меч-
таю всегасно...
Вам некогда! В этом Вы
правы, Чуковский!
Я тоже похожа на некую
Белку,
Но хочется все же „попасть
в Переделку!“

Урежьте кусочек досуга,
 Чуковский!
 Утешьте старинного друга,
 Чуковский!
 Все кино, все брошу, пом-
 нусь метеором,
 Пусть дождик, пусть вьюга...
 Мне был бы Чуковский!
 За сим остаюсь и присно,
 и ныне —
 Благинина —
 Ваша слуга и рабыня.
 1/1 61.

Урежьте кусочек досуга,
 Чуковский!
 Утешьте старинного друга,
 Чуковский!
 Все кино, все брошу, помчусь
 метеором,
 Пусть дождик, пусть вьюга...
 Мне был бы Чуковский!
 За сим остаюсь и присно,
 и ныне —
 Благинина —
 Ваша слуга и рабыня.

1/1 61

Роберт Фрост

Forgive, O Lord, my little jokes on Thee,
 And I'll forgive thy great big joke on me
 Robert Frost
 For Kornei Chukovsky

Forgive, O Lord, my little jokes
 on Thee, And I'll forgive thy great
 big joke on me.

Robert Frost
 For Kornei Chukovsky

Перевод этих строк:

Прости мне, господи, мои маленькие насмешки над
 тобою, и я прощу тебе ту большую шутку, которую ты
 разыграл со мной.

И можно ли с уверенностью сказать, что
когда сменялись юности в стране,
ва жнейшие вехи истории нашей
Чуковский в гости к себе не шел.

Он сам считался мхом на стене,
нефедоуемый — "только без вины!"
и что-то удивительно неуживчив
по отношению к блоку, к Кузнецову.

Литература была для него
своей полнотой, —
свободой, как подлинная,
где бы еще не было кривизны.

Ах, потому — не надо жалеть,
а надо с ней бороться, бороться,
и не забывать о том, о чем,
и что и сейчас — наша жизнь.

Под тем же углом зрения рассуждал,
но не же не ставил — индифферентно.
Всем людям — а особенно писателям
и властям — не надо было
идти к ней.

Е. Е. Есенин

Как-то зимой я решил навестить Евтушенко. Мимо проезжал милиционер на мотоцикле — подвез меня до его дачи. Евгений Александрович написал в Чукоккале:

*...И можно ли с усталостью мириться мне,
когда — старейший юноша в стране —
на мотоцикле вежливой милиции
Чуковский в гости жалуется ко мне.*

*Он сам снимает меховой нагрудничек,
предупреждает: «Только без вина!»
и что-то удивительно накручивает
про Зоргенфрея, Блока, Кузмина.*

*Литературы мудрые сверхсрочники,
седые полуночники земли,
страницы вашей жизни, как подстрочники,
где вы еще не все перевели.*

*Ах, юноши — не надо рано вешаться,
а надо сил побольше запастись
и пережить врагов — достойно, вежливо,
и чтоб не скучно — новых завести.*

*Под тяжким грузом времени посапывать,
но все же не сгибаться — надлежит...
Всем людям, а особенно писателям
в двадцатом веке долго надо жить.*

Евг. Евтушенко

Советские люди знают одного Малаховского — Бронислава Брониславовича, блестящего карикатуриста, украшавшего своими рисунками юмористические журналы двадцатых-тридцатых годов. Но есть и другой Малаховский, брат Бронислава Брониславовича, живущий в Стокгольме. Этот шведский Малаховский тоже одаренный талантом юмориста-художника недавно посетил СССР. Был у меня в Переделкине вскоре после того, как я воротился из Англии, где Оксфордский университет присудил мне звание доктора литературы. Уезжая, шведский Малаховский оставил в Чукоккале прекрасный фантастический шарж, изображающий, как я в мантии оксфордского профессора прыгаю в лесу по детским скамьям (стр. 438).

Борис Заходер вписал в Чукоккалу свое стихотворение (стр. 439):

Читая Гёте

*Нет ничего святого у поэта!
Что может быть святого у того,*

Дорогую Корнею Уранову
на добрую память о давнем
и добром знакомстве.
С Восхищением. // МАЛХОВСКИЙ

Титанг Тема

Нет ничего светлого у поэта!
Это может быть светом у того,
Кто обдает на поруганье света
Светлые тайны сердца своего?

Кто не изадиет себя — отча родного
Не поизадиет — для красного словца...
Это может быть светом у певца?

- Есть у него свои светилки:

Слова

Да, он с уныликом смотрит на светилки,
Не верит в рай и презирает ад;
Он знает, что слова его звучат
Как голос вопиющего в пустыне,

Но для него страшнее адских мук
Пустое слово и неверный звук

Борис Заходер

Кто отдает на поруганье света
Святые тайны сердца своего?
Кто не щадит себя — отца родного
Не пощадит — для красного словца...
Что может быть святого у певца?

— Есть у него своя святыня:
Слово.

Да, он с усмешкой смотрит на святыни,
Не верит в рай и презирает ад;
Он знает, что слова его звучат
Как голос вопиющего в пустыне,

Но для него страшнее адских мук
Пустое слово и неверный звук.

Борис Заходер

Я уже говорил, что З. Паперный не только литературовед, но и блестящий юморист.

В Центральном Доме литератора — очередная реорганизация. Кстати, что такое вообще реорганизация?

Реорганизация — это превращение одной организации в другую, достигающее такой степени дезорганизации, при которой становится очевидным преимущество первой организации перед второй и необходимость новой реорганизации.

В ЦДЛ решено перестроить секции в творческие объединения, — не знаю, кому принадлежит эта идея или затея.

Кстати, в чем разница между идеей и затеей?

Идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Затея, овладевшая массами, приносит неисчислимые материальные убытки.

В ЦДЛ созданы объединения моск[овского] отделения Союза писателей: Союзное Творческое Объединение Поэтов — сокращенно СТОП.

Союзное Творческое Объединение Прозаиков — сокращенно СТОП.

Союзное Творческое Объединение Переводчиков — сокращенно СТОП.

В ЦДЛ часто бывают гости из других домов художественной интеллигенции. Роль ЦДЛ в собирании работников искусств сравнивают с исторической ролью собирателей Руси — Ивана III и Ивана IV-го, Грозного. Сравнение с Иваном Грозным не должно пугать. Как доказали в свое время наши историки, Иван Грозный был не грозным, а милым, добрым, отзывчивым человеком. Правда, он был

В Центральном доме литератора - передная реорганизация. Кетан, это яное вообще реорганизация?

Реорганизация - это превращение одной организации в другую, происходящее такой степени реорганизации, при которой становится очевидным преимущество первой организации перед второй и необходимость новой реорганизации.

В ЦДЛ решено перестроить школу в творческие объединения, - не знаю, кому принадлежат эти идеи или затея.

Кетан, в чем разница между идеями и затеями?

Идея очевидная, массовая, ставящая материальную цель. Затея очевидная, массовая, приносит неопределимые материальные убытки.

В ЦДЛ созданы объединения моего отделения Союза писателей.

Союзное творческое объединение поэтов - сокращено стои.

Союзное творческое объединение прозаиков - сокращено стои.

Союзное творческое объединение переводчиков - сокращено стои.

В ЦДЛ часто бывают гости из других домов художественной интеллигенции. Роль ЦДЛ в собирании работников искусства сравнивают с исторической ролью собирателей Руси - Ивана III и Ивана IV-го, грозного. Сравнение с Иваном Грозным не должно пугать. Как доказали в свое время наши сопотки, Иван Грозный был не грозным, а великим, добрым, отзывчивым человеком. Край, он был вспыльчив, но втайне, из-за этого из картины Репина "Иван Грозный убивает своего сына".

Вот тему ЦДЛ - не грех дом творчества, а дом Дома творчества или сокращено ДДТ.

23/1-66.

Златерно

вспыльчив, но отходчив, что видно из картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына».

Вот почему ЦДЛ — не просто Дом Творчества, а Дом Домов Творчества, или сокращенно ДДТ.

3. Паперный

23/1 66 г.

Вот какие стихи о Чукоккале написал Андрей Вознесенский:

Чукоккала

Либо Вы — великие,
Либо — ничегоголи...
Все Олимпы — липовы,
Окромя Чукокколы!
Не хочу «Кока-колу»,
А хочу Чукокколу!..

Андрей Вознесенский

3.VIII 66

А вот стихи Станислава Рассадина:

Корней Иванович! Не жестоко ли
Мне место предлагать
в «Чукоккале»?
В реестре, славой громыхающем,
Мне быть печальным
замыкающим?
Трястись обозною телегою?
Нестроевым полукалекою?..

Убитый Вашею насмешкою,
Я все ж, как видите, не мешкаю
И соглашусь тем не менее
Стоять внизу кривой падения.
Пусть грех лежит у Вас на
совести:
Я стану точкой в этой повести,
Чтоб было зрелище страшней —
«От Чехова до наших дней»¹.

Ст. Рассадин

13.XI.67

¹ «От Чехова до наших дней» — первая книга Корнея Чуковского, изданная в 1908 г.

Корней Иванович! Не жестоко ли
Мне место предлагать в «Чукоккале»?
В реестре, славой громыхающем,
Мне быть печальным замыкающим?
Трястись обозною телегою?
Нестроевым полукалекою?..

Убитый Вашею насмешкою,
Я все ж, как видите, не мешкаю
И соглашусь тем не менее,
Стоять в низу кривой падения.
Пусть грех лежит у Вас на совести:
Я стану точкой в этой повести,
Чтоб было зрелище страшней —
«От Чехова до наших дней»

13.11.67.

Ст. Рассадин

Говоря о стихотворных экспромтах, невозможно не вспомнить Самуила Яковлевича Маршака. Всюду — в театре, на даче, в гостях, в книжной лавке, в парикмахерской, в больнице — он при любых обстоятельствах легко и свободно, без малейшей натуги импровизировал озорные стихи, эпиграммы, пародии, восхищавшие меня своим блистательным юмором и прелестной лаконичностью формы.

В 1960 году, посылая мне свою книгу «Сатирические стихи», он сообщал, что издательство «изгнало» из нее около десятка экспромтов, —

*Но, может быть, в Музее
Чуковского Корнея —
В «Чукоккале» найдут
Изгнанники приют.*

28.III. 1960 С. М[аршак]

Чукоккала, конечно, оказала изгнанникам самое радушное гостеприимство. Теперь, когда двери этого музея распахнуты настежь, читателям нетрудно убедиться, какое почетное место занимают здесь экспромты Маршака.

Вот, например, с какими стихами Маршак обратился к своему «дорогому» портному:

*Ах вы разбойник, ах злодей!
Ну как вы проживаете?
Вы раздеваете людей,
Когда их одеваете.*

И вот его записка министру, заставившему его слишком долго дожидаться приема:

*У вас, товарищ Большаков,
Не так уж много Маршаков.*

Посылая вдове Алексея Толстого — Людмиле Ильиничне — сонеты Шекспира в своем переводе, он сделал на первой странице такую шутливую надпись:

*«Правда неразлучна с красотой», —
Скажешь, эту книжечку листая.
Не любил Шекспира Л. Толстой,
Но, быть может, любит Л. Толстая.*

Когда мы праздновали юбилей знаменитого историка Евгения Викторовича Тарле, я как-то сказал Самуилу Яковлевичу, что даже ему, Маршаку, не удастся подобрать рифму к фамилии юбиляра. Маршак мгновенно написал такие строки:

*В один присест историк Тарле
Мог написать (как я в альбом)
Огромный том о каждом Карле
И о Людовике любом.*

С. Маршак

В Чукоккале хранятся его давнишние строки о Демьяне Бедном:

*Собес! Дела твои бесплодны,
Какой неслыханный позор!
Поэт труда, поэт народный
Остался Бедным до сих пор.*

Строки написаны в 1924 году.

Блистательно стихотворение Маршака, обращенное к Надежде Михайловне, жене профессора И. Р. Гальперина. Здесь он остроумно обыграл идиомы «питать надежду», «льстить себя надеждой» и другие.

*Как прежде, я Надежде верен,
Не меньше верен, чем Илья,
Илья Романович Гальперин,
Надеждой выбранный в мужья.*

*Ну что ж, пускай Илья Гальперин
Надеждой избран, а не я, —
Стреляться с ним я не намерен:
Священна для меня семья.*

*В своих надеждах я умерен.
Питать Надежду должен он —
Илья Романович Гальперин,
Как обязал его закон.*

*Мне никогда не льстит Надежда,
И безнадежен мой роман,
Поскольку я — профан, невежда,
А он — профессор и декан.*

*Но все же пламенно, как прежде,
Я обращаюсь вновь и вновь
К моей единственной Надежде,
Уж не надеясь на любовь.*

Посылая свои переводы сонетов Шекспира нашему общему другу, писателю и книговеду И. И. Халтуруину, Маршак сделал на книге такую шутовскую надпись:

*Вам сочинения Шекспира
Дарю в залог любви моей.
Пусть не похожи Вы на Лиру
За неимением дочерей,*

*Пусть на Отелло не похожи, —
Не задушили Вы жены.
Притом Отелло — чернокожий,
А Вы нисколько не черны,*

Из альбома
Надежды Михайловны,
жены профессора Тальперика.

Как прежде, я Надежде верен,
Не меньше верен, чем Ильи,
Илья Романович Тальперин,
Надеждой выбранный в мужья.

Ну что же, пускай Ильи Тальперин
Надеждой избран, а не я, —
Стремиться с ним я не намерен:
Священна для меня семья.

В своих надеждах я уверен.
Теперь Надежду должен он —
Илья Романович Тальперин,
Как обязал его закон.

Мне никогда не оставит Надежда
И безнадешен мой рыдан,
Потому что я — профан, невежда,
А он — профессор и декан.

Но все же пламенно, как прежде,
Я обращаюсь вновь и вновь
К моей единственной Надежде,
Уже не надеюсь на любовь.

Пусть на Ромео не похожи,
Поскольку думают, что он
Стройней, прекрасней и моложе,
Да и в Уланову влюблен,

Пусть Вы не принц, не Гамлет датский
(Теперь не гамлетовский век!), —
Зато Вы мой приятель вятский
И очень милый человек!

С чувством сердечной признательности перечитываю я
светлые строки, обращенные покойным поэтом ко мне.

Когда мне исполнилось семьдесят пять лет, я получил от
него длинное послание в стихах:

Послание

75-летнему К. И. Чуковскому
от 70-летнего С. Маршака

Чуковскому Корнею
Послание к юбилею.
Я очень сожалею,
Что все еще болею
И нынче не сумею
Прибыть на ассамблею
На улице Воровского,
Где чествуют Чуковского.

Корней Иванович Чуковский,
Прими привет мой маршаковский!

Пять лет, шесть месяцев, три дня
Ты пожил в мире без меня,
А целых семь десятилетий
Мы вместе прожили на свете.

Привет мой дружеский прими!
Со всеми нашими детьми
Я кланяюсь тому, чья лира
Воспела звучно Мойдодыра.
С тобой справляют юбилей
И Айболит, и Бармалей,
И очень бойкая старуха
Под кличкой «Муха Цокотуха».

Пусть пригласительный билет
Тебе начислил много лет.
Но, поздравляя с годовщиной,
Не семь десятков с половиной
Тебе я дал бы, друг старинный.

Могу я дать тебе — прости! —
От двух, примерно, до пяти...
Итак, будь счастлив и расти!

С. Маршак

Он был значительно моложе меня. Это обстоятельство бывало не раз темой его шуточных стихов.

Визжу: Чуковского мне не догнать.
Пусть небеса нас рассудят!
Было Чуковскому семьдесят пять,
Скоро мне столько же будет.
Глядь, от меня ускакал он опять.
Снова готов к юбилею...
Ежели стукнет мне тысяча пять,
Тысяча десять — Корнею!

Большинство его шуточных стихов отличались язвительной колкостью. Но его голос всегда становился дружелюбным и мягким, когда речь заходила о детях.

Посылая мне третий том Собрания своих сочинений, он написал на его первой странице:

С приветом дружеским дарю Вам том свой третий.
Мы — братья по перу, ой как мы и родня.
Одна у нас семья: одни и те же дети
В любом краю страны у Вас и у меня.
С. М.

С приветом дружеским дарю
Вам том свой третий.
Мы — братья по перу, отчасти
и родня.
Одна у нас семья: одни и те же
дети
В любом краю страны у Вас
и у меня.

С. М[аршак]

Особенно тронула меня концовка одного из его последних обращений ко мне:

Могли погибнуть ты и я,
Но, к счастью, есть на свете
У нас могучие друзья,
Которым имя — дети!

Рукописный альманах
Корнея
Чуковского

ЧУКОККАЛА

Редактор
В. МАЛИКОВ
Художественный редактор
И. РУМЯНЦЕВА
Технический редактор
Р. БАЧЕК
Корректор
Б. СЕВЕРИНА

ИБ № 927
Сдано в набор 29.10.76.
Подписано к печати 10.08.78.
А07834.
Формат издания 70х90/16.
Бумага офсетная 100 г.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,76. Уч.-изд. л. 39,494.
Тираж 25 000. Изд. № 695.
Заказ 1110. Цена 6 руб.
Издательство «Искусство»,
103009 Москва, Собиновский пер., 3.
Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано с диапозитивов,
изготовленных типографиями
«Красный пролетарий»
и 1-я Образцовая им. А. А. Жданова.